

Воля к радости

Москва 2011

Оглавление

<i>От автора</i>	4
<i>I. Человек для себя</i>	6
1. Личный выбор и личное существование.....	6
2. Подходы к основному вопросу личного существования.....	6
3. Основное противоречие и основная проблема личного существования.....	7
4. Смысл и переживание.....	9
5. Воля к радости.....	11
6. Интерес.....	14
7. Страдание.....	15
8. Необходимое.....	18
9. Контекстуальная принадлежность.....	21
10. Представление и переживание.....	24
11. Сознание и существование.....	27
12. Сознание и возможность выбора.....	29
13. Сознание и мышление.....	30
14. Контекстуальная уместность.....	33
15. «Другому как понять меня» – представления мышления и представления сознания.....	34
16. Дерзновение творчества.....	36
17. Преодоление бессмысленного.....	38
18. Предназначение.....	39
19. Быть собой – совместность в необходимости.....	42
20. Осуществление.....	44
21. Свобода.....	46
<i>II. Человек для человека</i>	48
1. Самое общее отношение человека к человеку.....	49
2. Особенности описания личного существования.....	49
3. Модель существования в свободе.....	51
4. Существование в свободе одиночества.....	53
5. Две возможности выхода из одиночества.....	55
6. Четыре типа субъектного состояния.....	57
7. Совместность в паритетности.....	59
8. Непаритетная совместность – менторское просвещение.....	61
9. Два выхода из разочарования.....	64
10. Непаритетная совместность -- обличение.....	65
11. Катастрофа в свободе – жажда власти.....	67
12. Отношение к свободе и основной вопрос личного существования.....	68
13. Отношение к себе, или кто я для другого.....	69
14. Субъектные роли в объектном бытовании.....	70
15. Паритетное доминирование.....	71
16. Менторское доминирование.....	74
17. Обличительное доминирование.....	79
18. Деспотическое доминирование.....	82
19. Структура переживаний субъектного состояния.....	86
20. Три составляющие воли к радости.....	88
21. Товар – чувства – товар.....	89

III. Человек для других.....	92
1. Отношение к будущему, как основание смысла личного настоящего.....	92
2. Иррациональное представление о своем существовании.....	93
3. Рациональные и иррациональные представления.....	95
4. Иррациональное представление и социальное осуществление.....	96
5. Личный смысл в социальном существовании.....	98
6. Социальная и субъектная личность человека.....	100
7. Переживания социальной личности человека.....	104
8. Переживания субъектной личности человека.....	106
9. Взаимодействие субъектной и социальной личности человека.....	109
10. Детские годы чудесные, или представление о своей «хорошести».....	111
11. Фантомная воля.....	114
12. Фантомная воля и социальная традиция.....	116
13. Фантомные представления и ритуалы социальной традиции.....	119
14. Два типа социальных традиций.....	122
15. Социальная традиция иррационального типа.....	124
16. Социальная традиция рационального типа.....	127
17. Социальное существование человека.....	130
18. Основание для ответа на вопрос о смысле личного существования.....	133

От автора

Более двадцати лет я занимаюсь психологическим консультированием. Эти занятия стали для меня убедительным подтверждением того, что множество проблем, которые принято называть психологическими, в конечном счете, сводятся к проблемам поиска и осуществления смысла личного существования. Обретенный смысл придает существованию ценность и значение. Отсутствие смысла приводит к появлению вынужденных переживаний. Невозможность осмыслить переживание, которое вынужденно заполняет собой сознание, превращает существование человека в безрадостное и мучительное.

Психологическая проблема, в конечном счете, сводится к проблеме экзистенциальной, то есть к проблеме переживания бессмысленности своего существования. Экзистенциальный вакуум продолжает оставаться одним из важнейших источников психологических проблем.

Стремление к смыслу, которое можно понимать как условие существования в радости (чему, собственно, и посвящена эта книга), присуще каждому человеку. Но «смысл нельзя дать, его можно только найти». Понимая и признавая этот постулат, свою психотерапевтическую практику я строил так, чтобы каждый человек, обратившийся ко мне, мог создать для себя собственную систему понимания, которая помогла бы ему найти личный смысл существования и преодолеть мучительную бессмысленность вынужденных переживаний. Переживание приобретает смысл, если у человека появляется возможность осознанного личного отношения к нему.

Мне удалось выработать такой подход к личным переживаниям, при котором они рассматриваются с позиций наиболее общих представлений о существовании человека. Этот подход позволяет находить общие связи между переживаниями и одновременно создавать контекст, в котором осмысление конкретных переживаний в значительной степени освобождается от драматизма личной ситуации и от эмоциональной погруженности в сами переживания.

В поисках смысла каждый человек создает для себя систему представлений, при помощи которой он старается придать смысл и своим переживаниям, и своему существованию. Для каждого человека в его неповторимой уникальности поиск ответа на вопрос о смысле жизни сводится к поиску уникального личного понимания, которое невозможно привнести извне. В этой книге нет ответа на вопрос о смысле жизни вообще. В ней описан способ мышления, при помощи которого на вопрос о смысле собственного существования каждый может найти личный, актуальный ответ.

Такой подход возник из реальной практики решения экзистенциальных вопросов людьми, обращавшимися ко мне. Эти люди в большинстве своем не были обременены философскими знаниями и не могли вести диалог в философских категориях при всей остроте вопросов, которые им приходилось решать. Но в условиях несвободы взаимной обязательности и личной ответственности они хотели осмысленного и свободного существования. Основная задача, которую я старался решить в этой книге, – дать возможность каждому читателю «примерить» на себя такой способ мышления, посредством которого можно было найти личный, актуальный и внутренне непротиворечивый ответ о смысле своего существования.

В книге полностью отсутствуют моменты, связанные с религиозным отношением к существованию. Я это сделал осознанно. Но ни для атеистов, ни для агностиков, ни для людей традиционных форм вероисповедования чтение моей книги не будет связано с переживаниями, затрудняющими понимание.

Мне кажется, что выражение личного отношения к глубоко личным переживаниям при помощи общих представлений требует от автора скорее точности и строгости

изложения, чем ссылок на то, что я не первый и далеко не единственный, кто задумался о проблеме придания смысла собственному существованию. Однако я отдаю себе отчет, что возможность использования общих категорий для описания личных переживаний связана с философской традицией, благодаря которой эти обобщения существуют.

Я понимаю, что об экзистенциальных проблемах написаны сотни философских работ – от античных философов, через всю европейскую и восточную философию вплоть до сегодняшних философов-постмодернистов. Современные философские тексты непредставимы без десятков ссылок на предшественников на каждой странице – Кьеркегор, Достоевский, Ницше, Шестов, Шопенгауэр, Ясперс, Бубер, Франкл, Хайдеггер, Сартр, Делёз, Фуко, Платон, Мамардашвили и многие другие... Они и меня сопровождали во время работы над книгой... Но я надеюсь на понимание моих будущих читателей – мне казалось, что смысл важнее соблюдения традиционной и принятой формы. Тут я позволил себе опереться на слова Н.А.Бердяева: «Мало кто уже дерзает писать так, как писали прежде, писать что-то, писать свое, свое не в смысле особенной оригинальности, а в смысле непосредственного обнаружения жизни...»

Но я «дерзнул». Поэтому ученому-философу или психологу книга может показаться слишком неакадемичной. Но она и не претендует на академичность. Она претендует лишь на то, чтобы показать читателю, как можно *отнестись* к собственному существованию, чтобы найти для себя ответ на «простой» вопрос – *что я делаю здесь и сейчас и какая мне от этого радость*. Я убедился на многих примерах в моей многолетней практике, что люди, способные задуматься о себе, могут применить предлагаемый способ мышления и обрести понимание смысла собственного существования. И если эта книга поможет обрести смысл тем, кто его ищет, моя цель будет достигнута.

I. Человек для себя

1. Личный выбор и личное существование

Основным мотивом для написания этой работы является решение задачи очень личной – сформулировать и описать *отношение* к собственному существованию, которое позволяет мне в факте собственного существования находить личный смысл. Обретение смысла личного существования я связываю с пониманием того, *что, собственно, я делаю здесь и сейчас и какая мне от этого радость*. Присутствие радости в переживании смысла личного существования является моментом исключительной важности – если радости нет, то и смысла личного нет тоже.

Вопрос, сформулированный таким образом, можно считать *основным вопросом личного существования*, а попытка найти на него ответ является одним из подходов к вопросу о смысле жизни. Очевидно, что основной вопрос личного существования может быть сформулирован при условии, что существует тот, кто этот вопрос может задать. Вопрос о существовании себя самого является вопросом *личного выбора*, который определяет и личное мировоззрение, и самосознание человека. Если в личном самосознании нет необходимости в себе самом, то нет и возможности задать основной вопрос личного существования и, соответственно, невозможно получить на него ответ.

Эта работа написана в предположении, что я существую, и обращена она к тем, кто может то же самое сказать или предположить о себе – я есть. Особо хотелось бы отметить, что речь пойдет не столько о содержании смыслов личного существования, сколько об отношении человека к этим смыслам. Поэтому целью этой работы является поиск и описание такого *отношения* к факту существования личных смыслов, при котором на вопрос – *что именно я делаю здесь и сейчас и какая мне от этого радость*, -- может быть найден личный актуальный ответ.

2. Подходы к основному вопросу личного существования

Поиск и обретение смысла личного существования относится к области глубоко личных переживаний или смыслов. Описание глубоко личных смыслов и связанных с ними переживаний может быть реализовано в двух, как мне кажется, противоположных подходах – *исторически-личном* и *структурно-формальном*. Исторически-личный подход связан с использованием фактов истории жизни конкретного человека, фактов истории изменений его мышления и самосознания. *Исторический анализ* изменений обстоятельств жизни человека, его мышления и самосознания позволяет увидеть закономерности в этих изменениях. В свою очередь, анализ этих закономерностей дает возможность в исторически *конкретном* отдельного человека увидеть *общее* и присущее явлениям внутреннего мира человека как такового. Т.е., в таком подходе закономерное, как *узнаваемое всеми* и *общеприсущее* явлениям мышления и самосознания каждого человека, вычленяется из осмысления фактов и истории жизни конкретного человека.

Подход *структурно-формальный* связан с использованием наиболее общих *категорий*, применимых для описания явлений мышления и самосознания. В этом качестве могут быть использованы такие категории, как *существование, сознание, отношение, переживание, представление, смысл*. В этом случае описание явлений мышления и самосознания сразу приобретает характер описания закономерностей. Это происходит из-за того, что общеузнаваемое и присущее каждому появляется не в процессе *обобщения* истории жизни отдельного человека, а определяется самим фактом

использования общих категорий в *качестве средства описания*, потому что эти категории существуют в языке, который понятен и используется всеми.

В свою очередь, происхождение категорий мышления связано с историческим процессом развития и существования мышления человека. Поэтому в самом широком обобщении исторически-личный и структурно-формальный подходы можно считать подобными. Однако методически и стилистически они разнятся.

В структурно-формальном подходе *логика связей* между обобщенными категориями определяет смысл выявляемых закономерностей мышления намного больше, чем конкретные особенности мышления человека или конкретные обстоятельства его развития и бытования. Поэтому результат изложения зависит не столько от особенностей личности, сколько от *уровня обобщения* категорий, которые применяются для описания личных переживаний и связанных с ними общих закономерностей мышления. Иными словами, набор категорий для описания личных моментов существования определяет структуру и содержание описания общих закономерностей внутреннего мира человека намного больше, чем само содержание личных переживаний.

Последнее обстоятельство, мне кажется, наиболее важно – личная эмоциональная заинтересованность человека практически перестает оказывать влияние на результаты описания общих закономерностей мышления, которые полностью определяются примененными категориями. Закономерности внутреннего мира человека, описанные при помощи обобщенных категорий, сохраняют глубоко личный характер, но при этом освобождаются от *драматичности* личного отношения. В конце концов, люди понимают друг друга, распознавая в другом человеке *подобное* и *созвучное* их собственному переживанию в осмыслении самого себя. При этом моменты совпадений личной истории или сходство обстоятельств бытования если и имеют значение, то далеко не самое существенное.

Смысл – это то, что связывает людей во взаимном понимании и взаимном существовании. Результаты применения структурно-формального описания закономерностей внутреннего мира человека основаны на общих категориях мышления, которые находятся в языке и понятны всем. Именно поэтому формальный подход позволяет каждому человеку *соотнести* свое понимание себя с выявленными закономерностями, при условии, что он *готов* мыслить о себе в общих категориях, присущих мышлению как таковому. В этом случае предлагаемое изложение может рассматриваться, по крайней мере, как один из подходов к решению задачи поиска и придания человеком личного смысла собственному существованию в мире.

Решение поставленной задачи – поиск отношения к своему существованию, при помощи которого может быть найден ответ на основной вопрос личного существования – сводится к описанию *глубоко личных переживаний и смыслов* при помощи *предельно общих категорий*, которые доступны для моего сознания.

3. Основное противоречие и основная проблема личного существования

Поиск ответа на основной вопрос личного существования, по сути, сводится к вопросу: что такое радостное я должен распознавать в собственном существовании, чтобы страхи и ужасы объектного мира, в который я включен своим телесным, были бы уравновешены и даже преодолены? Иными словами, что такое я должен понимать и переживать в себе, чтобы у меня была возможность, соприкасаясь с чудовищными явлениями обыденного, продолжать думать, что радостный смысл моего существования все равно есть и продолжит быть, несмотря ни на что. (При этом вовсе не обязательно самому стать жертвой трагических обстоятельств, чтобы ужаснуться чудовищным явлениям обыденности. Достаточно осознать, что такое возможно).

Следует отметить, что осознание личной возможности трагических обстоятельств означает признание факта своей безусловной зависимости от случайного,

непредсказуемого и фатального. Можно, например, всю жизнь трепетно относиться к своему здоровью, а умереть от внезапной болезни или несчастного случая. Последнее кажется наиболее обидным, поскольку умереть можно абсолютно здоровым и с прекрасными результатами медицинских анализов. Сам факт придания личного смысла возможности трагического вступает в противоречие с потребностью переживания непрерывности и неслучайности своего существования как такового. Осторожное детское заглядывание в тайное – «...а мы ведь, правда, никогда не умрем...?» – получает разрешение в понимании, что не просто умрем обязательно, но не исключено, что и самым непредсказуемым образом.

Противоречие между эмпирически и прецедентно сформированным пониманием конечности и потенциальной непредсказуемости телесного бытования в мире объектного вступает в непримиримое противоречие с переживанием потребности в непрерывности и неслучайности своего существования. Распознавание переживания этого противоречия в собственном существовании порождает необходимость выразить это противоречие в форме основного вопроса личного существования и постараться найти на этот вопрос ответ. Непреодолимый характер осознанного противоречия в существовании порождает общую проблему личного существования как такового. Любая попытка придания личного смысла своему существованию неизбежно сталкивается с основным противоречием – любое обоснование смысла личного существования неизбежно пересекает в перспективе границы представления о возможности собственного телесного бытования как такового.

«Проблема» отличается от «задачи» тем, что о задаче можно говорить и находить ее решение. Для подхода к проблеме требуется, в первую очередь, определить к ней *отношение*, на основании которого последующие попытки осмысления проблемы могут приобрести конструктивный и развиваемый характер. Поиск подхода к проблеме – это поиск *отношения*, которое позволяет осознать проблему как имеющую смысл и свести эту проблему к вопросам и решаемым задачам.

Таким образом, подход к общей проблеме существования сводится к поиску *основания*, в связи с которым личное существование может стать осмысленным. В этом отношении основной вопрос философии сводится не столько к преодолению противопоставления между бытием и сознанием, сколько к поиску основания, в связи с которым возможность продолжения *существовать осмысленно* становится результатом личного решения, принятого в контексте присущего существованию непреодолимого противоречия.

Осмысленное существование – это существование, которое для меня имеет смысл и позволяет мне понимать, *что я делаю здесь и сейчас и какая мне от этого радость*. Следует признать, что существующий для меня смысл может быть представлен только в моем сознании, поскольку нигде кроме как в сознании смысл находиться не может. Сознание человека связано с его существованием, которое всегда принадлежит моменту в настоящем, поскольку кроме как *здесь и сейчас* существования себя нигде нет. Даже если я думаю о прошлом или будущем, я продолжаю существовать в настоящем, которому я принадлежу всегда. Поэтому любой смысл всегда является принадлежностью *моего настоящего*, которому принадлежат и мое существование, и мое сознание, и мои переживания.

Определить *отношение* к основной проблеме личного существования возможно только при условии, что в моем *собственном настоящем* может быть найдено *основание*, в связи с которым моему существованию может быть придан смысл, не зависящий от конечности и превратности моего телесного и объектно зависимого существования. Для того чтобы подойти к преодолению присущего существованию противоречия, необходимо, прежде всего, понять, а что собственно есть у меня для себя в моем настоящем, в связи с чем к данной проблеме вообще можно было бы отнестись, как к имеющей смысл хотя бы потенциально. Иначе говоря, для подхода к основной проблеме личного существования необходимо понять, что такое настоящее и какое *переживание*

себя в настоящем можно рассматривать *в качестве личного основания* для осознанного бытия в этом мире. Собственно, поиску отношения к основной проблеме личного существования и поиску личного основания для осознанного бытия и посвящена эта работа.

4. *Смысл и переживание*

Прежде чем продолжить поиск отношения к основной проблеме личного существования, необходимо определить, что, собственно, значит *существовать осознанно*. Формулировка того, что, собственно, представляет собой осмысленное, осознанное существование, определяет все последующее изложение. Поэтому закономерным представляется вопрос – а в чем, собственно, заключается ценность осмысленного существования и что это такое?

Процессы осмысления и определения отношения к собственному существованию являются, по крайней мере, сопряженными. Если я некое явление осознал, это значит, что у меня появилась *целостная* картина *связанных* между собой прецедентов данного явления в объектном мире. В этой целостной картине *удовлетворительно* и непротиворечиво отражаются все проявления и весь прецедентный ряд осмысленного явления. Индивидуальную способность человека к осмыслению можно назвать *смыслообразующей функцией* человека. Особенности смыслообразующей функции каждого человека определяют и *прецедентно* привычный для него уровень непротиворечивой связанности осознанных явлений, и доступное для каждого человека чувство *удовлетворения* от обретенного понимания.

Завершенный результат смыслообразования представлен для меня в самом смысле и в привычном *удовлетворении* от обретения этого смысла. Присутствие обретенного смысла в моем настоящем тождественно *переживанию* этого смысла в моем сознании и одновременно *переживанию* самого себя в связи с обретенным смыслом. В пределах возможностей понимания каждого человека, которые зависят от индивидуальных особенностей его смыслообразующей функции, достигается привычный уровень связанности явлений между собой, который позволяет *удовлетворительно* «объяснить» неслучайный характер выделенных и осмысленных закономерностей.

Привычное *качество* понимания связано с *привычным чувством удовлетворения* от этого понимания. Если что-то остается недопонятым, оно является источником *неудовлетворенности*, которая заставляет возвращаться к предмету осмысления для придания ему необходимого качества и полноты понимания. Достижение привычной и удовлетворяющей полноты и связанности понимания переживается человеком вполне определенным, привычным и прецедентным для него образом. Сравнение результата осмысления с этим *привычным переживанием* позволяет оценить полноту понимания и удовлетворения от обретенного смысла.

Состояние, когда вроде бы все понятно, но что-то «скребет», знакомо почти всем. Что-то подсказывает сознанию, что смысл продолжает оставаться неполным, в нем чего-то недостает для привычной полноты понимания. В самом факте *неудовлетворенности* от смысла не содержится подсказки, чем именно этот смысл плох. Переживание неудовлетворенности говорит лишь о том, что результат осмысления не привел к *ожидаемому переживанию* привычной для человека полноты понимания.

Критерием «качества» смысла является *переживание удовлетворения* от его появления в собственном сознании. При таком понимании процесса осмысления «качество» смысла зависит не только от содержания самого смысла, но и от *чувства*, связанного с его переживанием в себе. Целью осмысления является достижение смысла, который позволяет мне *переживать свое существование* определенным и удовлетворительным для меня образом. *Чем осмысленнее* существование человека, тем

желательнее и не *случайнее* для него самого его переживания, связанные с его существованием.

Процесс осмысления следует рассматривать не только в контексте созерцания. Осуществляемые человеком *действия* в объектном мире, будь то обустройство своего дома, деловые отношения, работа, общение с друзьями – направлены на достижение *объектных результатов*, которые имеют определенный смысл. При этом сам смысл представлен в существовании человека *переживанием определенного* чувства. Иначе говоря, действуя в объектном мире, человек постоянно находится в ситуациях, которые имеют для него определенный смысл и через этот смысл *переживаются* человеком определенным образом.

Каждый человек стремится к желанным для себя переживаниям, но при этом вынужден переживать и не только то, что ему хотелось бы. Например, чтобы вести желательный образ жизни, необходимо трудиться, а этого не всегда *хочется*. Достижение внешних или объектных результатов связано, по крайней мере, с двумя направлениями усилий – это усилия, направленные на преодоление внешних трудностей, и усилия, направленные на преодоление внутренних переживаний, которые мешают человеку стремиться к желанным для него результатам.

Можно сказать, что процесс осмысления или смыслообразования развивается «в параллельных плоскостях». В одной плоскости происходит преодоление логических противоречий и фактической неполноты знания о предмете осмысления, в другой – преодоление переживаний, которые мешают состояться желаемому чувству, связанному с объектом осмысления. Проще говоря, в плоскости объектного существования достигается объектный результат (например, обладание желаемой вещью), а в плоскости переживания себя – достигается желаемое чувство (например, от обладания этой вещью). Достижение осмысленного результата – это достижение *переживания желаемого чувства* в собственном настоящем.

Желаемые – это те чувства, которые я стремлюсь переживать. Стремление к достижению желаемых или желанных переживаний и *волевая направленность* человека к достижению объектных результатов, по сути, идентичны. Структуру переживаний, которая связана с удовлетворением от достижения желаемых результатов, можно назвать *структурой эмоциональных волений*. Структура эмоциональных волений для моего сознания представлена *набором переживаний*, созвучность с которыми является основным критерием *оценки* результатов и моего понимания, и моих действий, и моих достижений. Если обретенный мной смысл оказывается *созвучен* этим переживаниям, то возникающая ситуация позволяет мне переживать себя сообразно структуре присущих мне эмоциональных волений. В свою очередь, соответствие моих переживаний структуре моих эмоциональных волений создает в моем настоящем чувство привычного удовлетворения.

Если в достигнутом результате нет удовлетворительной для меня созвучности с желательными переживаниями, то это неизбежно вызывает чувство неудовлетворения. Существует понятие *«красивого решения»*: например, красивое решение задачи, или красивое доказательство теоремы, или красивое разрешение конфликта между людьми. В самом понятии «красивое решение» уже содержится оценка *переживания* смысла достигнутого результата. Но решение может быть и *«корявым»*: в этом случае цель достигается, но в самом решении нет ни изящества, ни стройности, оно *не радует*, т.е. потребность пережить чувства от того, что в этом результате есть изящество и стройность, не удовлетворена. Хотя цель и достигнута, но переживание результата не соответствует моему ожиданию, часть желаемых чувств оказалась недоступна для меня в связи с достигнутой целью и обретенным смыслом. Иначе говоря, *«часть переживаний»*, присущих моей структуре эмоциональных волений, *«не откликнулась»* на переживание, связанное со смыслом достигнутого результата. Целью осознания себя и осуществления осмысленных действий *всегда* является *достижение желанных переживаний*, которые

соответствуют структуре моих эмоциональных волений. Чем полнее переживание достигнутого смысла соответствует структуре моих эмоциональных волений, тем радостнее для меня и сам смысл, и связанное с ним переживание.

В связи с этим можно сказать, что цель осмысленного существования заключается в стремлении к удовлетворению потребности пережить определенные и желанные для себя чувства. Все, чего хотят люди – это достижения результатов, смысл которых соответствует присущей каждому из них структуре эмоциональных волений. Конечно, люди стремятся к объектным и вещественным результатам, но движущей силой *объектно ориентированных устремлений* является возможность переживания себя заранее определенным, желанным и прогнозируемым образом. В этом смысле, например, обладание вещью не является самоцелью, обладание – одно из *условий* доступности желаемых для меня чувств.

Поэтому, в предельном обобщении, можно утверждать, что человек стремится не к объектным результатам, например обладанию вещами или положению в обществе, но к переживанию чувств, которые он с этим обладанием связывает. Анекдот «... *игрушки не настоящие, потому что они не радуют*» является тому иллюстрацией. На самом деле *хотелось* не игрушек, а *радости*. Цель осмысленного существования – это достижение результатов, которые радуют. Результаты радуют потому, что их смысл позволяет удовлетворить потребность в достижении желаемых переживаний, которые в свою очередь соответствуют личной структуре эмоциональных волений. Описание структуры эмоциональных волений не является предметом описания данной работы. Но использование этого понятия, связанного с *эмоциональной заинтересованностью* человека в *определенных* переживаниях, кажется мне уместным для последующего изложения.

Иными словами, каждый человек *заинтересован* в переживании желаемых чувств, которые он связывает с достижением осмысленных результатов. В этом смысле о человеке можно говорить как о *личности*, если в его переживании себя присутствует момент *небезразличия* к чувствам, переживаемым в собственном настоящем. Личность – это то, что находясь в объектном существовании, заинтересовано переживать себя вполне *определенным, желанным и не случайным образом*.

Чем более выражено в человеке личностное начало, тем более опосредованно на его переживания влияют обстоятельства внешнего мира и тем больше независимость человека от объектных обстоятельств его существования. В связи с этим *интеллект* – это не только возможность прогнозировать развитие внешних событий, но и возможность *осмысленного существования*, которое наряду с объектными результатами позволяет прогнозировать и свои собственные переживания, и переживания других людей, связанные с достижением желанных для себя объектных результатов.

5. *Воля к радости*

Структура эмоциональных волений определяет переживания, которые для человека являются *желанными* и к которым каждый человек стремится. Существование личного воления, направленного на переживание желанного чувства, в сознании человека представлено формулой – «я *хочу*». Утверждение, что достижение *желанного* связано с *переживанием радости*, не является сильным, т.е. это утверждение не нуждается в дополнительном обосновании. Поэтому можно сказать, что эмоциональное воление направлено на достижение переживания, с которым связана радость как таковая. При этом мое радостное переживание совсем не обязательно должно быть связано с такой же радостью для других. Само содержание желанных переживаний значения не имеет – это может быть и стремление к гармонии, и радость от понимания своей успешности, и радость от переживания своего превосходства, и удовольствие от созерцания страданий, осознанно причиняемых своим близким. Можно сказать, что доступность желанных

переживаний является необходимым условием для переживания личной радости как таковой.

То, что в сознании представлено в виде «я хочу», можно расширить до формулы «я хочу, чтобы радоваться». Иначе говоря, я хочу некоторого переживания, для того чтобы радоваться этому переживанию. Даже мазохист, стремясь к страданию, имеет ту же цель – обретение радости. Можно сказать, что стремление к радости за счет обретения желанных переживаний, является принципиальным условием осмысленного существования. В связи с этим основной вопрос личного существования – *что я делаю здесь и сейчас, и какая мне от этого радость* – может быть сформулирован так: «*Радуюсь ли я тому, что я делаю здесь и сейчас?*». При этом действия, связанные с глаголом «делаю», направлены на внешние объекты, например, на компьютер, при помощи которого я пишу свой текст.

Действие всегда связано с *усилием*, направленным вовне. Целью усилия является такое *изменение* смысла внешней ситуации, которое позволяет мне пережить желанное чувство радости от достижения того, чего «я хочу». Например, «я хочу» исправить *неточность* изложения, которую я обнаружил в тексте. Эта *неточность* вызывает у меня *чувство запутанности* изложения, которое мешает мне *радоваться* моему тексту. *Я осознанно хочу приложить усилие* для *изменения* ситуации, в данном случае связанной с текстом, чтобы у меня появилось *чувство освобождения* от этой *запутанности*, и чтобы с чтением текста было связано переживание его *ясности*, которого «я хочу», чтобы испытать радость. Иначе говоря, я прилагаю усилия, которые должны *изменить* ситуацию так, чтобы желанное для меня чувство стало мне доступно. Исходя из этого, основной вопрос личного существования можно сформулировать и так – «Позволяет ли мне результат прилагаемого мной усилия (достигнутый смысл) пережить чувство, которого я хочу, чтобы радоваться?». (Вот здесь мне хотелось бы высказать общее соображение – о курсивах. Я их пока не трогаю (или почти не трогаю), но мне хотелось бы, чтобы ты на этот предмет посмотрел текст еще раз (или – вместе). По моему ощущению – их многовато, и нет четкого правила, по которому они возникают. Соображения по поводу такого правила у меня есть, пока что довольно смутные – поэтому я их выскажу позже)

При такой формулировке основного вопроса личного существования можно утверждать: все, что делают или пытаются делать смертные, направлено на *изменение* существующего, и *единственной целью* этого изменения является достижение желанного переживания, с которым связана радость. То есть, целью любого осмысленного усилия является *изменение* существования желанным для себя образом. Целенаправленные действия любого характера -- например, альтруистические, эгоистичные, героические или садистические – всегда являются следствием единственного устремления – к переживанию личной радости. Формальный механизм *достижения* радости один и тот же, идет ли речь о написанной симфонии, о покупке новой рыбки для своего аквариума или о замученной для своего удовольствия кошке. *Я хочу не результата (изменения) как такового, но чувства, которое при этом результате я могу пережить. Я хочу испытать радость от переживания этого чувства.*

Человек находится в поисках смысла, потому что *обретение смысла тождественно обретению радости*. Можно сказать, что стремление к радости является *основной личной потребностью* человека, которую можно назвать *волей к радости*. Действие воли к радости проявлено в *заинтересованности* человека направлять свои усилия на то, с чем он может связать переживание радости. Волю человека можно определить как способность приложения *осмысленного* усилия, направленного на *желанное* изменение существующего, с которым связано *ожидание* радости. Иначе говоря, воля – это способность *действовать* и *ожидать* результатов осмысленного усилия, которые изменят существующее желанным и радостным образом.

Воля к радости – это и *готовность* к переживанию радости большей, чем непосредственно доступная в настоящем. При этом, повторим, не важно, на какое именно изменение существующего будет направлена воля к радости – это может быть, например,

выбор нового места для путешествия или создание новой картины. И желание путешествовать, и желание написать новую картину связано с потребностью переживания радости еще большей по сравнению с имеющейся. При этом не существенно, что в первом случае радость ожидается от возможности обновления своих впечатлений, а в случае с картиной – это радость от создания нового. В любом случае речь идет о том, чего пока нет, но что *ожидается в будущем*.

Волю к радости, т.е. *заинтересованность в изменении к лучшему*, можно понимать как личную *готовность откликнуться* на еще большую радость. Заинтересованность в изменениях к лучшему для сознания представлена *переживанием надежды* или *веры* в возможность достижения этого лучшего в будущем. В свою очередь, надежда или вера позволяют *предвосхищать возможность присутствия* желанной, но пока еще не доступной в настоящем радости. Предвосхищение желанной радости в переживании надежды или веры, хотя и является переживанием позитивным, радостью в собственном смысле слова при этом не является. Доступная радость связана с настоящим, а радость предвосхищаемая – с будущим. Поэтому переживание радости имеет всегда две составляющие – это радость существования в настоящем и предвосхищаемая радость существования в будущем.

Эти две составляющие радости неразрывно связаны между собой. Даже осмысление настоящего связано с поиском *нового* понимания, которое может придать иное, лучшее качество собственному существованию. Но переживание радости в любом случае содержит *отношение к будущему*. Существование, в котором любое предвосхищение лучшего будущего невозможно, можно назвать *безнадежным*. Переживание *безнадежности* превращает любое настоящее в бессмысленное. Без будущего настоящее теряет смысл, даже если это существование вполне благополучно. Воля к радости – это связь настоящего с будущим, в котором предвосхищаются возможности изменения к лучшему. Можно сказать, что возможность осуществления воли к радости тождественна возможности придать своему существованию личный смысл.

Воля к радости представлена в сознании переживанием надежды или веры. В этом переживании становится доступной предвосхищаемая, желанная, но пока не обретенная радость. Различие между надеждой и верой можно отнести к уровню обобщения: верить можно, например, в прогресс, а надеяться на аспирин. Но и вера в прогресс, и надежда на аспирин связаны с переживанием предвосхищаемой радости лучшего в будущем существовании – в случае с верой в прогресс это предвосхищение радости от достижения более качественной жизни, а в случае с аспирином – это предвосхищение радости от того, что зубная боль, например, утихнет. Иначе говоря, вера концептуальна, а надежда конкретна. Но переживания и чувства веры, и чувства надежды связаны с существованием в сознании человека воли к радости как таковой, которая всегда обращена к лучшему будущему.

В связи с тем, что сказано о воле к радости, можно предложить еще одну формулировку основного вопроса личного существования: *«Достаточна ли моя радость в настоящем и предвосхищаемая мной (в надежде и вере) радость в будущем для того чтобы прилагаемое мной здесь и сейчас усилие имело бы для меня личный смысл?»* То же самое можно сказать иначе: *«Существуют ли цели, в достижении которых я заинтересован для осуществления данной мне воли к радости?»*. Поэтому существование человека в настоящем – это постоянный поиск целей, возможность достижения которых человек связывает с возможностью достижения лучшего будущего. И если такие цели для человека существуют, его существование имеет личный смысл, и на основной вопрос – *что я делаю здесь и сейчас и какая мне от этого радость* – у него есть собственный, актуальный ответ: *«Я прилагаю усилия в настоящем для приближения желанного мне будущего»*.

6. *Интерес*

Прикосновение к радости, предвосхищенной в надежде или вере, является основанием для поиска смыслов, с которыми предвосхищаемая радость может быть связана. То, что человек связывает с обретением лучшего или «*более прекрасного*» в своем переживании, представляет для него *интерес*. Хотя интерес может быть связан и с желанием избежать или уменьшить страдание. *Заинтересованность* в чем либо связана со стремлением к обретению лучшего, по сравнению с доступным здесь и сейчас. В таком понимании, *лучшее – это всегда более радостное*. Интересно почитать книгу, интересно поболтать с приятелями, интересно поближе познакомиться с небезразличной персоной, интересно заключить выгодную сделку. Все перечисленное относится к *предвосхищению* или *ожиданию переживаний*, лучших или «*более прекрасных*», которые связываются с целенаправленными действиями в отношении *объекта интереса*. Иначе говоря, интерес к чему-либо появляется, когда *объект интереса* связывается с возможностью обретения еще большей радости в существовании.

Существование человека связано с нахождением в разных *контекстах*, каждый из которых определяет желанные для человека переживания. Например, дома хочется чувства *покоя*, а в деловых отношениях хочется чувствовать свою *востребованность* и уместность. *Контекстуальная принадлежность* определяет переживания, с которыми человек связывает радость. Но эта же контекстуальная принадлежность одновременно определяет и тем самым *ограничивает* возможности выбора объектов интереса. Скажем, можно присоединиться к своим друзьям, которые увлекаются рыбалкой. И в контексте этого занятия есть много интересного и радостного, но это радостное все-таки ограничено рыбой и рыбной ловлей. Поэтому воля к радости, как *универсальное* стремление к лучшему будущему, в существовании человека трансформируется в совокупность *контекстуально уместных* переживаний и поиск контекстуально уместных целей. Можно сказать, что структура эмоциональных волений является набором самостоятельных желанных переживаний, каждое из которых уместно в собственном контексте существования человека.

Человек пытается выбирать такие контексты существования, в которых он может найти *интересное*, или с которыми он может связать возможность реализации данной ему воли к радости, устремленной к лучшему будущему. Такое определение является общим, оно применимо и к поиску лучшего понимания научной теории, и к поиску ресторана, в котором можно поесть, и к выбору подарка. Интересно то, что расширяет мои возможности и дает мне переживание еще большей радости от достигнутого результата. При этом результат достижения определяется контекстом. Результат может быть внешним (например, радость от создания более эффективной машины) или внутренним (например, радость от прочитанной книги). Но в любом контексте интересно то, с чем связана надежда (или вера) на возможность будущего переживания лучшего и поэтому более радостного.

Принадлежность человека множеству контекстов определяет не только уместные для каждого из этих контекстов переживания и цели. Существование в любом контексте предполагает ограничения, которые, собственно, определяют правила сосуществования человека с другими людьми. Существование человека связано с его "телесным", принадлежащим области объектных отношений. В этой области действуют одинаковые для всех, не уникальные и обязательные (объективно действующие) закономерности. Поэтому осуществление человеком намерений в любом контексте создает ситуации, которые носят для других вынужденный и обязательный характер. Даже если я всего лишь решил пойти купить табак, то мое решение будет связано с тем, что меня не будет дома. И мое отсутствие для моих домашних явится *вынужденным* и *неизбежным* следствием моего осуществленного намерения купить табак.

Но в какой-то ситуации я из дома выйти не могу, даже если я в этом очень *заинтересован*. Например, мои близкие выясняют со мной отношения, и необходимость участия в этом выяснении отношений ограничивает возможности моего выбора. Я *заинтересован* в том, чтобы выйти в магазин и купить себе табак, но я *вынужден* в этой заинтересованности себя ограничить, потому что необходимо исчерпать возникшее недоразумение. И если я попытаюсь уйти, мои близкие обязательно подумают что-нибудь плохое. Т.е., существование человека связано с взаимной обязательностью и взаимной необходимостью, которые ограничивают возможность *выбора* и *достижения интересного*. Существенно, что волю к радости, стремление к достижению желанных переживаний, ограничивают и необходимость действия в каком-то определенном контексте, и наличие взаимных обязательств.

Можно сказать, что существованию человека присуще противоречие между интересным для себя и контекстуально необходимым или обязательным для другого. Поэтому преследование собственного интереса всегда связано с возможностью противоречия между тем, что *интересно* мне, и тем, что необходимо для других. Но необходимое для других является следствием их собственной заинтересованности. Для моих близких, например, *необходимо* мое *обязательное* присутствие, потому что они *заинтересованы* в том, чтобы выяснить отношения со мной. Осуществление любой личной заинтересованности связано с уже существующими в данном контексте *интересами* других.

Принципиальное ограничение возможности реализовать волю к радости связано с основным противоречием личного существования между непрерывностью себя в настоящем и конечной дискретностью своего проявления только в условиях контекстуальной принадлежности. Воля к радости – это не зависящая от контекста потребность стремления к лучшему как таковому, а *заинтересованность* всегда контекстуально задана. Воля к радости потенциально устремлена к *полноте* переживания желанных чувств. Стремление к полноте переживания желанных чувств можно назвать стремлением к *свободе*.

Контекстуальное ограничение воли к радости связано с переживанием *ограничения свободы*, которое определяется (ограничениями) данным контекстом. Существование в любом контексте связано с переживанием, которое можно назвать *переживанием контекстуально уместного ограничения свободы*. В связи с этим основной вопрос личного существования – *что я делаю здесь и сейчас и какая мне от этого радость* – может быть сформулирован так: «Способна ли моя заинтересованность в достижении желанного преодолеть ограничения моей воли к радости, т.е. ограничения моей свободы?». Чем более *несвободно* и *вынужденно* нахождение человека в определенном контексте, тем больше ограничена возможность проявления его воли к радости и тем сильнее связанное с этим *страдание*.

7. *Страдание*

Существование человека связано с миром объектов и предполагает взаимное действие объектов друг на друга. Одним из этих объектов является собственное "телесное" человека. Любое изменение во внешнем мире связано для меня с взаимодействием моего "телесного" с внешними объектами. Если я хочу включить телевизор, я должен взять в руки пульт и нажать на кнопку; если мне нужно прочитать книгу, я должен найти ее на книжной полке, открыть и т.д. При этом в моем настоящем есть понимание – зачем я включаю, например, телевизор. Достижение цели осуществляется в последовательности целенаправленных действий моего "телесного" на объекты – найти пульт, направить пульт в сторону телевизора, нажать нужную кнопку или найти нужную мне книгу и т.д.

Каждый человек сталкивается с тем, что ожидаемые и желаемые события не происходят. Я предполагал, что телевизор включится, но оказалось, что в пульте села батарейка. Если мне очень хотелось посмотреть телевизор, то такая незадача вызовет *чувство досады*. Придется встать с дивана, искать новую батарейку, заменять старую и т.д. Вместо того, чтобы просто смотреть телевизор и думать о своем, приходится заниматься совсем другими вещами. Досада возникает из-за того, что желаемое переживание чувства (например, чувства *покоя*), которое я связывал с включенным телевизором, оказалось недоступно. При этом возможность *переживания* желаемого мной чувства *покоя* столкнулась с *не зависящей* от моих желаний или *вынужденной* природой внешних вещей, на которые я могу повлиять только внешним образом. На этом примере видно, что достижение внутренне желаемого оказывается *вынужденно* зависимо и ограничено внешними обстоятельствами.

В связи с этим интересно рассмотреть известное утверждение, что *причиной страдания являются желания*. Желание включить телевизор тождественно *желанию переживания покоя*, которое я с включенным телевизором *связываю*. И если желание включить телевизор не может быть исполнено, мое чувство досады возникает не потому, что телевизор не включился. Досада возникает из-за того, что желаемое чувство покоя не возникло. Иначе говоря, досада появляется из-за того, что желание переживания покоя было связано с желанием обладать включенным телевизором, а я не смог его включить. Желание, направленное на обладание вещами, например, включенным телевизором, по сути, является желанием, направленным на переживание определенного и желаемого чувства.

Причиной страдания является *желание переживания*, которое зависит от возможности *обладания желанным объектом*, например, работающим телевизором, понравившейся вещью или благосклонностью небезразличной персоны. Обладание желанным можно понимать расширительно: например, можно желать сделать карьеру или стать уважаемым и почтенным членом общества. Поэтому утверждение, что *«причиной страдания являются желания переживаний»*, можно дополнить – причиной страдания является желание переживаний, которые зависят от возможности *обладания желанным* во внешнем мире. В такой формулировке выражен зависимый, а, следовательно, не свободный от внешних обстоятельств характер внутренних переживаний. Страдание возникает, когда желаемое переживание оказывается недоступно из-за *императивной* или *вынужденной невозможности* обладания желанным или его утраты.

Для того чтобы испытать желанное чувство покоя, мне *необходимо* включенный телевизор, поскольку только с работающим телевизором я связываю возможность желанного для меня переживания. Можно очень хотеть стать музыкантом, но отсутствие слуха будет непреодолимым к тому препятствием. Очень хочется стоять на сцене и радоваться тому, что слушатели замирают в восхищении. Но желаемое переживание радости от своей виртуозности оказывается невозможным из-за того, что я не отличаю «до» от «си», т.е. для осуществления желанного переживания *необходимо* слух, которого у меня нет. Поэтому страдание связано с *невозможностью* получить *необходимое*, с которым я связываю возможность желанного переживания. Страдания хирурга, который из-за повреждения руки вынужден прекратить заниматься любимым делом. Страдания художника, который не может рисовать, потому что ослеп. Страдания человека, потерявшего близких... Список бесконечен.

Страдание возникает тогда, когда желанное переживание не может быть осуществлено из-за *физической невозможности* в физическом настоящем физически получить желанное. При этом желаемое и *желанное* может относиться не только к обладанию вещами. Например, можно очень хотеть собственного *бесстрашия*, но невольно вздрагивать, когда неожиданно скрипнет дверь. В самом общем выражении: страдание возникает, когда вместо чувств, которые я *хочу переживать*, я вынужден *испытывать и чувствовать* то, чего я *не хочу*. При этом вынужденность переживания

носит, что называется, «объективный», т.е. от человека (меня) не зависящий характер. *Страдание – это невыносимость вынужденного переживания.*

Моя направленность на достижение желаемого чувства является проявлением моего *эмоционального воления*. В свою очередь, эмоциональное воление определяет для меня цели в объектном мире, достижение которых позволяет мне достигать желанных переживаний. Воление, направленное на желаемое чувство, является основанием для *усилия*, которое я должен приложить для достижения желанного. Но возможность следования моему собственному волению ограничена обстоятельствами моего существования, которые от меня могут и не зависеть. При этом ограничения моих возможностей достижения желанного могут быть связаны не только с отсутствием необходимых способностей. Ограничения возможности приложения усилия могут быть связаны, например, с обязательствами, из-за которых я не могу позволить себе заниматься тем, что для меня так желанно. Страдание – это переживание, которое возникает, когда мое воление не может быть реализовано моими действиями во внешнем мире.

Страдание – это переживание, в основе которого находится несоответствие между «я хочу» и «я могу». Строгости ради, следует отметить, что в данном случае можно говорить только о несоответствии, а не о противоречии, поскольку то, что «я хочу» и то, что «я могу», относятся к разным аспектам моего существования. То, что я хочу, относится к моей воле к радости, а то, что я могу, находится во внешнем по отношению ко мне мире, будь то даже отсутствие слуха или неожиданные аффективные состояния. Страдание возникает, если то, что я хочу как *переживание*, я не могу получить вследствие моего собственного *результативного усилия*. И наоборот: страдание возникает, если я вынужден испытывать переживания, которых я не хочу, и я не могу приложить достаточного усилия, чтобы это переживание прекратить или его избежать.

В таком понимании страдание возникает и как следствие осознания своей недостаточности в добровольно выбранном контексте, и как следствие вынужденного нахождения в нежелательном контексте. Например, можно по своей воле захотеть стать музыкантом, а затем мучиться от своей неспособности. Или *необходимость* зарплаток заставляет человека заниматься нелюбимым делом, а невозможность иных зарплаток определяет и вынужденность контекста существования, и мучительные переживания, которые против своей воли человек вынужден переживать. В самом общем виде: страдание связано с присущей миру объектного существования *необходимости* как таковой. Существование *необходимого* создает непреодолимые ограничения в осуществлении присущей каждому человеку воли к радости. Поэтому можно сказать, что *страдание – это переживание невозможности преодоления несвободы необходимого*.

Известно, что нет ничего практичнее хорошей теории, но в данном случае речь идет не о том, как сделать жизнь счастливой. Целью этой работы является формирование *отношения* к основной проблеме существования, в связи с которым к этой проблеме вообще можно было бы подойти, по возможности, конструктивно. То, что страдание является неотъемлемой составляющей существования человека в мире, вряд ли будет поводом для оппонирования. Но причиной страдания является существование *необходимого* как такового. Поэтому понимание природы *необходимого* непосредственно связано с попыткой найти для себя основание, благодаря которому на основной вопрос личного существования – *что я делаю здесь и сейчас и какая мне от этого радость* – может быть найден личный ответ.

Необходимое следует рассматривать, по крайней мере, как одно из понятий, в связи с которым может быть выражено отношение к основному вопросу, основному противоречию и основной проблеме личного существования человека в мире. Установление соответствия между тем, *что я хочу, я могу и я должен* – является основной целью личного осмысления себя. Но основание стремления к осмыслению человеком себя связано с присутствием в существовании *необходимого* и связанного с ним страдания.

Тень нависающего над миром страдания является неотъемлемым условием существования и каждого человека, и всей истории человечества. Поэтому в самом общем выражении *поиск смысла тождественен поиску отношения к страданию*. И целью осмысления себя является поиск отношения к необходимому, которое является причиной страдания, присущего существованию каждого человека.

8. *Необходимое*

В самом широком обобщении, существование человека и осмысление им самого себя связано с присутствием *необходимого* или обязательного как такового. Необходимо зарабатывать деньги, необходимо заниматься своим домом, необходимо уделять внимание своим близким и т.д. В этом смысле, *необходимое* – это то, что требует к себе внимания и, как правило, зависит не только от самого человека. *Необходимое* принадлежит миру объектного, в которое человек среди прочих объектов включен своим "телесным". Объектное существование принадлежит миру взаимной обязательности или взаимной *принудительности*, которая собственно и определяет присутствие *необходимого*, как основное качество объектного существования человека.

С *необходимым* в бытии человек сталкивается с момента своего рождения. Но пока сознание человека не стало самостоятельным, связь между ребенком и *необходимым* в бытии определяют взрослые. Необходимо следить, чтобы ребенок не упал, чтобы он не обжегся, необходимо следить за тем, как и что он ест и т.д. *Необходимое* требует внимания, поскольку оно связано с угрозой и качеству существования, и существованию как таковому. Сначала ребенок узнает, что можно, а что нельзя, главным образом, через *повелительное* (императивное) отношение к нему взрослых. Нельзя хватать горячий утюг, нельзя в гостях выпрашивать приглянувшуюся вещь, нельзя перед обедом наедаться сладким и т.д. Вхождение ребенка во взрослую жизнь связано с усвоением, в первую очередь, принятых ограничений и правил.

Можно сказать, что эти ограничения и правила определяют пределы разрешенного поведения. В свою очередь, требование находиться в этих пределах (по умолчанию) относится скорее к следованию предписаниям, которые носят отчасти *ритуальный* характер. При этом стоит отметить, что выход за пределы *границ* (принятых) (существующих) *ритуальных* правил может быть смертельно опасен и из-за проявления вещей, и из-за поведения людей. Поэтому нахождение в границах принятого «*ритуала*» является условием не только бытования в объектном, но и условием выживания в нем.

Одним из существенных моментов осмысления себя в связи с *необходимым* является осознание *ограничений*, в которых обретаемый смысл будет адекватен и применим. То есть, осмысление себя в связи с обыденным предполагает определение границ, в которых взаимная императивность не будет проявлена непредсказуемым и нежелательным образом. Например, в кошерном доме лучше не просить свиной эскалоп. До физической императивности дело, скорее всего, не дойдет, но отношения могут испортиться сильно. В этом смысле реалистическое прогнозирование внешних явлений равно относится и к горячему утюгу, и к соблюдающим кошер друзьям. При этом природа *необходимого* не так важна: в случае с утюгом – это физические законы, в случае с кошерными друзьями – это правила кашрута, с которыми так же необходимо считаться, как и с горячим утюгом.

Осмысление себя в мире объектного существования – это осознание угроз и определение ограничений, связанных с этими угрозами. Смыслы, которые обеспечивают условия существования человека в мире объектного, можно назвать *смыслами необходимыми* или *обязательными*. Отсутствие адекватного и достаточного понимания обязательного и *необходимого* неизбежно создает ситуации, в которых нежелательные последствия неизбежно проявятся. Ошибка в расчете реактора приведет к аварии, а не к месту упомянутая свинина испортит отношения с религиозными друзьями. Область

представлений об обязательном связана с пониманием, что можно и чего нельзя. И выход за границы допустимого в необходимом чреват возможностью страдания. Основной мотив осмысления себя в мире связан с пониманием обязательного присутствия необходимого и связанного с ним понимания существующих ограничений и существующих страданий.

Осмысление своего существования в области взаимной обязательности и взаимной императивности относится к области понимания однозначного и знаково уместного. Понимание однозначного, в свою очередь, принадлежит области логического. В этом отношении наиболее удобным примером для понимания процесса смыслообразования, ограниченного смыслами обязательного и необходимого, является научный подход. Он ориентирован на выявление закономерностей, обязательно присущих миру объектного. Научный подход не объясняет, почему выявленные повторяемости или законы имеют присущий им вид. Но с его помощью можно однозначно объяснять явления эмпирического мира и, опираясь на выявленные закономерности, достигать своих целей. Метод, на который опирается научный подход – это метод доказательности.

Доказательность, хотя она и принадлежит области мышления, является выражением необходимости или вынужденности, которая свойственна явлениям мира внешнего и объектного. *Доказательство – это рассуждение, результат которого считается однозначным и обязательным для всех, кто разделяет совместный способ мышления.* Например, результат доказательства теоремы Пифагора обязателен для всех, кто изучает геометрию и не хочет получить двойку. Присущая мышлению *логичность* является отображением свойственной миру объектов вынужденной обязательности в одинаковых для всех, т.е. *не уникальных* проявлениях. При этом *обязательно* предполагается существование общих для всех представлений, только в связи с которыми доказательность возможна. Это означает, что возможность доказательности полностью определяется контекстом существования, в котором для всех обязательно существуют общие правила и общие представления. Поэтому осмысление необходимого в существовании человека сводится к созданию контекстуальных представлений, которые для всех участников отношений в данном контексте носят однозначный и доказательно обязательный характер.

Смыслы, относящиеся к обязательному или необходимому – это смыслы, в которых обязательно содержится момент контекстуальной принадлежности и обязательно присутствует момент *доказательного* или *логически обоснованного*. Доказательность превращает *вынужденное* в объектном существовании в логически обязательное и необходимое в мышлении. Поэтому осмысление своего существования в мире вещей изначально связано с определением особенностей контекста своего существования и определением ограничений, которые являются следствием существующих в этом контексте представлений и связанных с ними логических ограничений. Осмысление существования в телесном прежде всего связано с определением границ взаимной предсказуемости взаимно несвободных и взаимно вынужденных императивных проявлений. Человек для человека обладает такой же потенциальной принудительностью или императивностью, как и горячий утюг для ребенка. В этом отношении существование в социальной среде мало отличается от существования в среде объектов – существуют *закономерности*, которые определяют и императивность горячего утюга, и императивность конкретного человека, и императивность общества в целом.

Осмысление себя в области обязательного связано с постоянной необходимостью логического связывания явлений. В этом отношении *способом описания ограничений*, присущих миру императивных или обязательных отношений, является логика. Логика позволяет среди всего многообразия возможных ситуаций выявить те из них, для которых доказательно существуют предпосылки той или иной ситуации состояться. Иначе говоря, логика устанавливает соответствие между *доказательным существованием в мышлении* и *обязательным существованием в объектном мире*. При этом если логика *правильна* и ее

применение контекстуально уместно, то необходимость существования *представления* о некотором явлении на основании доказательности в мышлении *должна неизбежно совпасть с фактическим* существованием этого явления во внешнем мире. Но логика, как *связующее* между *доказательным* в мышлении и *обязательным* в мире, применима только к явлениям *повторяющимся* и поэтому не уникальным. Это означает, что доказательность как способ утверждения существования в мышлении применима только к тому, что носит обязательный и прецедентно повторяющийся характер. Иначе говоря, логика – это способ описания не уникального и повторяющегося.

Явления не повторяющиеся, строго говоря, не могут быть объектами ни логического анализа, ни научного подхода. Доказательность применима только к прецедентно повторяющемуся. При этом любое повторяющееся явление связано с определенным набором условий, при которых оно возможно. Доказательность опирается на результат сопоставления ситуации с условиями, при которых известно, что повторяющееся явление произойдет. И если анализ ситуации позволяет считать, что эта ситуация соответствует необходимым условиям, то явление, присущее этой ситуации, произойдет обязательно. Но анализ ситуации на соответствие условиям является анализом, направленным на выявление *достаточности оснований* для того, чтобы повторяющееся явление произошло.

Анализ достаточности оснований относится к анализу логическому. Содержание смыслов о необходимом в самом общем отношении сводится к доказательному пониманию неизбежной необходимости и обязательности существования явления в объектном мире. Явление фактически *должно* быть *обязательно*, потому что существование этого явления определяется *логической необходимостью*, которая в данном контексте и уместна, и обоснована. Иначе говоря, осмысление своего существования в необходимом связано с пониманием того, что обязательно должно быть, или, в самом определенном выражении, обязательность – это понимание того, *что не может не быть*.

Любое действие в объектном мире связано с личным смыслом и личным интересом, ради которого это действие и осуществляется. Когда приходят друзья, то чайник включают, как правило, не для того, чтобы совместно изучать процесс кипения. Контекст определяет отношение к обязательному и необходимому. В одном контексте – необходимость согреть чайник связана с ритуальным проявлением гостеприимства, а в другом – с необходимостью, например, не замерзнуть или остаться в живых. Поэтому понимание контекста определяет для человека и понимание существующих в этом контексте ограничений, и его заинтересованность в самой контекстуальной принадлежности.

В обыденном осмысление направлено на понимание и прогнозирование логически предсказуемых и прецедентно подтвержденных явлений. Иллюстрацией цели осмысления себя в обыденном может быть история о *Колобке*, которого все пытаются съесть, а он от всех успешно уходит. Человек в своем бытовании вынужден осмыслять объектную природу необходимого, потому что его переживания самого себя вынужденно связаны с объектной ситуацией. В мире объектном вещи развиваются сообразно себе, но человек способен понимать природу и динамику развития происходящего, и это понимание позволяет ему не только ограничивать влияние необходимого на свое существование – человек способен преодолеть необходимое. Целью осмысления *необходимого* является ограничение влияния *необходимого*, которое ограничивает возможности человека в осуществлении воли к радости.

Движущей силой осмысления себя в связи с *необходимым* является желание преодолеть ограничения своей несвободы. Из того, что существуют *внешние законы*, ограничивающие возможности осуществления воли к радости, не следует, что в мире необходимого невозможно ставить цели и достигать их. Понимание природы необходимого как такового позволяет преодолевать ограничения в *необходимом* и

добиваться желанной свободы и желанной радости. Но при этом смысл личного существования не может исчерпываться только уклонением от вынужденной или императивной *нежелательности*. Герой, жертвующий своей жизнью, не связывает результат поступка с обязательным продолжением своего телесного существования.

Итак, область представлений об *обязательном* неизбежно связана с пониманием не уникального, повторяющегося и логически необходимого. Но целью осмысления своего существования является достижение личной радости, а это означает, что логическое осмысление необходимого является лишь условием для придания личного смысла своему существованию. *Необходимость понимания необходимого* является не более чем *обязательной* составляющей при поиске ответа на основной вопрос личного существования.

9. Контекстуальная принадлежность

Существование человека погружено во множество связанных между собой контекстов. Например, можно быть профессионалом в своей области и зарабатывать от использования своих знаний и опыта, одновременно можно быть членом клуба по интересам, общаться с друзьями, поддерживать отношения с родственниками и т.д. Каждый из контекстов представляет для человека свой мир отношений, радостей или огорчений. И в каждом контексте -- свой собственный *набор* переживаний и правил, связанных с контекстуальной включенностью человека. Например, огорчения связанные с отношениями в семье, отличаются от огорчений, которые возникают в контексте увлечений, например, во время рыбной ловли.

Каждый контекст существования связан с набором правил, которые по умолчанию считаются для всех одинаковыми и выполнение которых необходимо. Например, в контексте родственных отношений необходимо помнить про дни рождения, присутствовать на родственных встречах, проявлять заинтересованность в сохранении родственных связей или стараться эту заинтересованность изображать. В контексте деловых отношений требуется проявлять профессиональную компетентность, выполнять свои обязательства, следовать правилам, о которых договорились и т.д. Для каждого контекста существуют свои необходимые *правила*, своя *референтная группа*, с которой человек общается в данном контексте, свой *набор переживаний*, связанных с осмыслением контекстуальных ситуаций. Принадлежность человека любому контексту связана с его заинтересованностью в переживаниях, которые в этом контексте для человека доступны.

Как формируются контексты – это вопрос, относящийся, скорее, к истории возникновения традиций. Но в любом случае то, что определяет контекст как таковой, имеет исторические или прецедентные причины. Когда-то возникшие обстоятельства привели к необходимости сформировать *совместность*, с которой каждый ее участник связывает возможность лучшего. Любой контекст определяет условия совместного существования *во взаимной необходимости*, в связи с которой в этом контексте действуют общие для всех и обязательные для каждого правила. Иначе говоря, любой контекст совместного существования определяется способом взаимодействия, который в данном контексте является *общим* и *обязательным*. Но общее, как объединяющее людей в совместности, связано с общим в мышлении и в переживании совместных и общих ситуаций. Поэтому любой контекст совместности определяет *способ мышления*, который является общим и обязательным для меня и для каждого, кто связывает свои интересы с интересами других, участвующих в нашем общем совместном существовании.

Если вспомнить, что целью любого осознанного усилия является достижение желанного переживания для обретения радости, то способ мышления или *парадигму* контекста любой совместности можно определить как набор общепринятых переживаний и условий для их достижения. Целью существования любого контекста является создание

условий для осуществления воли к радости в совместности с другими. Поэтому любой контекст – это и условие для достижения контекстуально уместной радости, и набор правил, которые обеспечивают взаимную предсказуемость участников совместности и создают взаимные ограничения, в которых воля к радости каждого ограничена *правами* на такую же радость другого. Парадигма любого контекста – это набор правил, который обеспечивает *право* на контекстуально уместную радость каждого участника совместности. Иначе говоря, любая контекстуальная принадлежность связана с необходимостью радоваться не только своим радостям, но радостям общим, которые для всех участников совместности являются *радостями обязательными*.

Можно сказать, что возникновение любого контекста – это совместный ответ на личную необходимость, которая оказалась моментом и общего понимания, и общего переживания, и общего существования. Люди объединяются, например, перед внешней угрозой, которой легче противостоять в совместности, чем одному. Таким образом, основание для соблюдения правил совместности связано с нежеланием утраты преимуществ, которые для каждого связаны с его принадлежностью общей контекстуальной совместности. Это означает, что ради преимуществ, которые дает контекстуальная совместность в необходимости, человек вынужден ограничить свою волю к радости. Находясь в контекстуальной совместности, я вынужден радоваться тому же, что и все, потому что это – условие моего *контекстуального соответствия*. Парадигма каждого контекста определяет не столько общий способ мышления, сколько общие переживания, которые для всех должны быть и одинаковыми, и обязательными.

Например, парадигма советского сосуществования была связана с переживанием радости от победы пролетарской революции. И каждый, кто находился в советской совместности, был вынужден определять свое отношение к этой обязательной для всех радости ради своей же собственной безопасности. Возможность продолжения контекстуальной совместности определяется соблюдением правил, выполнение которых является условием для нахождения в контексте. Нарушение правил контекстуальной совместности неизбежно должно быть связано с *осуждением «отступника»* и его последующим *изгнанием*. А «*во тьме внешней страх и скрежет зубный*», поэтому страх изгнания из совместности связан со страхом оказаться один на один с необходимым. Основанием для существования и выполнения правил контекстуального соответствия является *страх изгнания*. Необходимое (кавычки, которые я ставлю – раньше я их поставила по отношению к "телесному" – на самом деле, наверное, могут быть заменены как раз курсивом – дабы не умножать сущности) я не знаю как лучше Ф.) в существовании каждого человека создает и необходимость в контекстуальной совместности. Это означает, что парадигма контекстуальной совместности относится к области представлений (смыслов) о необходимом, в которой действуют общие для всех правила логической доказательности.

Страх осуждения связан с поведением, которое другие участники совместности могут расценить как проявление контекстуального несоответствия. Поведение, которое осуждается другими, – это поведение, не соответствующее требованиям парадигмы контекста и *постыдное* с точки зрения обязательных представлений, принятых в этой совместности. Это означает, что в парадигме каждого контекста существуют представления о ситуациях, отношение к которым должно быть связано с переживанием *чувства стыда* и *чувства позора*. «*Стыдно не любить нашу прекрасную родину; и то, что Вы не испытываете этого чувства любви, – это позор и для Вас и для нас, Ваших товарищей*». Любая совместность требует от каждого одинакового понимания того, зачем в этой совместности быть. Иначе говоря, личная контекстуальная осознанность связана с пониманием того, ради каких смыслов и связанных с ним радостей «*оно мне нужно*». Проще говоря, для какой радости я должен выносить обязательные и необходимые ограничения, связанные с возможностью моей контекстуальной включенности.

Привлекательность контекста совместности определяется тем, насколько желанно то, что в данном контексте возможно в будущем, и тем, насколько тяжелы переживания от собственной контекстуальной принадлежности. Очевидно, что если нахождение в контексте вынужденное, то основным мотивом взаимного отношения участников такой совместности, будет переживание, по меньшей мере, взаимной неприязни. Например, для меня желанна ученая степень и академическая карьера. Но для достижения этого мне необходимо находиться в контексте профессиональной университетской совместности. При этом и порядки университета, и люди, с которыми приходится иметь дело, вызывают у меня чувства, мягко говоря, неоднозначные. Я буду продолжать свою совместность и соблюдать необходимые правила только в том случае, если предвосхищаемая в будущем радость своей *востребованности* окажется достаточным основанием, чтобы выносить в настоящем «радости» высокопрофессиональной совместности и «тонкости обращения с собою начальников».

Не то чтобы уж «*ad – это другие*», но в контексте любой совместности необходимо платить «налог» на необходимое, и если он посилен, осознанное нахождение в контексте возможно. Любая совместность – это набор обязательного и не уникального, к которому каждый и должен относиться как к обязательному, потому что любая совместность связана с отношением к факту взаимной зависимости во взаимной несвободе. Контекстуально заданная парадигма мышления является вынужденно общей для каждого участника совместности. Парадигма определяет правила, при помощи которых можно прогнозировать контекстуально адекватные последствия обязательного влияния друг на друга членов совместности и находить объяснения поступкам и мотивациям других людей.

И если человек, например, в советские времена вступал в единственную партию, чтобы делать карьеру, он вынужден был ходить на все собрания и радоваться неизбежной победе грядущего коммунизма. При этом, если конечно не рассматривать случаи явной патологии, радоваться неизбежной победе коммунизма приходилось для того, чтобы радоваться, например, возможности переехать в лучшую квартиру, или получить дачу, или дать соответствующее образование детям. Потому что парадигма советской совместности разрешала радоваться личным радостям, только если они были включены в радость общую. «Общественные интересы выше личных», в том смысле, что радоваться собственной квартире можно только в связи с радостью от грядущей победы коммунизма на всем белом свете.

Включение собственного существования в контекст любой совместности означает, что способ мышления и контекстуально адекватные переживания обязательно должны означать для меня то же самое, что и для других. Иначе говоря, для того чтобы стать участником совместности, я должен стать как все. Парадигма контекста – это обязательно одинаковые для каждого и понимание, и переживание. Когда на корпоративном мероприятии объявляют о достижениях компании, то контекстуально адекватным поведением считается, например, демонстрация окружающим своего глубокого удовлетворения от услышанного. Иными словами, я должен своим видом показывать приличествующее ситуации переживание, проявление которого свидетельствует о моей глубокой и искренней заинтересованности. Если при торжественном сообщении о достигнутых результатах человек станет проявлять горячий интерес к тому, во сколько обошлось празднование этих успехов, и делиться соображениями о том, что «винишко могло бы быть и получше, если успехи так значительны», то такое поведение, скорее всего, будет признано как контекстуально неадекватным.

Парадигма любого контекста совместности – это существование общих для всех *представлений*, которые для каждого участника совместности являются обязательными. Если общие представления парадигмы совместности не противоречат моим представлениям о себе и моим представлениям о *правильном* и *осмысленном*, то такая

контекстуальная совместность для меня не будет связана с ограничением моей воли к радости. Нахождение в такой контекстуальной совместности не будет для меня связано ни с потерей полноты моей радости, ни с необходимостью демонстрации переживаний, которых у меня нет. В таком контексте существования я нахожусь в совместности с теми, кто такой же, как я сам.

Поэтому, имея в виду контекстуальную природу существования человека, вопрос – *что я делаю здесь и сейчас и какая мне от этого радость* – сводится к вопросу о том, готов ли я к совместности с другими в общем переживании, необходимом для моей контекстуальной включенности. Основной вопрос личного существования при этом можно сформулировать так: «*Оправдана ли для меня необходимость контекстуальной принадлежности ради осуществления моей воли к радости именно в этом контексте?*» И если контекст моего осуществления выбран мной осознанно, то для меня оправданы и ограничения, необходимые для существования в этом контексте, и общность с другими как в представлениях, так и в переживаниях.

10. *Представление и переживание*

Воля к радости является постоянно действующим побуждением в сознании, связанным с поиском и реализацией целей, с которыми я связываю желанные переживания и желанную радость. Достижение желанного переживания является для меня условием, при котором воля к радости может быть реализована. Воля к радости как безусловная и данная мне потребность в стремлении к лучшему оказывается зависимой от достижения желанных переживаний, которые, в свою очередь, определяются мной лишь частично, потому что человек живет среди людей, и условия совместного бытования определяют и ограничивают общее в совместном существовании. Включенность существования человека в контекст совместного бытования определяет общепринятые, т.е. конвенциональные представления о плохом и хорошем, правильном и неправильном, злом и добром. Поэтому желанные цели и связанные с ними переживания зависят от того, что существует для меня *в контекстуальной совместности с другими* как общепринятое и общепонятное.

Существование человека принадлежит настоящему, и в это же настоящее погружены и сознание человека и его представления, и его переживания. Но возможность смыслового взаимодействия связана с необходимостью использования знаковых средств, при помощи которых понимание, находящееся в моем настоящем, может стать доступно для понимания и переживания *другого* в его сознании и его настоящем. Мы не можем непосредственно обмениваться нашими переживаниями и смыслами, поскольку настоящее каждого из нас непосредственно недоступно *другому*. Но мы можем использовать общепринятые или конвенциональные средства выражения смысла, при помощи которых мы можем *передать* наше послание о переживании из *нашего настоящего* в настоящее другого. Точно так же через восприятие и осмысление смысла, сообщенного нам другим человеком, мы можем *воспроизвести* в нашем настоящем этот смысл и составить собственное *представление* о существовании и *переживании* другого человека.

Целью общения людей является *сопереживание в настоящем* общего смысла, которое можно назвать *смысловой совместностью*. Смысловая совместность между людьми связана с необходимостью использования знаковых средств, при помощи которых мы можем быть *поняты* друг другу в общем (понятном) для каждого из нас контексте. Поэтому условием для смысловой совместности, является контекстуальная совместность. Понимание можно определить как адекватный «*перенос*» моего переживания, которое есть только в моем настоящем, в настоящее другого.

О возникновении смысловой совместности или о достижении *взаимного понимания* можно говорить, если мое переживание, принадлежащее только моему настоящему,

может быть *воспроизведено* в настоящем, которое принадлежит существованию другого. Смысловая совместность – это *обмен переживаниями*, который опосредован конвенциональными знаковыми средствами, адекватными данному контексту совместности и данному переживанию. Для того чтобы выразить свое переживание, я должен найти для этого переживания адекватную знаковую форму выражения. Иначе говоря, для того чтобы сделать свое переживание понятным для другого, я должен, во-первых, *представлять себе, как это можно выразить*, и во-вторых, выразить его адекватно конвенциональными средствами, уместными в данном контексте.

Таким образом, *возможность выражения* моего переживания связана с необходимостью существования в моем сознании *представления* о моем переживании, которое я могу понятно выразить при помощи общепонятных средств знакового выражения. Смысловая совместность возможна при условии, что в моем настоящем существует *переживание и представление* об этом переживании, которое я могу выразить понятно для другого. Стараясь выразить свое переживание, я *выражаю не само переживание, но мое представление* об этом переживании.

Конвенциональные средства выражения смысла ограничивают возможности формирования моего представления и ограничивают возможности выражения моего переживания. Это означает, в свою очередь, что если у меня есть переживание, для представления о котором я не могу найти адекватных и конвенционально понятных средств выражения, то мое переживание не может стать предметом смысловой совместности. Например, в среде убежденных атеистов я не могу выразить свое переживание, связанное с пониманием вечности. В этой совместности (хвалы Создателю, что все-таки одной из многих и поэтому не единственной) не существует знаковых средств и понятий для *адекватного представления моего переживания*.

Именно невозможность выразить свое понимание из-за недостаточности знаковых средств приводит к тому, что *гениальность и помешательство* часто рассматриваются как понятия близкие. Использование гением новых знаковых средств очень схоже с выражением бреда. Но разница между гениальностью и безумием в том и заключается, что гениальность создает *новые знаковые средства и понятия*, которые со временем могут стать общеупотребительными и будут иметь конвенциональный смысл, а безумие конвенционально отражается лишь в истории болезни, которая имеет смысл только в контексте психиатрии. *Гениальность* – это возможность создавать новые конвенциональные средства для выражения глубоко личных переживаний, для которых существующие современные средства выражения недостаточны. При этом не важно, в чем гениальность проявлена, или в каком контексте потребность выразить *личное переживание* требует от человека создания новых средств выражения – это может быть и наука, и искусство, и любая деятельность человека. Гений опережает свое время в том смысле, что создает средства для выражения личных переживаний, для которых нет ни адекватных общих представлений, ни понятно сформулированного общего отношения.

В сознании человека присутствует одновременно и само переживание, и представление об этом переживании. Но отношение к представлению или переживанию – это тоже переживание. Поэтому в переживании себя всегда присутствуют два момента – это *переживание существования и переживание представления об этом существовании*. Даже если некоторое переживание по каким-то причинам я не хочу превращать в предмет смысловой совместности, в моем сознании все равно будет присутствовать и представление об этом переживании, и переживание этого представления. Если вернуться к понятию воли к радости, то можно сказать, что сознанию присуща *радость существования себя и радость представления о существовании себя*. При этом очевидно, что *радость существования и радость представления о существовании*, во-первых влияют друг на друга, а во-вторых – имеют разную природу.

Переживание представления всегда связано с присутствием "третьих лиц". Если я стараюсь выразить свое переживание собеседнику, то я вынужден исходить из

общепринятых и конвенциональных понятий, понятных и для моему собеседнику в том числе. Даже если я давно знаком с моим собеседником, вряд ли мне придет в голову изобретать для общения с ним особый язык, тем более что общается он не только со мной. Поэтому в моем представлении о моем переживании всегда присутствует *мое представление о моих отношениях с третьими лицами*. Мое представление о моих отношениях с другими позволяет мне выразить *понятно* мое представление о моем переживании. Я как бы мысленно *сопоставляю* свое представление о моем переживании с существующими для меня представлениями о других, что и позволяет мне превратить мое представление в понятное и знаково выразимое для моего собеседника сообщение.

Если я не могу представить себе, как другие представляют то, что я говорю, и как они *представляют меня самого*, то я не могу понять, понимают ли они меня. В представлении переживания происходит *отчуждение* моего переживания из моего настоящего. Я в моем сознании как бы ставлю себя на место одного из третьих лиц, т.е. я представляю себя в качестве одного из «*наблюдателей за собой*», для того чтобы убедиться, что он, наблюдая за мной, *представляет* меня «*правильно*» по отношению и к моему переживанию, и к моему сообщению об этом переживании.

Но когда я в моем сознании наблюдаю за моим «*наблюдателем*», я приписываю ему способность представить меня самого со стороны, и через его представление обо мне со стороны я могу *отнестись* к самому себе в собственном настоящем. Сопоставление переживания и представления об этом переживании тождественно моему представлению обо мне самом с точки зрения моего представления о третьих лицах. Поэтому представление о переживании тождественно моему представлению о том, как другие могут представлять меня самого.

Представление о переживании «*переносит*» мое переживание в область моего представления о конвенциональном, т.е. общепринятом отношении к этому переживанию других. Т.е., для того чтобы другие могли *отнестись* к моему переживанию как к осмысленному, я *должен представить для них* это переживание *узнаваемо* и понятно. Иначе говоря, для того чтобы к моему переживанию могло появиться осмысленное отношение другого человека, это переживание должно стать для другого представимо и поэтому понятно. Иначе говоря, из моего настоящего, где есть только я, оно должно быть перенесено туда, где есть мои представления обо всех, в частности, и о моем собеседнике. Поэтому представление – это отчуждение моего переживания из моего существования в настоящем, где оно существует только для меня, в область представлений о других, где это переживание начинает сосуществовать с моими представлениями и обо мне самом, и о других.

Переживание существует для меня одновременно с моим представлением о себе самом. В свою очередь, отношение между моим представлением о себе и моим представлением о других позволяет мне представить и отношение другого человека к моему переживанию и ко мне самому. Таким образом, процесс смыслового обмена связан с формированием представления о себе как носителя выражаемого переживания и сопоставлении этого представления с моими же представлениями о других. Не то чтобы я все время был озабочен вопросом, как «*видится*» со стороны то, о чем я думаю и хочу говорить, но в сознании происходят одновременно и взаимозависимо процессы создания смысла и создания представления для других этого смысла.

Бывает, что в разговоре сам себе задаешь вопрос, мысленно обращенный к собеседнику – *ну как тебе это объяснить?* И целью этого вопроса является сопоставление моего представления о себе с моим представлением о собеседнике и моих представлениях о других, кто к этому разговору мог бы иметь отношение. Я стараюсь представить себе моего собеседника как одного из третьих лиц и сопоставить это представление с представлением о себе самом. Способность сознания к представлению переживания размыкает вынужденное одиночество нашего существования только в собственном настоящем. Благодаря этой способности для каждого из нас существует

возможность смысловой совместности с другими, которое позволяет расширять границы понимания и себя самого, и совместного с другими бытия.

Но та же способность сознания к представлению переживания, может стать причиной превращения существования в невыносимое. Потребность в переживании желанных чувств, с которыми человек связывает обретение радости, может быть связано с представлениями, выходящими за границы конвенционально существующих или социально разрешенных. В не столь отдаленные времена, например, представление своего понимания политических процессов или попытка реализовать свою жизнь за рамками традиционно существующих представлений об этих процессах сталкивались со столь жесткими ограничениями социально допустимого, что осуществление смысловой совместности в этих переживаниях требовало почти героического поведения. И речь не идет только о коммунистической, т.е. тоталитарной парадигме. Попытка любого выхода за пределы существующих представлений, даже если эти представления связаны только с личными переживаниями и личной радостью, и не содержат непосредственной угрозы окружающим, как правило, сталкиваются с жестким неприятием. Поэтому, например, гениальность – это всегда преодоление несвободы существующих представлений.

Гений создает новые средства для выражения своих личных переживаний и представлений об этих переживаниях, которые позволяют и ему самому, и другим преодолевать ограничения существующего понимания. Понимание всегда связано с существующими представлениями. Добиваясь собственной свободы от ограничений существующих представлений, гений расширяет возможности свободы выражения и для себя, и для всех остальных. *Гениальность – это возможность выразить невыразимое.* Гений превращает собственные переживания в представимые и понятно выраженные смыслы, которые, позволяют другим *«смотреть»* более полно и более свободно и на самих себя и на мир.

При этом созданное гениальным усилием понимание не обязательно должно быть связано для других с тем же личным переживанием, из-за которого это новое понимание стало возможным. Например, для того чтобы пользоваться законами механики, вовсе не обязательно разделять теологические переживания их создателя. Гений создает новые средства выражения, благодаря которым его переживание себя становятся моментом смысловой совместности для других, при этом не обязательно связанной с ним самим непосредственно. Гений дарит другим новые возможности осуществления воли к радости в созданных им для себя самого и всех остальных новых смысловых совместностях.

В осуществлении воли к радости человек постоянно испытывает давление со стороны конвенционально и прецедентно существующих представлений, которые ограничивают возможности его радости. Поэтому воля к радости связана не только с усилием для поиска того, что именно я хочу переживать, но и с усилиями, направленными на преодоление ограничений в моих представлениях о себе самом и о других. Возможность преодоления ограничивающих представлений является условием достижения желанного переживания и желанной радости. В связи с этим основной вопрос личного существования – *что я делаю здесь и сейчас и какая мне от этого радость* – может быть сформулирован так: *«Дает ли мне представление о себе право на радость от достижения желанного переживания?»*. Или: *«Достаточно ли я свободен от своих представлений о себе и о других, для того чтобы радоваться самому себе и желанному для себя?»*

11. Сознание и существование

Все, что для меня существует, существует только потому, что оно *представлено* в моем сознании. Лампа на столе, компьютер, предмет изложения данного текста. Но мое существование для меня связано с тем, что *я сам для себя есть* в собственном сознании. То, что человек есть для себя в собственном сознании, предполагаю, является общим

моментом для каждого смертного в том отношении, что каждый есть для себя так же, как, например, я есть для себя самого. Поэтому сознание, в первую очередь – это знание о том, что я есть. Поэтому в самом общем виде *сознание – это знание для себя о существовании себя*. В связи с тем, что в сознании себя Я есть, для меня может существовать и все остальное.

Сознание, как знание о том, что я есть, является единственным условием моего осознанного сосуществования с чем либо еще. Кроме знания о том, что я есть, в моем сознании существует для меня знание о моих представлениях, в частности, и о моем существовании. Поэтому мое сознание – это одновременное знание о том, что есть я, и знание о моих представлениях. Иначе говоря, сознание – это совместное знание о моем сосуществовании себя самого и моих представлений о существующем. Для моего сознания знать о чем-то *тождественно существованию представления* того, о чем я знаю. Т.е., *сознание – это возможность одновременного сосуществования себя и своих представлений*. При этом стоит отметить, что мое представление о чем-то всегда является представлением в связи с собой. Но представление в связи с собой, по сути, тождественно представлению о себе в связи с чем-то. Например, мое представление о таблице умножения – это представление о знании таблицы умножения в моем сознании. Но мое знание таблицы умножения – это мое представление о себе, который про эту таблицу умножения знает. Поэтому мое *сознание – это совместность моего существования и существования моих представлений о себе самом*.

В самом общем виде сознание можно определить как существование себя самого, *всегда* совмещенное с представлением или представлениями о себе самом. Можно сказать, что между мной и моим представлением о себе всегда существует смысловая совместность. Я *знаю*, что я есть, потому что в моем сознании я нахожусь в смысловой совместности с моим же представлением о себе самом, которое «говорит мне» – ты есть. Я знаю, что я есть, потому что знанием обо мне наделено мое же представление о себе самом, которое *существует для меня в силу свойства моего сознания*. То, что мое представление «*знает*» обо мне – мне известно в силу существующей между нами смысловой совместности в моем сознании.

Такое описание сознания не является иллюстрацией раздвоения сознания или «появления внутренних голосов». Хотя и эти явления могут быть описаны при помощи такого же подхода. Их можно объяснить, в частности, если для человека отношение к его существованию и отношение к представлению о его собственном существовании утрачивают различимость. Но если патологические явления вынести за пределы излагаемого понимания, то можно сказать, что возможность смысловой совместности как таковой является следствием смысловой совместности между собственным существованием и представлением о собственном существовании.

На всякий случай еще раз отмечу, что в данном контексте не рассматриваются патологические феномены сознания. Человека может находиться в смысловой совместности с другими только потому, что может находиться *в смысловой совместности с собственными представлениями*. И способность к смысловой совместности с самим собой является общим для всех свойством сознания. Утверждение, что сознание является основанием для любого взаимного понимания, скорее всего не вызовет сильных протестов. Но свойство сознания – это постоянная смысловая связь между собой и представлением о себе. Мы можем понимать других только потому, что к себе мы можем относиться как к другому, а к другому – как к себе самому в нашем собственном сознании.

Сознание – это, прежде всего, смысловая совместность между существованием себя и представлением о существовании себя. (Различные определения сознания, встречающиеся в тексте ранее и позже, относятся к различию ракурсов, но не к различию смыслов. Поскольку сознание присутствует во всех контекстах осмысленного существования, многообразие этих контекстов неизбежно делает понятие несколько

мерцательным). Если в моем сознании нет представления о существовании себя, то к факту собственного существования у меня не может возникнуть отношения. Невозможность отношения к существованию себя самого тождественна отсутствию существования себя для себя. В данном случае речь идет не о том, что *потребность иметь отношение* к себе может столкнуться с трудностями – трудно найти для себя нужное отношение или выразить адекватно это отношение другим. Если представить себе сознание, лишенное возможности отношения, то для такого сознания собственное существование, впрочем, как и существование всего остального, оказывается *непредставимым*. Для сознания всегда *существует возможность отношения*, потому что в сознании всегда существует смысловая совместность, в которой *всегда есть отношение* между существованием и представлением об этом существовании.

Таким образом, феномен сознания можно определить как всегда существующую смысловую совместность между собственным существованием и представлением о существовании. Но смысловая совместность предполагает, по крайней мере, возможность отношения к общему смыслу каждого участника совместности. Сознание – это существование, в котором есть возможность отношения к представлению о существовании. К существующему мы можем относиться только через представление об этом существующем. Отношение к представлению и *отношение к существованию* тождественны в том смысле, что отношение к существованию *всегда предполагает представление* об этом существовании. При данных уточнениях можно сказать, что *сознание – это возможность отношения к существованию*.

12. Сознание и возможность выбора

Существенно, что в определении сознания как возможности отношения к существованию не присутствуют какие либо ограничения. В сознании для человека (меня) возникает множество представлений о собственном (моем) существовании, и это множество создается в *ничем не ограниченной свободе*. Сознание предоставляет каждому человеку (мне) неограниченную свободу выбора любых *потенциально возможных смысловых совместностей*. Если сознание – это *потенциальная возможность* сосуществования себя и любого представления о себе, то это означает, что человек сосуществует с потенциально *бесконечным множеством любых представлений* о себе самом. Т.е., повторим, в (моем) сознании каждого человека (для меня) потенциально существует бесконечное множество представлений о своем (моем) существовании, и это множество создается в неограниченной ничем свободе.

Для *сознания как такового* не имеет значения, как именно представляется человеку существующее и какое отношение к этому представлению он пожелает для себя выбрать. Сознание содержит для человека потенциально бесконечное множество любых представлений и содержит для него же возможность любого отношения к этим представлениям. Поэтому можно еще раз сказать, что сознание – *это возможность отношения к существованию в свободе личного выбора, не ограниченной чем-либо*.

Если считать, что в основе существования человека находится воля к радости, то ее действие проявлено в *небезразличии* человека к самому себе. *Небезразличие* – это постоянная личная *заинтересованность* в реализации воли к радости, присутствующей в сознании. Поэтому не будет сильным преувеличением утверждение, что единственное, в чем заинтересован каждый человек – это в радости от самого себя. Это не означает, что человеку присуща лишь эгоистическая или даже эгоцентрическая позиция. Радость собственного существования может быть связана с радостью от существования других людей, с которыми я нахожусь в смысловой совместности. Поэтому стремление к радости как таковой совместимо и с альтруизмом, и с самопожертвованием, и с героическим поведением.

Можно сказать, что в основе существования человека находится постоянно задаваемый самому себе вопрос – *«а хорошо ли мне так, как я этого хочу?»*. И этот вопрос можно понимать как основание, в связи с которым человек сопоставляет представление о своем существовании с представлением о возможном существовании себя самого в собственном сознании. Постоянное сравнение себя с тем, что могло бы быть, является для человека проявлением (моего) безразличия к себе, реализуемого во множестве представлений его сознания. Можно сказать, что воля к радости является основанием для поиска лучшего. Воля к радости не позволяет самому себе сказать *«остановись мгновенье, ты прекрасно»*.

Собственное существование, из которого исключена сама возможность личного выбора, т.е. исключена возможность безразличия к себе, лишено личного смысла. Существование человека – это существование его сознания, в котором присутствует возможность личного выбора как условия реализации собственного (моего) безразличия к себе, которое, в свою очередь, связано с осуществлением данной ему воли к радости. Многообразие представлений о себе, доступных человеку (меня) в силу свойства сознания, и возможность выбора из множества представлений является условием реализации воли к радости. То есть, существование, имеющее личный смысл – это существование, в котором для человека всегда существует возможность личного выбора.

Исходя из этого, можно сказать, что сознание – это всегда существующая для человека множественность представлений о себе, из которой, он может выбрать лучшее. Ограничение свободы выбора только существующей и не зависящей от человека данностью, превращает в бессмысленное и множество представлений его (моего) сознания, и его волю к радости. Существование, в котором есть противоречие между свободой представления в сознании и не зависящей от человека (меня) единственной данностью существования, превращается в невыносимое из-за своей бессмысленности. Поэтому основной вопрос личного существования – *«что я делаю здесь и сейчас и какая мне от этого радость»* – может быть сформулирован так: *«Располагаю ли я достаточной свободой личного выбора для осуществления моего безразличия к себе, при котором моя воля к радости имела бы личный смысл?»*

13. Сознание и мышление

Сознание – это возможность отношения к собственному существованию, или, что тождественно, сознание – это возможность отношения к переживанию представления о собственном существовании. Такое определение сознания оказывается тождественно определению сознания как возможности переживания (существующего) переживания. Это формулировка очень близка к определению сознания, как *«переживания переживания»*.

«Мыслю, следовательно, существую», но то же самое можно сказать иначе – *«имею возможность относиться, следовательно, существую»*. Я существую, потому что в данной мне свободе моего сознания я могу выбрать из возможного наиболее желанное. *Я не безразличен к себе и поэтому у меня есть возможность выбора.* Я существую, потому что в моем настоящем есть воля к радости, которая проявлена в моем безразличии к самому себе. И мое безразличие к себе побуждает меня находить отношение к моему настоящему для выбора лучшего будущего. Можно сказать, что отношение совмещает единственно существующее для меня в настоящем со множеством других потенциально доступных мне возможностей моего будущего существования. Поэтому возможность отношения тождественна возможности личной свободы в выборе лучшего будущего, которое не ограничено единственностью существующей данности.

Но то, что возможно для моего сознания, вовсе не обязательно возможно для моего мышления. Для мышления существуют понятия *«неприемлемого»* и *«непредставимого»*. Для меня *«неприемлемы»* представления, которые вступают в противоречие с моим

пониманием правильного и осмысленного. При этом *неприемлемое* связано с моим отношением к *представимому* и понятному. *Неприемлемое* – это мое отношение к существующему для меня представлению о себе, с которым я осознанно *не хочу находиться* в смысловой совместности. Нежелание смысловой совместности с неприемлемым представлением означает для меня нежелание влияния этого представления о себе на мое существование в настоящем. Я отказываюсь от смысловой совместности с тем, что я не считаю возможным для себя в силу моего личного выбора. *Неприемлемое* – это то, что для меня существует как *возможность сознания*, но чему я отказываю как *возможности личного выбора*. Можно сказать, что *личная позиция* определяет для меня границы приемлемого и ограничивает бесконечные возможности представлений, существующих для меня в неограниченной свободе моего сознания.

Личная позиция связана с представлением о себе самом, как об одном из участников существующей или потенциально возможной смысловой совместности. В любой смысловой совместности возникают общие для всех и, в частности, для меня самого ограничения. Например, для того чтобы разделить смысловую совместность с другими в связи с корпоративным мероприятием, необходимо быть одетым определенным образом. И если необходимость носить костюм и бабочку я рассматриваю как приемлемое для себя ограничение, то моя личная позиция позволяет мне быть участником такой совместности. Но если на этом мероприятии необходимо всякий раз выпивать стакан до дна, то такое ограничение моей свободы я буду считать неприемлемым и от такой смысловой совместности я предпочту избавиться.

Личная позиция – это представление о *приемлемом для себя ограничении* собственной свободы ради необходимости нахождения в контекстуальной и смысловой совместности с другими. *Личная свобода* связана с моим представлением о собственном *достоинстве*. Представление о собственном достоинстве – это представление о допустимом или приемлемом для меня самого *ограничении* моей свободы другими. Представление о моем личном достоинстве является основанием для личной позиции, в связи с которой я могу отнестись к смысловой совместности как приемлемой или неприемлемой для себя.

Представление о собственном достоинстве определяет мою позицию по отношению к представлению, которое может рассматриваться как потенциально возможное или невозможное для контекстуальной и смысловой совместности с другими. Но целью любого представления является возможность реализации моей воли к радости в смысловой совместности не только с самим собой. Поэтому реализация воли к радости предполагает смысловую совместность, в которой это представление может быть и уместно, и адекватно, и приемлемо. Например, я представляю себе, что *«сейчас приедут испанские гранды и произведут меня в рыцари»*. Если я, в конце концов, решу для себя, что это представление уместно для смысловой совместности только с обитателями сумасшедшего дома, то вряд ли я буду к нему относиться как к приемлемому для себя. При этом само по себе представление о посвящении меня в рыцари не сильно отличается от представления о том, что пора бы, например, сделать перерыв в моей писанине и пообщаться с моими близкими.

Сознание предоставляет мне бесконечное множество представлений, среди которых *мышление* позволяет мне находить лучшее или кажущееся лучшим для меня. Мышление – это механика смыслообразования, а сознание – это то, благодаря чему мышление вообще возможно. Мышление можно понимать как инструмент, который я использую для реализации данной мне воли к радости в связи с моим пониманием контекстуально правильного, уместного и приемлемого. Мышление позволяет мне искать нужные мне представления, сопоставлять и сравнивать их с другими представлениями, выбирать предпочтительное. При этом сознание как возможность отношения не только является необходимым условием для механизма мышления – оно является тем, благодаря чему мышление имеет смысл для меня, и благодаря чему я могу знать, что я есть.

Благодаря сознанию существую и я, и мои представления о существующем, и мое мышление, и мое представление о собственном достоинстве. При помощи мышления я могу занять *личную позицию* по отношению к возможным для меня представлениям и *выбрать* те из них, с которыми я связываю и своё достоинство, и возможность реализации воли к радости в смысловой совместности с другими. Сознание создает для меня то, к чему мое мышление применимо в связи с моим осознанием себя самого.

Из всего бесконечного множества представлений о существовании, которые есть в моем сознании, мое мышление позволяет мне распознавать как существующие только те представления, к которым *применимы акты мышления* как такового. Основным актом мышления можно считать *отношение*, которое устанавливает связь между существованием себя и существованием понятного другим представлением о себе. Если я *могу отнестись* к своему представлению, это означает, что оно, во-первых, существует для меня как возможность, и, во-вторых, я могу решить, в конце концов, хочу я или не хочу смысловой совместности с этим представлением, исходя из представления о своем достоинстве и своей контекстуальной уместности. Мышление *ограничивает* многообразие возможностей представления сознания, позволяя мне выбирать и разумное, и возможное, и приемлемое для меня.

Прецедентная природа мышления не позволяет мне осуществить отношение к беспрецедентному для меня представлению как к представлению, имеющему смысл и для других. Мои возможности для смысловой совместности с другими ограничены пределами *представимого* для моего мышления, в границах которых возможно понятное выражение представления. При этом следует предположить, что если представление невозможно для мышления, это не означает, что этого представления нет в сознании. Поскольку одним из свойств сознания является способность создавать неограниченное множество представлений, следует признать, что для мышления существуют лишь те представления, к которым возможно отношение в связи с потенциально возможной смысловой совместностью. Если возможности мышления ограничены механикой его устройства и конвенциональными ограничениями для смысловой совместности, то сознание не ограничено ничем, кроме себя самого.

Воля к радости позволяет мне предвосхищать радость желанную, но пока не достижимую в моем существовании. Переживание предвосхищаемой радости может быть связано с представлением, которое существует для моего мышления, но в связи с которым я пока не могу осуществить мою волю к радости. Например, мне хочется поехать в гости и я хорошо представляю себе, как это будет здорово, но из-за занятости я пока не могу это представление осуществить. В силу моего личного выбора представимое для меня я не рассматриваю как реализуемое. Но *непредставимое для мышления* – это то, что в силу *прецедентных ограничений* существования и *прецедентных ограничений* собственного мышления я не способен понятно выразить и превратить в момент смысловой совместности с другими.

Мышление сокращает множество представлений сознания до границ прецедентно представимого. И хотя в сознании, в возможности неограниченной свободы представления *«есть все»*, из-за ограничений мышления я могу отнестись только к тому, что мышление *«разрешает»* рассматривать как существующее, и к чему я могу относиться как к основанию для возможной смысловой совместности. В этом смысле *творчество* можно понимать как преодоление прецедентной природы мышления. Оно позволяет осуществить отношение к переживанию за пределами *прецедентно существующего и представимого* для меня. Творчество – это отношение к переживанию, превращающее это переживание в представление, которое может быть выражено понятно, т.е. при помощи существующих конвенциональных средств. Целью творчества является смысловая совместность с другими в связи с тем, что для меня существует первоначально лишь как невыразимое переживание самого себя.

14. Контекстуальная уместность

Предвосхищаемая радость может быть связана с представлением, которого у меня нет в мышлении, но появление которого для меня очень желанно. Например, я решаю задачу и у меня пока *нет представления* о том, как с ней справиться. Но я очень хочу найти решение. С этим решением я связываю переживание радости. Моя воля к радости устремлена к тому, что не существует пока как представимое, но существует только как *возможность*. Основанием для поиска решения задачи является мое *представление о возможном существовании* этого решения. Смысл этого представления связан с предвосхищением «знания» о том, что необходимое решение *«должно существовать»*. Мое представление обо мне самом, позволяющее мне *«знать»*, что решение *«должно быть»*, связано в первую очередь с пониманием моей *уместности* в контексте решения этой задачи. *Контекстуальная уместность* связана и с моим пониманием задачи, и с пониманием предмета, и с желанием собственной радости от смысловой совместности с другими в этом контексте.

Если предположить, что мной вдруг овладеет страстное желание выступить на сцене оперного театра и радовать публику своими вокальными дарованиями то, скорее всего, к этому намерению я отнесусь крайне настороженно. Точнее, я отнесусь настороженно не к самому намерению, а к здравости собственного рассудка. Личностные особенности человека и особенности его личной истории определяют для человека его ограничения. В связи с этим можно сказать, что осознание себя – это *осознание своих ограничений*, которые определяют для меня и возможные контексты смысловой совместности, и существование в этих контекстах целей, достижение которых имеет для меня личный смысл. Чем осознаннее личное существование, тем менее случайно человек выбирает контексты своей уместности для реализации своей воли к радости. Именно поэтому у меня нет намерения петь на сцене оперного театра.

Представление о своей контекстуальной уместности является для меня основанием, в связи с которым «знание» о том, что необходимое для реализации моей воли к радости в этом контексте для меня *«должно существовать»*. Поэтому мои усилия, направленные на поиск решения задачи, я связываю с моим представлением о себе, в котором есть «знание», что это решение *«должно быть»*, хотя пока для меня его нет. Переживание представления о своей *контекстуальной уместности* позволяет мне *верить*, что необходимое для меня, но пока непредставимое, в этом контексте для меня существует. *Вера* связывает существующее в моем сознании с тем, что для меня представимо не существует, но *возможность существования* чего я *предвосхищаю* в переживании своего представления о своей неслучайности и своей уместности в выбранном для себя контексте существования. Осознанный выбор контекста своей уместности – это выбор контекста реализации своей воли к радости, в частности, и за пределами представимого для моего мышления в этом же контексте.

Иначе говоря, вера позволяет мне соединить для смысловой совместности то, что существует для меня только как переживание, с тем, что для меня уже существует как представление. Можно сказать, что *вера – это моя связь с непредставимым и желанным, существование которого для меня возможно только в переживании предвосхищаемой радости*. Поэтому вера в существование того, с чем я связываю мою волю к радости в выбранном для себя контексте, позволяет мне относиться к желанному как к потенциально существующему, даже если оно находится *за пределами представимого* для моего мышления. Представление о своей контекстуальной уместности является основанием, в связи с которым непредставимое и желанное для меня может превратиться в представимое и уместное для других.

Основанием для моей веры в возможность преодоления пределов представимого является представление о собственной контекстуальной уместности. В переживании собственной контекстуальной уместности содержится и мое понимание неслучайности

для себя самого этого контекста, и понимание возможности полноценного осуществления моей воли к радости в смысловой совместности с другими. Можно сказать, что *контекстуальная уместность* – это возможность развития в радости смысловой совместности с другими в неслучайно выбранном для себя контексте существования.

При этом *единственным основанием для веры* является допущение, что за пределами прецедентных границ представимого в неслучайном для меня контексте есть непредставимые пока смыслы, с которыми я связываю предвосхищаемую и желанную радость. Воля к радости способна пересекать границы прецедентно доступного и представимого, если для меня существует представление о себе самом, в котором *ограниченность* моего понимания является *безусловной и всегда существующей данностью* моего существования в неслучайном контексте, выбранном мной осознанно.

Отношение к себе, в котором находится безусловное понимание собственной ограниченности, можно назвать *смирением*. Смирение, т.е. безусловное приятие факта личной смысловой ограниченности даже в контексте моей безусловной уместности, является единственным условием для осуществления воли к радости за пределами представимого в мышлении. Иначе говоря, смирение позволяет осуществлять волю к радости в вере, что существующее для меня только как личное переживание может стать существующим как уместное представление и для меня самого, и для других.

Воля к радости, осуществляемая в смирении, в приятии собственной ограниченности, позволяет превращать непредставимое в понятное представление. Осуществление воли к радости в творчестве расширяет границы представимого в мышлении, превращает ранее непредставимое в прецедентно существующее и в собственном мышлении, и в смысловой совместности с другими. Убежденность в существовании смыслов за пределами *прецедентно существующего* в мышлении является основанием для творческого усилия, благодаря которому предвосхищаемая мной радость становится радостью осуществленной и для меня самого, и для других. Смирение перед своей ограниченностью и вера в возможность представить пока непредставимое являются основанием, в связи с которым воля к радости оказывается способна преодолевать прецедентные границы существующих представлений. Благодаря творчеству возникают представления о новых возможностях осуществления воли к радости и для меня самого и для всех, кто вместе со мной разделяет смысловую совместность.

В связи с этим основной вопрос личного существования – *что я делаю здесь и сейчас, и какая мне от этого радость* – можно задать по-другому: «*Уместен ли я в желанном для меня контексте для осуществления моей воли к радости в творчестве?*» Или то же самое можно выразить иначе: «*Уместно ли проявление моей воли к радости в существующем для меня контексте смысловой совместности?*»

15. «Другому как понять меня» – представления мышления и представления сознания

Как уже говорилось, другим мы можем выразить только то, что можем сами себе представить. Это означает, что возможность выражения полностью зависит от возможности представления того, что мы хотим сообщить другому человеку. Возможность смысловой совместности с другими определяется возможностью смысловой совместности собственного существования в настоящем с представлением об этом существовании, т.е. смысловая совместность с самим собой, благодаря которой я могу выражать понятно и свои переживания, и связанные с этими переживаниями представления. Для выражения другим смысла своего переживания у меня *должно быть представление* о себе самом, для которого это переживание имеет представимый для меня самого и понятно выражаемый для других смысл.

Множество представлений о себе, связанных с возможностями моего мышления, можно назвать *представлениями мышления*. Представления мышления связаны с

возможностью понятно *объяснить* другим их смысл. Поэтому *понимаемое* для себя тождественно *понятно выражаемому или объясняемому* для других. Мы можем выразить понятно другому только то, что пониманием сами. Но для моего сознания существует множество представлений и за пределами возможностей моего понимания – то есть за пределами моих возможностей понятного выражения и объяснения. Моя вера в существование смыслов за пределами моего понимания является основанием для приложения усилий, которые связаны с достижением желанного, но пока для меня *непредставимого*.

Можно сказать, что представления, существующие для меня только в неограниченной свободе сознания, принадлежат множеству *представлений сознания*. Переживание *предвосхищения существования желанного, но пока непредставимого* смысла можно назвать *переживанием невыразимо прекрасного*, которое находится за прецедентными границами моего мышления и принадлежит только представлениям моего сознания. Переживание своей контекстуальной уместности позволяет мне *предвосхищать* возможность существования *такого представления* о себе, которое я могу связать с *переживанием невыразимо прекрасного*.

Это означает, что переживание невыразимо прекрасного – это переживание моего представления о себе, которое существует для меня только в неограниченной свободе представлений моего сознания, но не принадлежит представлениям моего мышления. При этом единственным основанием считать, что невыразимо прекрасное может иметь для меня смысл, связано с пониманием моей контекстуальной уместности, в связи с которым существует моя вера в возможность превращения представления сознания в представление моего мышления.

Для меня существует представление о невыразимо прекрасном, но это представление я не способен внятно выразить, поскольку это только представление моего сознания, но не моего мышления.

Мое мышление связано со множеством представлений, и мое понимание (например, той же таблицы умножения) связано с *представлением мышления* о себе, для которого эта таблица существует и как представимая, и как выражаемая. Иначе говоря, для меня существует представление мышления о *таком* себе, для которого таблица умножения имеет смысл. Но если в моем сознании есть переживание желанного и прекрасного, которое невыразимо, то это означает, что для меня *не существует представления мышления* в связи с этим переживанием. Т.е., для меня не существует представления о себе, в связи с которым невыразимо прекрасное имеет смысл и для других.

Кроме выражения своего восхищения невыразимо прекрасным представлением сознания (например, о том, что существует решение сложной для меня задачи), мне нечего сообщить другим. Неотразимая привлекательность этого переживания для меня и моя *неспособность* представить это переживание как представление мышления (т.е. понятно другим выраженного смысла) создает для меня ситуацию желанной, но неразделенной смысловой совместности с другими, которую я вынужден переживать как *одиночество*.

Причиной моего одиночества является предвосхищение радости от существования смысла решения задачи в представлении сознания, которое я не способен превратить в представление мышления. Для меня доступно лишь переживание этого смысла, но сам смысл решения находится для меня за пределами возможностей собственного понимания, а поэтому и за пределами возможности смысловой совместности.

Творчество всегда оставляет создателя нового наедине с самим собой, потому что в его сознании нет ничего, кроме переживания невыразимо прекрасного, которое он не способен ни представить, ни выразить, ни объяснить. В существующих и выразимых представлениях мышления для себя нет ничего, кроме непонимания или, скорее, понимания, что неизвестно, как об этом можно хотя бы начать говорить понятно.

16. Дерзновение творчества

Творческое усилие связано с *дерзновением*, т.е. стремлением к радости, для достижения которой существует единственное основание – переживание невыразимо прекрасного в представлении сознания, отношение к которому можно выразить только как утверждение внутренней убежденности, *что этой радости не может для меня не быть*.

В смысловой совместности то, что существует для меня, существует и для других. Утверждение *«не может не быть»* является предельной формой выражения *долженствования* или *необходимости существования*. Для меня переживание *необходимости* существования смысла невыразимо прекрасного представлено переживанием, *что этого смысла не может не быть*. Моя убежденность в *необходимости существования* этого смысла является основанием для приложения усилий, направленных на превращение представления сознания, в котором мне доступно переживание невыразимо прекрасного, в представление мышления. Только представление мышления позволяет превратить невыразимо прекрасное в момент смысловой совместности с другими. Сколько бы я не предвосхищал *«существование чудесного решения задачи»*, но пока этого решения нет в моем мышлении, его нет ни для кого, включая и меня самого.

Радость предвосхищаемая существует только для меня в представлении сознания, но *состоявшаяся радость* существует для всех, с кем я нахожусь в смысловой совместности. Творчество – это усилие, направленное на превращение радости, *предвосхищаемой в представлении сознания*, в радость, *состоявшуюся в представлении мышления* и для меня и для других. Но для осуществления радости, которая предвосхищается мной в переживании невыразимо прекрасного, необходимо *изменение собственного мышления*, которое позволит непредставимое, но желанное *представление сознания* превратить в *представление мышления* и в момент смысловой совместности с другими.

В свою очередь, необходимость изменения мышления тождественна необходимости изменения представления о себе, в связи с которым непредставимый смысл станет представимым и выражаемым в смысловой совместности с другими. Творческое дерзновение всегда обращено в ту область сознания, в которой существует невыразимое. В творческом дерзновении человек выходит за пределы собственного мышления, потому что только за пределами представлений мышления для человека существует то, что можно назвать *невыразимо прекрасным*.

Для выражения невыразимо прекрасного в представлении сознания необходимо преодоление собственных ограничений мышления, в рамках которых может находиться только *переживание убежденности*, что смысл невыразимо прекрасного существует. Для себя представимо то, что находится в прецедентных границах существующего мышления. Но для достижения понимания за пределами прецедентных границ собственного мышления необходимо усилие, направленное на преодоление и этих границ, и ограничивающих представлений о себе самом.

В основе дерзновения как условия творческого процесса находится, с одной стороны, смирение перед собственной ограниченностью, а с другой – готовность преодолеть ограничения существующих для меня представлений мышления о себе же самом. В таком понимании творчества содержится если не парадокс, то, по крайней мере, противоречие. Мое представление мышления позволяет мне предвосхищать невыразимо прекрасное как возможность моего сознания, но для достижения этого невыразимо прекрасного как осуществленной радости я должен *преодолеть ограничения собственного мышления*, которые позволяют мне эту радость предвосхищать.

Иначе говоря, для обретения радости, возможность которой предвосхищается мной в существующем представлении о себе, мне необходимо преодолеть мое же

собственное представление о себе самом. Творческое усилие связано с *попыткой осознания* того, что в существующих для себя границах мышления не может быть ни осознано, ни выражено, ни осуществлено. Усилие выразить невыразимое в рамках существующих представлений мышления сталкивается с *непреодолимыми* ограничениями со стороны самого же мышления. Поэтому усилие превратить представление сознания в представление мышления – это усилие, направленное на преодоление непонимания, которое *непреодолимо* в границах существующего мышления и существующего представления о себе самом.

В связи с этим можно сказать, что *целью творчества* является *изменение представлений* о себе, которые позволяют *преодолеть непреодолимое* для себя непонимание в прежних представлениях мышления о себе самом. Иначе говоря, творческое усилие направлено на расширение границ существующих прецедентных представлений мышления, для того чтобы *беспрецедентное представление сознания* оказалось в пределах расширенных границ прецедентных представлений мышления. В самом общем определении, *творчество – это создание прецедентов беспрецедентного преодоления* собственных прецедентов ограничения и мышления и существования.

Преодоление ограничений собственного мышления связано с осознанием как этих *ограничений*, так и *возможностей* преодоления их. Иначе говоря, я должен понимать, какие ограничения моего мышления мешают мне понять и осуществить новое, и я должен понимать, что далеко не все, что мне хотелось бы изменить в своем мышлении и существовании, я реально могу изменить.

В осознанном творческом усилии *не может не содержаться* понимание ограниченных возможностей изменения собственного мышления, которые *всегда сопоставимы* с преодолеваемыми границами своего же мышления и связанных с ним прецедентными представлениями о себе самом. Готовность преодоления ограничивающих представлений о себе самом и понимание своей ограниченности для этого преодоления является *основным вызовом* творческого дерзновения. Но величие творчества в том, что ради невыразимо прекрасного, *которого не может для меня не быть, потому что есть я*, в дерзновении сохраняется готовность *преодолеть непреодолимое*, даже ценой собственной контекстуальной уместности.

Дерзновение всегда связано с риском ошибок, зачастую драматических, иногда – фатальных. Но право на такие ошибки – это привилегия *«королей и аристократов»*. *«Простые»* люди так не ошибаются, потому что они не совершают *поступков*, связанных с преодолением прецедентно сложившихся представлений о себе. Если осознание человеком самого себя не требует от него устремлять свою волю к радости за пределы представимого, то для него и нет необходимости преодолевать несвободу прецедентного в собственном мышлении и в представлениях о себе самом.

В таком существовании нет риска дерзновения, но нет и радости прикосновения к невыразимо прекрасному. Поэтому для тех немногих, кому тесны границы очевидного, необходимость преодоления ограничений прецедентного и доказательного в представлении о себе становится личной потребностью.

Личность совершает усилие, чтобы *преодолеть непреодолимое* только ради себя и ради того *невыразимо прекрасного*, которого только для себя самого *не может не быть* в неограниченной свободе своего собственного сознания. В таком понимании творчество относимо к любой деятельности человека и применимо к любому контексту осуществления личного осмысленного усилия. И целью этого преодоления является осуществление воли к радости в смысловой совместности с другими за пределами прецедентных представлений и о себе самом, и о возможном.

Для воли к радости, устремленной за пределы представимого, необходима свобода от непреодолимого в самом себе. Формулу *«За нашу и вашу свободу»*, можно рассматривать как цель любого конструктивного творческого дерзновения. Потому что обретенная свобода от непреодолимого только для себя самого становится

осуществленной возможностью преодоления непреодолимого для всех. Основной вопрос личного существования – *что я делаю здесь и сейчас и какая мне от этого радость* – можно задать иначе: *«Готов ли я к преодолению непреодолимого в себе ради своей совместности с другими, в переживании невыразимо прекрасного для себя?»*. Или о том же можно спросить и так: *«Существует ли для меня невыразимо прекрасное, ради которого я способен к творческому усилию в неразделенном одиночестве?»*.

И если в собственном сознании человека существует такое переживание и существует готовность к преодолению непреодолимых ограничений себя самого, то для такого человека *не может не существовать* ответа на основной вопрос личного существования. Можно сказать, что воля к радости устремляет дерзновение творчества к представлениям о лучшем будущем, для которых отсутствуют прецедентные или доказательные основания. Небезразличие к себе связано с постоянной заинтересованностью человека в творческом осуществлении, которое создает для него прецеденты беспрецедентных преодолений собственной ограниченности. Включенность в творческое дерзновение является безусловным основанием для личного ответа на вопрос – *что, собственно, я делаю здесь и сейчас и какая мне от этого радость*.

17. Преодоление бессмысленного

Я могу радоваться представлению о своем существовании, если в этом представлении я могу радоваться сам себе. Сам себе я радуюсь, когда я сам себе нравлюсь. Мне нравится представление о себе, когда в этом представлении я могу делать то, *что считаю правильным*, и так, *как я считаю правильным*. Иными словами, я могу радоваться себе, когда в *моем присутствии* реализуется то, *что я хочу*, и так, *как я хочу*. Каждый человек является носителем смысла собственного существования, который проявляется в совместности с другими. Можно сказать, что любой человек стремится осуществлять свое *смысловое присутствие*, в котором содержится радующее его представление о себе. Человек радуется самому себе, когда в его смысловом присутствии осуществляется то, что он считает для себя *правильным и осмысленным*.

В объектном существовании каждый человек находится во взаимной зависимости от других людей и внешних обстоятельств. Взаимная вынужденность объектного существования является причиной, из-за которой я не только вынужден не делать то, что хочу – я могу быть принужден делать то, чего я не хочу. При этом *не хочу* может быть связано с представлением о себе, в котором я сам себе не рад – до переживания *отвращения* к самому себе. Я могу быть принужден находиться в совместности, в которой я сам себе *отвратителен*. Существование, в котором я вынужден находиться в ситуациях, в которых я сам себе не рад до отвращения к себе, можно назвать существованием в *унижении*. Для меня *унизительно*, если я не только не могу осуществить то, что я считаю для себя правильным, но вынужден находиться в смысловой совместности с тем, что вызывает у меня чувство отвращения к себе самому.

Переживание отвращения к себе связано для меня с необходимостью вынужденного нахождения в смысловой совместности с тем, что я считаю *неправильным и бессмысленным*. Можно сказать, что *переживание унижения* – это переживание вынужденного *осквернения личного смыслового присутствия* бессмысленным. В смирении нет унижения, потому что смирение – это признание факта моей ограниченности, которое позволяет мне расширять границы своего понимания. Признание собственной ограниченности в смирении имеет для меня смысл. Но в унижении я переживанию *свою несвободу* от бессмысленного, которая вынуждает меня относиться к себе не так, как я хочу. Поэтому существование в унижении – это существование в *осквернении* своего смыслового присутствия бессмысленным, несвободу от которого я не могу преодолеть.

Переживание унижения всегда связано с моим представлением о себе, в котором моя свобода вынужденно ограничена другими. Может быть, для кого-то возможность мучить кошку исполнена глубокого личного смысла... я даже готов это допустить. Но от того, что это увлекательное занятие для кого-то имеет смысл, для меня оно не перестает быть бессмысленным. И моя смысловая совместность в этом увлечении будет для меня бессмысленна, и я сам себе в такой смысловой совместности буду отвратителен. Поэтому контексты совместности, которые мы выбираем для себя – это контексты, с которыми мы связываем совместность, по возможности свободную от несвободы бессмысленного.

Для каждого человека существует представление о себе, в котором его существование свободно от несвободы бессмысленного. В этом представлении о своем существовании нет переживания унижения. Потому что в таком существовании мое смысловое присутствие не осквернено унижительной несвободой от бессмысленного и связанным с бессмысленным *отвращением* к себе. Если в моем существовании нет бессмысленного, то в этом существовании я рад и себе, и другим. При этом я могу допустить, что значимый для меня смысл может находиться за пределами доступного мне сейчас понимания. Признание своей смысловой ограниченности можно назвать смирением. Осознавая свою ограниченность как данность, смирение не связано с переживанием унижения из-за того, что другие понимают больше чем я.

Нахождение в смысловой совместности с теми, чье понимание превосходит мое собственное, может быть для меня унижительно при единственном условии – при *желании настоять на своем*, даже если оно, это своё, бессмысленно. Но если бессмысленное для меня унижительно, даже если я сам являюсь его носителем, то смысловая совместность с теми, кто может помочь мне преодолеть бессмысленность в себе – это милость Божья.

18. Предназначение

Представление сознания об *осуществлении собственного смыслового присутствия* является представлением о своем *предназначении*. Я радуюсь себе в *представлении о моем предназначении*, потому что это представление связано с осуществлением моей воли к радости, которая совпадает с моим представлением об *осмысленном и правильном*. Внутренняя убежденность в том, что для меня не может не существовать возможности реализации моего смыслового присутствия в радости, связано с переживанием моего *предназначения*.

Переживание собственного предназначения – это переживание *превосхищения прекрасного смысла собственного существования*, в связи с которым осуществимо мое смысловое присутствие, свободное от унижительной несвободы бессмысленного. *Переживание своего предназначения* присутствует в сознании как ничем не мотивированная потребность *выразить и осуществить прекрасное*, и эта потребность существует в моем сознании даже вне связи с объективными и знаковыми подтверждениями ее реализуемости.

Для меня представление о себе может быть желанно, если в этом представлении о себе осуществляется желанное мне представление о моем предназначении, в котором я свободен от несвободы бессмысленного. Поэтому мое представление о предназначении является основанием для выбора представлений, с которыми я связываю свою смысловую совместность с другими.

Для выражения смысла любого переживания необходим контекст, в котором как переживание, так и смысл этого переживания могут быть реализованы в уместной смысловой совместности. Переживание предназначения как такового – это *переживание убежденности* в том, что для меня *не могут не существовать контексты* реализуемости моей воли к радости в связи с осуществлением моего смыслового присутствия. Иначе говоря, для меня *не может не быть* контекста уместности проявления моей воли к радости, потому что в моем существовании для меня есть *переживание своего*

предназначения, как переживание *безусловной реализуемости радости* от преодоления несвободы бессмысленного.

Небезразличие к самому себе, которое связано с осуществлением воли к радости, -- это моё *небезразличие к реализуемости моего предназначения* в преодолении бессмысленного в моем смысловом присутствии. В связи с этим можно сказать, что воля к радости – это воля к *преодолению несвободы бессмысленного* в собственном существовании. Переживание своего предназначения связано с необходимостью личной *контекстуальной определенности* осуществления воли к радости как таковой. В уникальной природе человека общая и универсальная для всех воля к радости проявляется в *переживании определенного и лично уникального* предназначения, в котором воля к радости преобразуется в волю к преодолению несвободы бессмысленного и для себя, и для других.

Воля к радости проявлена для каждого человека. Поэтому для каждого человека существует воля к преодолению бессмысленного в своем существовании. Но *«где ты ничего не можешь, ты ничего не должен»*. То есть, с одной стороны, переживание своего предназначения является общим переживанием для каждого человека, а с другой стороны – содержание и направленность осуществления своего предназначения проявляется в поиске *определенных* контекстов своей совместности, в которых преодоление несвободы бессмысленного для человека наиболее сообразно его склонностям и возможностям.

Например, человек с ярко выраженными способностями к музыкальным занятиям, скорее всего, не будет проявлять серьезного интереса к разработке новых методов статистического анализа. Способности человека задают для него область интересов и связанных с ними контекстов, в которых его существование и радостно, и уместно, и продуктивно. Хотя наличие способностей, например, к тому же занятию музыкой, может и не совпадать с пониманием собственного предназначения. Музыкальные занятия в силу способностей могут даваться очень легко, но не приносить радости. Например, музыкальная одаренность для человека может быть связана с предназначением к педагогической, а не собственно исполнительской деятельности.

Способности человека являются скорее *инструментами* для поиска и реализации своего предназначения, но только осознание *определенности собственного предназначения* придает им смысл и приносит радость от их применения. Осуществление своего предназначения – это осуществление воли к преодолению несвободы от бессмысленного в контексте своего смыслового присутствия, в котором способности человека и необходимы, и уместны, и применимы. Признаком обретенного для себя понимания и осуществления своего предназначения является переживание радости от своей деятельности. И эта радость связана с тем, что свои способности человек направляет и для осуществления смысловой совместности с другими и для постоянного возрастания свободы от ограничений бессмысленного.

Каждый человек одновременно принадлежит множеству разных контекстов, в каждом из которых существует свое представление о смысловом присутствии, свое представление о предназначении и свои возможности осуществления воли к радости. Эти контексты связаны с разными людьми и с решением разных задач. В каждом контексте моего существования представление о моем предназначении является основанием для переживания моей уместности и для осуществления смысловой совместности с другими.

Среди различных контекстов существования есть такие, в которых моя воля к радости вполне ограничена *прецедентными рамками* существующих для меня представлений собственного мышления. Например, выбирая для себя варианты проведения отпуска, я вряд ли стану рассматривать возможность моего участия в охоте на крокодилов. И в данном случае вовсе не из соображений гуманизма. Мне привычнее другое, что вполне устраивает меня. Для того чтобы радоваться самому себе и возможности свободного существования во время отпуска, мне нет никакой необходимости устремлять мою волю к радости за пределы привычного и представимого.

Но для меня существуют и другие контексты моего существования, в которых преодоление несвободы бессмысленного является моментом постоянного приложения личного усилия и по отношению к предмету моего интереса, и по отношению к самому себе. В этих контекстах усилие преодолеть бессмысленное тождественно преодолению бессмысленного во мне самом. Поэтому в таких контекстах у меня есть постоянный интерес в обретении нового понимания и в освоении новых возможностей.

В таких контекстах моя воля к радости устремляется за пределы и прецедентного, и представимого. Мне необходимо понимание за пределами представимого, и потому в границах уже понятого у меня есть вопросы к самому себе, на которые у меня еще нет ответа. Это означает, что к существующему для меня понимаю я отношусь если не как к бессмысленному то по крайней мере, как к недостаточно полному. Поэтому такие контексты моего существования – это *контексты постоянного интереса к самому себе*, с которыми я связываю осуществление моего предназначения – преодоления несвободы бессмысленного в моем смысловом присутствии.

Контекст осуществления собственного предназначения – это контекст, в котором существует постоянный интерес к самому себе и постоянная заинтересованность в развитии и своего понимания, и продуктивности своего смыслового присутствия. Можно сказать, что мое осмысленное отношение к любому представлению мышления или сознания возможно при единственном условии – при существовании представления о своем предназначении, в связи с которым я могу отнестись к любому представлению. Отличие любого представления о себе *от представления о своем предназначении* заключается в том, что к любому представлению возможно отношение только в связи с представлением о своем предназначении.

При этом в моем сознании сохраняется свобода выбора в отношении любого представления сознания, но в отношении своего предназначения свобода выбора ограничена. Парадоксальность представления о предназначении связана с тем, что его *невозможно не желать*. Своего предназначения невозможно не желать так же, как невозможно не желать освобождения от переживания унижения или не желать освобождения от переживания отвращения к самому себе. Поэтому представление о предназначении является основанием, только в связи с которым любое представление может иметь смысл.

Если представить себе сознание, в котором отсутствует представление о предназначении, то в таком сознании нет основания ни для переживания небезразличия к себе, ни для осуществления воли к радости, ни для осуществления воли к преодолению бессмысленного. Иначе говоря, мое представление о *предназначении является единственным основанием*, в связи с которым моему существованию может быть придан личный смысл. Переживание своего предназначения является предвосхищением осуществленного смысла своего личного существования. Это означает, что представление о своем предназначении является *единственным представлением моего сознания*, в связи с которым возможно мое осмысленное существование.

В связи с предназначением я могу отказаться, например, от желанных для меня представлений. Я могу быть принужден отказаться от невыразимо прекрасного, скажем, из-за ошибки понимания контекста своей уместности или неправильно выбранной цели. Я полагал, что нашел правильное решение задачи, но затем был вынужден признать не только ошибочность моего понимания, но и ошибочность своего нахождения в контексте, присутствие в котором я считал себя уместным. Поэтому я вынужден отказаться и от решения, которое мне казалось прекрасным, и от самого контекста, в котором я считал свое присутствие для себя и уместным и желанным. Но при этом потребность в переживании невыразимо прекрасного и потребность в осуществлении моей воли к радости и воли к преодолению бессмысленного в себе сохраняются.

Для меня сохраняется личный смысл существования, потому что сохраняется личное стремление к *осуществлению предназначения*, в связи с которым потребность

обретения свободы от несвободы бессмысленного имеет для меня смысл. Но от предназначения можно отказаться только одновременно с отказом от смысла и от радости в собственном существовании. Только в представлении моего предназначения я избавлен от несвободы бессмысленного и поэтому только в этом представлении о себе я могу радоваться себе. Воля к радости полноценно осуществима только в связи с осуществлением своего предназначения – в преодолении несвободы бессмысленного.

В этом аспекте основной вопрос личного существования – *что именно я делаю здесь и сейчас и какая мне от этого радость* – можно задать так: «*Существует ли для меня представление о моем предназначении, в связи с которым в моем существовании может быть и смысл, и радость?*». И если я осознал свое предназначение в этом мире в связи с доступным мне преодолением бессмысленного, то основное мое внимание будет обращено на осуществление моего предназначения. Потому что представление об осуществлении предназначения обещает каждому человеку освобождение от бессмысленного и поэтому унижительного.

19. Быть собой – совместность в необходимости

Существование человека связано с переживанием несвободы. В объектном существовании, в которое человек включен своим *телесным*, человек испытывает несвободу взаимозависимости и от других, и от собственного телесного, и от объектных обстоятельств. В этом отношении, например, зубная боль является таким же не зависящим от человека ограничением, как внезапное похолодание или ураган. Чего бы я ни хотел, но желание избавиться от боли станет необходимостью. Ограничение воли к радости в объектном существовании определяется *необходимостью*, которая связана с телесным. Собственное телесное создает условия для несвободы и от других, и от себя самого.

Осуществление воли к радости, которая тождественна воле к преодолению несвободы бессмысленного, связано с постоянным соприкосновением с ограничениями своих возможностей. А эти ограничения являются следствием телесного существования человека во взаимной вынужденности (императивности) объектных отношений. В самом общем виде: несвобода в существовании человека связана с *необходимостью*. Необходимо заниматься своими делами, необходимо уделять внимание своим близким, необходимо зарабатывать на жизнь. В необходимости как таковой осуществимо смысловое присутствие человека. При этом необходимое не обязательно связано с неприятным. Например, необходимость поесть может быть удовлетворена весьма приятным образом, скажем, в правильном месте и в хорошей компании. Но от того, что удовлетворение необходимого может быть приятно, *необходимое не перестает быть необходимым*.

Можно сказать, что необходимое как таковое – это постоянный и обязательный «налог» на возможность существования в телесном. *Необходимое связано с телесной природой человека*, подчиняющейся, как уже говорилось, не уникальным, одинаковым для всех закономерностям, которые для всех носят характер вынужденный, или императивный. Поэтому любой контекст существования человека, по определению, несвободен от ограничений, связанных с взаимной вынужденностью императивных влияний объектного на собственное телесное. Иными словами, необходимое в существовании человека – это проявление не уникальной природы объектного, в которую человек включен собственным телесным.

Смысловое присутствие, в котором осуществимо предназначение человека, *всегда является смысловым присутствием в необходимости*. Осуществление смыслового присутствия в необходимости означает, что любая смысловая совместность не свободна от необходимости, а личная уместность в неслучайном для себя контексте – это

уместность в связи с необходимостью, которая в этом контексте существует, по крайней мере, как взаимная.

Когда встречаются близкие люди, их смысловая совместность может быть свободна от взаимной корысти, но в свободе от корысти сохраняется взаимная необходимость в телесном присутствии друг друга. Например, партнеры по покеру необходимы взаимно не для того, чтобы заработать друг на друге: без партнера можно играть только с самим собой. Поэтому любая смысловая совместность – это совместность во взаимной необходимости. Даже романтическим влюбленным необходимо взаимное физическое присутствие, с которым каждый из них связывает желанные для себя переживания. Эти переживания необходимы лишь мне, но – осуществимы только в физическом присутствии другого человека. Существование во взаимной необходимости – это всегда существование в зависимости от другого, потому что только в совместности с другим *необходимому* может быть придан личный смысл.

Можно сказать, что *человек для человека – это всегда необходимость*, причем не обязательно всегда обязательная и не обязательно всегда взаимная. Свое предназначение каждый человек осуществляет в условиях взаимной необходимости, обслуживание которой он может считать для себя или обязательной, или не обязательной. Основанием, в связи с которым я располагаю свободой выбора по отношению к *необходимому*, является мое представление о моем *достоинстве* и о моем *предназначении*.

Моя осознанная совместность в необходимости связана с осознанием обязательности моего участия в ней. *Совместность в необходимом – это совместность во взаимной обязательности*. Мое участие во взаимной необходимости может стать для меня желанным, если я этого хочу, а хотеть выполнения своих обязательств можно при единственном условии – мое участие в контексте взаимной обязательности соответствует моему представлению и о собственном достоинстве, и о собственном предназначении. В таком случае свое участие во взаимной необходимости я не рассматриваю ни как ограничение моей свободы, ни как уменьшение моей радости. Это мой выбор. И я готов выполнять *обязательства*, которые с ним связаны, *осознанно* и *радостно*.

Например, хочется посидеть дома в тишине и подумать о своем, но дети будут требовать внимания. Поэтому возможность достижения желанного покоя оказывается ограничено необходимостью заняться детьми. Даже если отмахнуться от слишком разошедшихся детей, то к желанному чувству покоя неизбежно добавится вынужденное и унижительное чувство раздражения и на детей, и на себя самого. Но детей можно чем-то занять, заплатив посильный налог *необходимости*. На то время, пока они будут независимо от меня заниматься своими делами и радоваться, я могу независимо от них погрузиться в желанное мне чувство покоя и радоваться тоже.

Желанное чувство покоя оказалось для меня доступно, потому что смысл ситуации содержит для меня возможность *освобождения* и от детской надоедливости, и от угрызений собственной совести. Поэтому выполнение обязательного для себя в необходимости является условием для переживаний, с которыми я связываю возможность осмысленного существования, в котором я могу радоваться и себе самому, и другим.

Таким образом, в самом общем виде можно сказать, что осознанное участие во взаимной необходимости является для меня условием реализации воли к радости и моего предназначения. Именно поэтому свое предназначение к преодолению бессмысленного человек вынужден осознавать в контексте осознанно принятых на себя обязательств в связи с взаимно необходимым.

Но если мое участие во взаимной необходимости не рассматривается мной как необходимое для осуществления моего предназначения, то у меня и не возникает переживания унижения от уклонения ни от взаимной обязательности, ни от участия в самой этой совместности. *«Из Ура – уходи»*. Поэтому если для меня контекст смысловой совместности становится невыносим из-за невозможности преодоления бессмысленного, которое другими воспринимается как необходимое, у меня не может возникнуть

унижения от уклонения от взаимной обязательности в этом контексте. Скорее, унижение будет связано с необходимостью оставаться в совместности с теми, чье глубоко осмысленное представляется мне лишенным для меня всякого смысла и радости.

Свобода человека начинается не только с выполнения взаимных обязательств во взаимной необходимости. Свобода – это возможность *ради себя самого* отнестись к своим обязательствам в необходимом с позиции своего представления о своем предназначении и о своем достоинстве. Я свободен в связи с представлением о себе и поэтому могу отнестись к необходимости как к *должному* или *недолжному* обязательству. Но даже если я считаю необходимость существующей совместности для себя уже не обязательной, то другие участники этой совместности могут думать иначе.

Отношения во взаимной обязательности – это отношения «*взаиморасчетов*». Это не означает, что в этой области отношений нет места ни *снисходительности*, ни *великодушию*, ни *милосердию*. Но проявление участия к другому человеку за пределами *логики справедливости* всегда осуществимо только в связи со «*счетным балансом*» отношений во взаимной обязательности взаимно необходимого. Поэтому для любого человека осуществление *права быть собой*, т.е. исходить из понимания должного в связи с отношением к представлению о своем предназначении, всегда связано с возможностью непонимания и противодействия окружающих.

И дело даже не в том, что другие в моем стремлении *быть собой* могут увидеть возможность ущерба своему корыстному интересу. Основание для переживания своего предназначения всегда находится в представлениях сознания человека, и сам человек не всегда способен внятно выразить смысл своего предназначения даже самому себе. Но осуществление *права* на свою радость неизбежно связано для человека с *необходимостью* преодоления непонимания его ближайшего окружения.

Вопрос, какое чувство окажется сильнее – желание осуществления невыразимо прекрасного или желание переживания одобрения себя окружающими, – это всегда вопрос личного выбора. Но независимо от того, что предпочтет человек, в стремлении к осуществлению своего предназначения он вынужден сталкиваться с *необходимостью* преодоления притязаний на свое право быть собой. И эти притязания возникают со стороны тех, с кем человек находится в смысловой совместности.

20. Осуществление

В поиске смысла человек неизбежно оказывается в ситуации возможного противостояния с другими. Мир взаимной необходимости – это мир, в котором действуют сложившиеся правила и сложившиеся представления, в частности, и друг о друге. В осуществлении права на свое предназначение человек вынужден пересекать границы сложившихся о нем представлений других людей. Именно поэтому свобода как условие осуществления своего предназначения всегда связана с необходимостью *осуществления права на себя*. *Мое право на себя* – это *право на противодействие другим* в ограничении возможности моего выбора, это *право на преодоление попыток* других удержать меня в границах существующих у них представлений обо мне же самом.

Человека можно заставить делать то, чего он делать не хочет, но человека невозможно заставить желать того, чего он не хочет желать. Надо сказать, что если переживание своего предназначения выражено в сознании человека отчетливо, то у него и нет особого выбора. От себя можно отказаться при единственной условии – когда с другими я вынужден связывать смысл своего существования больше, чем с самим собой. И следует признать, что в ряде случаев так и происходит. Если на вопрос, можете ли вы не писать стихи, следует ответ – ну, вообще-то могу, – то в этом случае «писать стихи» не нужно.

Между отношением к увлеченности своим поэтическим творчеством -- «ну, вообще-то могу и не писать» -- и отношением «*пишу, потому, что не могу не писать*»

существует принципиальная разница. Если *я могу и не писать*, это означает, что для меня самого нет *безусловных оснований* для моего занятия. Но если я не могу не писать, то у меня существует основание, которое не только не зависит от других: это основание не зависит даже и от меня самого.

Если для себя еще не возникло понимание своего предназначения, которое представляется *безусловно достоверным*, то можно ориентироваться на смыслы, которые предлагают другие. Но когда для меня существует то, чего *не может не быть*, вопрос, как мне к этому отнестись, становится бессмысленным. Я не могу считать, что для меня нет того, что представляется и переживается мной как безусловно достоверное. Мое воление к осуществлению моего предназначения находится только в моем собственном существовании и не имеет каких-либо иных оснований. Иначе говоря, мое собственное существование является единственным основанием, в связи с которым существует и мое воление.

Я «хочу писать стихи» только потому, что я есть. Поэтому осуществление того, чего *для меня является достоверным безусловно*, уже не связано с одобрением или неодобрением других. При том, что поддержка близких людей очень значима, в осуществлении своего предназначения человек вынужден опираться только на себя самого.

Если представление о собственном предназначении выводит мои устремления за пределы представлений существующей совместности, то для меня это означает, что в рамках существующих отношений и существующих представлений мое невыразимо прекрасное для меня неосуществимо. В связи с переживанием желанного для меня невыразимо прекрасного существующие для меня отношения и представления о себе приобретают характер *бессмысленных ограничений*. Поэтому право на осуществление своего предназначения – это право отнестись к ограничениям, существующим для себя в контекстуальной совместности, как к *бессмысленным*.

Но то, что стало для меня бессмысленным, вовсе не потеряло для других ни смысла, ни ценности. Поэтому моя потребность в осуществлении смысла, который в рамках сложившихся представлений другим кажется бессмысленным, ставит меня в ситуацию необходимости преодоления непонимания, которое в границах существующих представлений совместности становится непреодолимым. С точки зрения существующей парадигмы совместности, стремление к осуществлению невыразимо прекрасного представляется другим не только бессмысленным, но и лишним. Поэтому осуществление своего предназначения сталкивается с необходимостью изменения представления о необходимом как таковом.

Для того чтобы новое могло занять свое место в существующей совместности в качестве одного из *состоявшихся прецедентов*, требуется доказательная обоснованность необходимости изменения существующих представлений. Иными словами, для осуществления своего предназначения необходимо усилие, направленное на изменение существующих представлений о необходимом, которые по определению представляются другим *аксиоматически неизменяемыми*. Усилие, направленное на изменение существующих представлений о необходимом – это усилие, направленное на *изменение* аксиоматически неизменяемого. Попытки изменения аксиом парадигмы всегда начинаются в слабой позиции.

У каждого предназначения существует представление о своем непреодолимом – о своем *«голиафе»*. В осуществлении моего предназначения *«мой голиаф»* возвышается надо мной во всей своей мощи, непреодолимой для меня. И для меня совершенно не важно, что другим мой *«голиаф»* может казаться *маленькой запуганной серой мышкой*. Для меня он является воплощением унижительной непреодолимости бессмысленного, которая оскверняет мое смысловое присутствие и которая должна быть преодолена в осуществлении моего предназначения. Это означает, что в *осуществлении своего предназначения* каждый человек достигает права на свое достоинство, которое для всех

одинаково – это право на существование в свободе от унижительного присутствия бессмысленного и для себя и в себе самом.

В таком понимании содержание предназначения не имеет значения. Любая осмысленная деятельность – это возможность осуществления своего предназначения. Люди равны друг другу, потому что для каждого человека существует возможность самоотверженности в своем служении предназначению. И совершенно не важно, в чем оно заключается – в воспитании детей, создании новых технологий или в добросовестном уходе за садом. Возможность осуществления своего предназначения является основанием для взаимной *паритетности* в отношениях между человеком и человеком. Человек равен человеку в том отношении, что ценность для меня преодоления моего *непреодолимого* такая же, как ценность преодоления другим человеком *непреодолимого* для него.

В переживании осуществленного предназначения все обстоятельства существования приобретают свой неслучайный и весомый смысл. Даже, казалось бы, случайные несчастья и страдания *предстают закономерными* в контексте состоявшегося предназначения. После того как *«голиаф повержен»*, предназначение осуществлено. Невыразимо прекрасное существует в моей совместности с другими, и я *свободен от необходимости* преодоления *непреодолимого* в моем существовании. Но пока предназначение не завершено, переживание собственного существования представляется не столь радужным.

Осуществление предназначения – это непрерывное усилие, направленное на преодоление *непреодолимого*, но пока *непреодолимое* не преодолено, нет никаких оснований считать, что это вообще окажется возможным, кроме единственного – невозможно не желать этого преодоления и невозможно не желать приложения усилий ради этого. Можно сказать, что движущей силой осуществления предназначения является *уверенность* в его осуществимости, когда *надежда* перестает иметь решающее значение. Поэтому не будет преувеличением сказать, что любое личное осуществление связано с прикосновением к *отчаянию*.

Предназначение героя – это стремление к преодолению *непреодолимого* даже ценой собственного существования. Предназначение мыслителя скромнее: *непреодолимое* находится, скорее, в его собственном мышлении и в его собственных представлениях о себе. Но и герою, и мыслителю необходимо преодоление своего *«голиафа»*, потому что только преодолением *непреодолимого* исчерпывается предназначение и открывается свобода. В связи с этим, основной вопрос личного существования – *что именно я делаю здесь и сейчас и какая мне от этого радость* – можно задать так: *«Нашел ли я свое предназначение, с осуществлением которого я связываю возможность обретения личной свободы?»*

21. Свобода

Человек летать не может, и любая попытка просто так воспарить в небеса, ринувшись в пропасть, с неизбежной необходимостью приведет к тому, к чему не может не привести. Но можно сделать (или купить) парашют. Тогда смысл ситуации меняется, *ограничение необходимости* оказывается преодоленным. Парашют освобождает от необходимости свернуть себе шею ради переживания желанного чувства полета и связанной с ним радости. Таким образом, осмысление направлено на преодоление ограничений, которые препятствуют достижению желанной ситуации. Или можно сказать иначе: смысл – это то, что дает свободу от необходимого для переживания желанного в радости.

В каждом контексте воля к радости реализуема при условии, что в этом контексте удастся преодолеть *необходимость необходимого*. При этом свобода от необходимости *необходимого*, как условие радости, осуществима всегда контекстуально конкретно.

Параплан позволяет радоваться свободе полета, но при этом он совершенно бесполезен, когда нужно утомить детей и уложить их спать.

Человек одновременно принадлежит разным контекстам, как правило, действуя только в одном из них, в котором он непосредственно присутствует совместно с другими в настоящем. Но осуществляя свое смысловое присутствие в одном из контекстов, человек продолжает принадлежать контекстам, которые для него существуют как представления.

Представление человека о своем существовании является *сложением* представлений о разных контекстах, в которые человек включен. Это означает, что переживание своего существования – результат взаимодействия переживаний, связанных с существованием во всех контекстах, в которых человек действует. Переживание радости от преодоления необходимости в одном из контекстов ограничено переживанием представлений, связанных с непреодоленной необходимостью в других контекстах существования. Например, дома, казалось бы, можно радоваться своим близким и тому, что они радуются тебе. Но, например, нерешенные проблемы на работе будут вторгаться в переживание настоящего, в котором вроде бы и нет препятствий для радости.

Существование человека – это существование в несвободе, которая распространяется и за пределы настоящего. Включенность человека во множество контекстов создает не зависящую от него несвободную заданность будущего. В телесном существовании человек в принципе несвободен. Но в преодолении необходимого человек *прикасается* к радости существования, в котором его *свобода не ограничена* необходимостью. Осуществление предназначения позволяет человеку прикасаться к переживанию освобождения от *необходимости необходимого, предвосхищая* существование в настоящем, в котором свобода человека не связана с принудительным действием необходимости.

Необходимое связывает возможность осуществления воли к радости с достижением желанного результата в объектном бытовании. В условиях необходимости воля к радости *всегда направлена на что-то*, с чем связана возможность желанного переживания. Отсутствие необходимости устраняет необходимость в объектной заинтересованности и связанную с миром вынужденности *логичность* мышления. В переживании блаженства исчезает разница между представлениями мышления и представлениями сознания. Представления сознания становятся *явлениями существования*, свободного от присутствия какой-либо *объектной* необходимости и ограниченности.

Свобода – это существование, ограниченное только собственной волей (к радости). Существование, не ограниченное присутствием необходимости, становится существованием в неограниченной свободе собственного сознания. Существование в свободе от необходимости можно назвать существованием в *блаженстве*. *Потребность* переживания *чувства* блаженства представлена в *потребности* осуществления собственной воли к радости. Моя воля к радости потенциально направлена на освобождение от необходимого как условия возможности переживания блаженства в собственном настоящем.

Если представить себе существование человека, связанное с единственным контекстом, в котором осуществляется его предназначение, то осуществление предназначения открывает для человека возможность существования, свободного от необходимости *необязательного*. Когда предназначение осуществлено и нет непреодоленной необходимости во вне, тогда для сознания появляется возможность существования в блаженстве, ограниченного только собственной волей к радости. Если считать, что воля к радости *всегда* связана с *предвосхищением лучшего*, то в блаженстве, ограниченном собственной волей к радости, можно предположить возникновение заинтересованности в радости существования за пределами собственной воли.

В существовании в блаженстве человек заинтересован в другом человеке, но не в связи с взаимной необходимостью, которой для него нет. В свободе (от преодоленной

необходимости) человек заинтересован в совместности с другим для переживания радости, которая доступна для него за пределами его собственной воли к радости. В объектно зависимом существовании участники совместности всегда – *взаимная необходимость* друг для друга, с которой связано совместное осуществление воли к радости каждого из них. Но в существовании, свободном от необходимости, участники совместности всегда – только *взаимная возможность* умножить друг для друга радость собственного существования, преодолевая пределы собственной воли к радости в совместном Блаженстве. Возможность существования в радости за пределами ограничений собственной воли осуществима только в свободе от взаимной объектной необходимости.

В такой модели существования (свободного от необходимости необходимого) совместность возможна, если каждый участник этой совместности заинтересован в переживании совместного Блаженства за пределами личного блаженства, которое доступно ему только в пределах его собственной воли к радости. За пределами личного блаженства начинается Блаженство взаимно свободного сосуществования.

В собственном настоящем каждого человека существует возможность *прикосновения* к переживанию Блаженства взаимной свободы, которое является основанием для приложения усилий, направленных на осуществление невыразимо прекрасного в совместности с другими. Человек может прикоснуться к переживанию блаженства существования в свободе, только предвосхищая осуществление собственного предназначения. И когда для человека возникает представление о возможности продуктивного завершения своего предназначения, тогда для него становится доступно прикосновение к Блаженству взаимной свободы.

В связи с этим, ответ на основной вопрос личного существования – *что я делаю здесь и сейчас и какая мне от этого радость* – можно сформулировать иначе: «*Существует ли в моем настоящем представление о моем предназначении, с осуществлением которого я связываю предвосхищение Блаженства взаимно свободного существования?*» И если в осуществлении моего предназначения мне доступно прикосновение к возможности Блаженства взаимно свободного существования, то ответ на основной вопрос для меня существует.

Переживание возможности прикосновения к Блаженству взаимно свободного существования является *личным основанием* для отношения к основной проблеме личного существования. *Человек для себя* – это возможность преодоления бессмысленного ради предвосхищения Блаженства взаимной свободы со всеми. *Вечность* – это *настоящее*, которое *есть всегда*, поэтому каждый человек причастен *вечности*. Каждый человек в своем настоящем прикасается к вечности, в которой для каждого открывается возможность Блаженства своего существования в совместности со всеми в преодоленной необходимости необходимого.

Человек способен понимать другого не только потому, что существуют взаимно понятные и общепринятые средства выражения. Люди способны понимать друг друга, потому что каждый человек в собственном настоящем причастен к общей для всех Вечности, в которой для каждого предвосхищается возможность существования с другими во взаимной свободе взаимного Блаженства. Поэтому предвосхищение каждым собственного освобождения от необходимости необходимого является основанием для смысловой совместности с другими, в которой каждый предвосхищает возможность общего с другими Блаженства взаимной свободы в общей для всех Вечности.

II. *Человек для человека*

1. *Самое общее отношение человека к человеку*

Человек для человека всегда необходимость, потому что между людьми находится мир объектных отношений, который определяет и взаимную необходимость, и взаимную обязательность. Но отношения человека к человеку определяются не только прагматической ценностью участия другого в собственном существовании.

У каждого человека существует представление о *свободе*, которой другой может располагать даже в рамках взаимно необходимых и взаимно обязательных отношений. То, как человек относится к другому человеку, в самом общем виде определяется его пониманием той свободы, на которую другой человек имеет право.

Отношение человека к свободе другого человека определяет для него и смысл происходящего между людьми, и его собственные переживания. Самым *общим отношением* одного человека к *существованию другого* является его отношение к *праву* другого *на свободу*. Поэтому переживания каждого человека связаны с самым общим для всех отношением к существованию других – отношением к свободе человека.

2. *Особенности описания личного существования*

Любая система описания описывает не реальность как таковую, а *представления*, которые содержатся в самой системе описания. Можно сказать, что развитие любой предметной и научной дисциплины – это развитие *представлений* о предмете изучения и одновременно развитие *способа мышления*, в котором представления о предмете описания используются. Например, математическая экономика описывает не собственно экономику, а свойства и поведение *формальных объектов*, которым пытаются придать смысл, применимый для понимания явлений экономики. Любая система описания – это описание способа мышления и связанных с ним представлений о предмете описания. Для понимания и прогнозирования химических процессов, необходимо мыслить в *представлениях* о валентности, атомарной массе, законе сохранения материи. Для понимания и прогнозирования явлений, относящихся к механике, необходимо мыслить в *представлениях* о массе, силе, ускорении, законе сохранения энергии.

В этом отношении любая *система описания* является не столько описанием *предметной реальности*, сколько описанием *представлений* о явлениях объективного мира и описанием *способа мышления* об объективном мире в этих представлениях. (*способа мышления в представлениях* о предмете, которые существуют в объектном мире.) При этом в *самой объектной реальности* такие *представления* системы описания *непосредственно* никак не представлены. В объектном мире нет непосредственно, например, ни валентности, ни силы, ни энергии. Но система описания химических свойств вещества позволяет наблюдаемое в объектном мире осмыслить в представлениях о валентности и атомарной массе, а результат осмысления выражается понятно для всех, кто мыслит в тех же представлениях. Применение системы описания как способа мышления позволяет *моделировать* поведение объектов и устанавливать связь между *результатами мышления* (представлениями системы описания) с *фактическими проявлениями* изучаемого объекта в реальности. Связь *формально понимаемого* и *фактически наблюдаемого* является основным вопросом применимости и *развития* систем описания и моделей, созданных на их основе.

Ценность систем описания заключается в возможности моделирования представлений о поведении объектов. Такое моделирование позволяет выявить закономерности в представлениях, вытекающие только из способа мышления. Но после того как закономерности найдены, их применение позволяет осмыслять такие явления предметной реальности, которые без этих закономерностей в представлении осмыслить было бы невозможно. Поэтому любая система описания – это логическая модель, закономерности которой применимы и для осмысления уже наблюдаемого, и для

изучения того, что в реальности еще не проявилось, но представляется возможным в результате *моделирования* представлений. Иначе говоря, моделирование позволяет расширять представления о возможном в реальности не за счет наблюдения или накопления опыта, а за счет выявления закономерностей, вытекающих только из способа мышления об объекте изучения. При этом любое описание не является моделью реальности – это модель способа мышления, который можно применять для придания смысла наблюдаемым и ожидаемым в реальности явлениям.

Одним из возможных способов описания того, как мы мыслим о самих себе и о своем существовании, является *модель существования субъектов в свободе от необходимого*, в которой единственным основанием личных отношений является направленность воли каждого. При помощи этой модели можно описывать развитие и самих отношений, и связанных с ними переживаний. Очевидно, что результаты такого моделирования непосредственно не связаны с существованием человека, поскольку существование человека погружено в объектное, от которого он не свободен. Но закономерности, которые будут получены при моделировании *свободного от объектной необходимости существования*, могут быть полезны для понимания переживаний, с которыми сталкивается человек в реальном существовании. При этом *основным содержанием* моделирования существования в свободе является *отношение между собственной волей и свободой другого человека*.

Формально, как объект, модель существования в свободе от необходимого мало чем отличается от модели, например, идеального газа или модели небесной механики. Но некоторое отличие есть, и связано оно с тем, что в моделях описания явлений объектного мира используются представления, смысл которых не зависит от *собственной воли наблюдателя*. Текст любой формальной и *объектно-ориентированной* системы описания составлен так, что объект изучения всегда находится *в третьем лице*. Объект такого описания – это всегда ОН, ОНА или ОНО. *Тело* испытывает действие силы гравитации, *электрон* вступает в резонансное взаимодействие, *свет* рассеивается в оптически неоднородной среде и т.д. В *объектно-ориентированных* системах описания объект изучения – ОН, который одинаков для каждого наблюдателя, и для меня в том числе.

Система описания взаимно свободного существования – это модель совместного существования *субъектов*, каждый из которых является для себя Я. Описание взаимно свободного существования – это *субъектно-ориентированное* описание, объектом которого является МОЕ собственное существование, т.е. Я сам. Говорить о субъекте можно только как о себе, т.е. *от первого лица*. Каждый субъект – носитель собственной воли. Субъектно-ориентированное описание – это описание собственных переживаний и направленности собственной воли.

Субъектная ориентированность этой модели придает некоторую *непривычность изложению*. Описание собственного существования в связи с тем, что *я хочу* и что *я чувствую*, осуществимо только в изложении *от первого лица*. При этом *общность описания* достигается допущением, что я использую *достаточно общие представления* для описания себя самого и своих переживаний, в которых о себе мог бы думать и говорить каждый. Иначе говоря, для создания модели существования во взаимной свободе необходимо описание собственного *существования* и необходимы *представления или понятия*, при помощи которых понятие про себя стало бы понятным про себя каждым.

Любая система описания не может ответить на вопрос, что происходит «*на самом деле*», но она может ответить на вопрос *как надо думать о происходящем*, чтобы происходящему можно было придать смысл, который, впрочем, существует только в пределах самой системы описания. Целью моделирования отношения к собственному существованию в свободе является поиск ответа на вопрос, как надо думать о себе самом, чтобы собственное существование в свободе имело бы для себя личный смысл. При этом очевидно, что понимание того, «*как надо думать*», относится только к самой модели существования в свободе. Но даже при понимании *методических* ограничений такого

подхода можно надеяться, что полученные результаты будут полезны для осмысления человеком своего существования в мире.

3. *Модель существования в свободе*

Модель существования в свободе – это описание отношений взаимно свободных субъектов. Существование каждого субъекта для себя самого ограничено только его собственной волей. Воля каждого субъекта *уникальна*, и в этом отношении один субъект всегда отличим от другого. При этом каждый субъект *заинтересован* в участии других субъектов в собственном существовании. С участием другого в собственном существовании каждый субъект, и Я в том числе, связывает обретение радости *большей*, чем та, что непосредственно доступна в существовании, ограниченном только моей собственной волей. Я *заинтересован* в действии воли другого на мое существование, поскольку связываю с ней радость *большую*, чем доступна мне только в моей собственной воле. Моя заинтересованность в другом субъекте – это моя заинтересованность в *совместности* с ним. В совместности с другим мне становится доступно переживание радости за пределами моей собственной уникальной воли и за пределами только моего собственного существования.

Для применения модели свободного существования достаточно утверждения, что субъекты взаимно заинтересованы в совместности друг с другом. В совместности происходит взаимное расширение границ радости каждого из них. При этом, *«что происходит»* в этой совместности и *«как она устроена»*, для применения данной модели значения не имеет. Может быть, у меня есть *«барабан»* и я хочу в совместности с другим субъектом, который *«играет на скрипке»*, наслаждаться возможностью музицировать вместе с ним и радоваться ему, как себе. Может быть, я нечто такое *«понял»*, и мне очень хочется *«обсудить»* это с другим. И с возможностью такого *«обсуждения»* я связываю еще большую радость, потому что другой своим участием в совместности со мной *«разовьет»* это понимание и для себя и для меня. (Здесь половина кавычек убирается – потом это обсудим Угу, как скажет Даос Ф.)

В совместности я ожидаю от другого того, что мне не свойственно, но что даст мне новую радость. Я заинтересован в участии другого, потому что уникальность другого даст мне новые возможности для осуществления моей воли к радости. В такой модели существования мы взаимно свободны. Это означает, что желанная для меня совместность с ним возможна при единственном условии – если другой хочет совместности со мной. Иначе говоря, совместность в свободе возможна только тогда, когда моя воля к радости желанна в существовании другого. То есть, моя воля к радости находится в воле к радости другого субъекта, а воля к радости другого находится в моей собственной воле. Если участие воли одного субъекта в существовании другого взаимно желанно, то совместность осуществима.

В такой совместности воля к радости каждого субъекта направлена на волю к радости другого. Каждый заинтересован в радости другого субъекта, поскольку с его радостью он связывает свою собственную. Каждый *«знает»*, что хочет другой субъект, и каждый заинтересован *«дать»* другому субъекту то, с чем он связывает свою радость. В такой модели совместности я как бы *«отдаю»* свои желания в волю другого, потому что с его участием я связываю достижение *большей* радости, чем радость доступная мне в моем одиночестве. Стремление к совместности – это стремление *расширить* радость свободного одиночества до Радости свободной совместности.

Но если я этой совместности не хочу, то у другого нет возможности заставить меня в нежеланную для меня совместность вступить. Между нами нет *необходимого*, через которое другой может влиять на мое существование *обязательным* для меня образом. Если я не хочу совместности с ним, то я могу придать его существованию такой смысл, который зависит только от меня. Это означает, что если некто заинтересован в

совместности со мной, а я нет, то его «*домогательства*» перестают для меня существовать ровно в тот момент, когда я захотел его больше «*не замечать*». Если я не заинтересован в совместности с другим субъектом, то его направленность на меня ничего для меня не значит. Если его направленность на меня для меня ничего не значит, то для меня этой направленности и нет. Он может «*стучать в свой барабан еще громче*», чтобы обратить мое внимание, но для меня он уже «*не существует*» и я «*не слышу*» его «*барабана*». (опять – будем разбираться с лишними кавычками. Угу Ф.)

Субъекты взаимно свободны. Для применения модели свободного существования не важно, как устроено так, что если я в ком-то не заинтересован, то другой не может никак повлиять на мое существование. В таком существовании я делаю то, что я хочу, и если я не хочу совместности, то неосуществленное желание другого для меня не значит ничего – этого желания для меня не существует, как и проявлений другого с его «*предложениями*» совместности, которая мне не нужна.

Взаимная свобода субъектов создает ситуации *неосуществленной* совместности, желание которой становится *причиной* переживания не только радости. Несовпадение моей собственной воли с волей другого создает ситуацию, в которой появляется *причина* моего *огорчения*. Парадокс заключается в том, что во взаимной свободе от необходимого, казалось бы, единственным переживанием существования должно быть переживание радости. Но противоречие между моей волей и свободой другого создает ситуации, в которых появляется переживание «*неудовлетворенности*» от неосуществимости желанного. Я могу «*продолжать*» хотеть неосуществимой совместности и находиться в переживании неудовлетворения, но я могу от своего желания и *отказаться* вместе с *огорчающим* меня переживанием. При этом выбор, который я осуществляю – это выбор в свободе. Вне меня нет ничего, что могло бы повлиять на выбор моей воли – *выбор хотеть то, чего я хочу хотеть*. Модель свободного существования не позволяет описать сам процесс выбора в свободе. Но результат или последствия осуществленного в свободе выбора эта модель описать позволяет.

В модели свободного существования проще понять возникновение переживаний, связанных с личным отношением к свободе другого, когда его воля не совпадает с моей собственной. Проще потому, что из рассмотрения устранены переживания, связанные с *объектной необходимостью*. Субъектам не нужно зарабатывать, обулаивать жилье, платить налоги. Субъекты хотят только умножения своей радости и связывают ее умножение с участием другого. Отказ от взаимности в свободе означает только одно – отказ от радости в желанной совместности, а не что-то еще, например, невозможность заработать денег или сделать карьеру, или удачно выйти замуж. Переживания человека, связанные с *объектной озабоченностью*, в данной модели не рассматриваются.

Мне кажется, что по своей значимости отношение человека к свободе другого и связанные с этим переживания являются базовыми для существования человека. Модель свободного существования субъектов позволяет в «очищенном» виде понять, что происходит, когда *мои желания не совпадают с желаниями другого*. Поэтому эта модель так важна для понимания природы переживаний человека и для понимания личного смысла, который человек может придать своему существованию.

Использование любой модели опосредует смысл происходящего при помощи представлений, которые в модели используются. Поэтому и переживания субъектов – это не совсем переживания человека. Можно сказать, что человек имел бы такие же переживания, как в этой модели, если бы существование человека не было бы отягощено ничем внешним, и зависело бы только от его воли. Поэтому и к описанию *переживаний в свободе* следует относиться скорее как к результатам формального моделирования, а не как к переживаниям в собственном смысле этого слова.

Другими словами, описание переживаний в модели свободного существования являются только *аналогами* представлений о реальных переживаниях человека. Но при помощи этих *аналогов переживаний* можно понимать и природу развития человеческих

отношений, и динамику развития человеческих переживаний. Модель существования в свободе может напоминать существующие представления о Рае или о существовании Души. Но цель описания модели свободного существования и описания результатов ее применения в мышлении – утилитарна. Это описание переживаний, связанных с *собственной волей человека и свободой другого*.

4. *Существование в свободе одиночества*

Существование в свободе – это существование, ограниченное только моей собственной волей. В свободе я могу быть заинтересован только в своем собственном существовании и только в переживании радости от самого себя. Вне меня нет ничего, что вынуждало бы меня *отвлечься* от себя самого и от переживаний, связанных только с самим собой. Мне не нужен никто кроме меня самого, потому что я заинтересован только в переживании радости от себя и только для себя самого. В *свободном одиночестве* источником моей радости являются мои *представления* или *смыслы*. Поэтому существование в свободном одиночестве – это существование, содержанием которого является переживание радости от собственных представлений или собственных смыслов.

Существование, замкнутое только на мне самом, становится существованием в *единственной* для меня реальности – *реальности моих представлений*. Именно с *развитием своих представлений* я связываю осуществление моей воли к радости. Такое развитие *представлений собственной реальности* напоминает творчество. Мое существование в свободе одиночества – это непрерывное *творческое обновление* мира, в котором я существую, мира реальности моих представлений. Творческое обновление моего мира – это *возникновение* нового *представления* или *понимания*, смысл которого *удивляет* своей *неожиданностью* и вызывает *восхищение*, потому что с *избытком отвечает* на существующие *ожидания* и *вопросы*. Я постоянно радуюсь тому, что я *создаю в свободе моего творчества*, и я радуюсь самому себе в переживании радости от созданного собой. Можно сказать, что существование в свободе одиночества – это постоянное переживание *восхищения от удивительного и нового*, которое связано только с моим творческим осуществлением и только в отношении моей собственной реальности.

Я создаю для себя мир своей собственной реальности, в котором я радуюсь развитию моей радости в свободе творчества. В свободном одиночестве моя воля к радости направлена на саму себя. Это означает, что моя радость существования в моей реальности и радость предвосхищения еще большей радости являются единственным содержанием моего существования. Можно сказать, что в свободе одиночества есть то, что меня радует, и есть постоянно *подтверждаемая надежда*, что я всегда для себя создам лучшее. Переживание *подтверждаемой надежды* на лучшее придает радости *динамическое свойство*, которое проявлено в моей постоянной устремленности за пределы существующего, где я предвосхищаю для себя обретение еще лучшего. *Лучшее*, которого еще нет, и которое я хочу для себя создать, не может находиться в пределах уже существующей для меня реальности. Поэтому моя воля к радости должна быть направлена за пределы существующего, где в свободе от того, что есть, я могу *«найти»* для себя лучшее.

Иначе говоря, для создания лучшего, которое меня восхитит и которому я буду удивляться и радоваться, мне необходима *свобода от существующего*. Моя воля к радости должна быть направлена на *преодоление* моей *зависимости* от того что в моей реальности есть. Противоречие в свободе одиночества – это противоречие между притягательностью радости существующего и *динамическим свойством радости*, которое связано с моим стремлением к лучшему, которое достижимо только в преодолении зависимости от существующей радости. Разрешить это противоречие я могу либо отказавшись от лучшего ради того, что есть, либо преодолев свою зависимость от существующего ради лучшего, которого еще нет.

Мое существование, если я отказываюсь от лучшего, которого нет, становится существованием в творчестве, свобода которого *ограничена* моей *зависимостью*. Моя *привязанность* к радости, существующей для меня в реальности, приводит к тому, что моя заинтересованность в творческом обновлении уменьшается. Я хочу сохранить то, что меня радует, а не стремиться к лучшему, из-за которого радость от моей *привязанности* может уменьшиться. «Объект» моей привязанности становится для меня источником постоянного интереса. Только с «объектом» моей привязанности я связываю радость моего существования.

В этом случае центром моей реальности в одиночестве становится не мое существование как таковое, а существование «объекта» *представления*, который превращается в источник радостных переживаний. В свободном одиночестве я оказываюсь в *совместности* с тем, что находится в моей собственной воле. Скажем, «я *изобрел шахматы*», и теперь мне интересно понять, что с ними можно «*делать*». Я радуюсь тому, что могу сам с собой «*играть в шахматы*», которые я придумал для себя. Возможно, что какое-то «*время*» меня это и будет занимать. Но затем я сам себе *наскучу*. «Объект» моей привязанности перестанет быть для меня «объектом» постоянного интереса. Мне перестанет быть интересно играть с самим собой. Я знаю, как шахматы устроены, и я знаю, как я буду «*выигрывать или проигрывать*» самому себе. Реализация динамического свойства моей радости ограничится «*устройством*» объекта моей привязанности. У такого сценария есть два варианта развития.

В первом случае я захочу преодолеть свое одиночество, чтобы «*поиграть*» с другим, кому мои шахматы будут интересны, как и мне. У меня появляется заинтересованность в другом субъекте, потому что с другим играть *интереснее*, чем с самим собой. В этом случае моя воля к радости направляется не на сам «объект» моего интереса, а на возможность превратить этот «объект» в момент *совместности* с другим. «*Наигравшись*» сам с собой, я не «*наигрался*» в шахматы. Я хочу поиграть с другим, при этом «объект» интереса становится для меня поводом для выхода из свободного одиночества в совместность.

Во втором случае, *наигравшись*, я утрачиваю интерес к «шахматам», и моя воля к радости становится направлена не на мою привязанность, а на мою свободу. Это означает, что я становлюсь заинтересован в преодолении *зависимости* от существующего ради лучшего.

Сценарий развития существования в свободе одиночества, когда ради лучшего я отказываюсь от привязанности к существующему, представляется парадоксальным. Я заинтересован не столько в переживании радости от уже осуществленного, сколько в переживании радости от постоянно подтверждаемой возможности достижения лучшего. *Динамический аспект* радости становится *основным* содержанием моего существования. При таком направлении моей воли, чем менее заметна для меня радость существующего, тем *лучше* мое существование. В предельном развитии моя воля оказывается направлена только на радость от предвосхищения лучшего. *Полное* осуществление моей свободы в одиночестве – это переживание постоянной радости от преодоления своих привязанностей. Можно сказать, что направленность воли к радости на свободу – это полное раскрытие для себя динамического свойства радости, в котором достигается преодоление любых ограничений от привязанностей или зависимостей, связанных с существованием как таковым.

Но в свободе творческого обновления своей реальности я сталкиваюсь с ограничением, которое я не могу преодолеть *принципиально*. Я не могу преодолеть ограничения, связанные с уникальностью моей собственной воли к радости. Поэтому в осуществлении своей свободы от любых зависимостей я приближаюсь к пределам творческих возможностей собственной воли, которые я преодолеть не могу. Приближение к пределам моей свободы я переживаю как «*досадное торможение*» творческого

обновления моей реальности. Возможности развития моей радости достигают своего предела.

Модель свободного существования связана с описанием результатов выбора, который осуществляется в свободе, но сам процесс осмысления себя в свободе описать невозможно. Поэтому невозможно сказать, сколько *«времени»* должно пройти, чтобы преодоление привязанностей к созданному мной начало казаться мне *«скуноватым»*. Все, что я создаю для себя в неограниченной свободе от привязанностей, в конце концов, будет результатом моего собственного творческого усилия. Источник моего творчества всегда один и тот же – это моя собственная уникальная воля. Но моя радость творческого озарения *омрачается*, я перестаю переживать радость создания нового, перестаю переживать восторг удивления перед новым из-за его *«повторяемости»*. Причиной этого являются творческие ограничения моей собственной воли. Существование свободного одиночества, ограниченное только моей собственной волей, становится существованием в собственной реальности, радость которой ограничена пределами возможностей моего творчества.

Единственная возможность преодолеть ограничения собственной воли – это возможность совместить свое существование с существованием другого. С участием воли другого субъекта я связываю надежду на обретение радости за пределами непреодолимых в моем одиночестве ограничений. Я ожидаю, что его воля дополнит мою, а моя воля – его. Я заинтересован в участии воли другого субъекта, который, возможно, поможет мне расширить пределы моей свободы, ограниченные уникальностью моей воли, так же как и я, возможно, помогу другому преодолеть его уникальные ограничения. Стремление к совместности становится для меня осознанным, когда в стремлении к своей радости я осознаю непреодолимые ограничения развития моей радости в одиночестве.

Парадоксальность свободного существования в одиночестве заключается в том, что я могу быть самодостаточен, но даже в своей самодостаточности я ограничен тем, что моя воля остается только моей волей. Интересуют ли меня «шахматы» или мне интересно свое освобождение от привязанностей – в любом случае я прихожу к одному и тому же. Ограничения моей радости могут быть преодолены только участием другой воли, такой же уникально неповторимой, как и моя собственная воля, но не тождественной моей.

Я предвосхищаю возможность лучшего в совместности с другим, так же как я предвосхищаю осуществление лучшего в моем свободном одиночестве. Основанием для стремления к совместности является моя *убежденность*, что за пределами моей воли к радости находится радость, которая возможна для меня только при участии другого субъекта. И эта убежденность является *данностью* моей воли к радости. Поэтому стремление к совместности – это стремление к лучшему, которое предвосхищается в моем одиночестве и в моей воле к радости.

В развитии свободного одиночества я *исчерываю* для себя возможности *развития собственных представлений*. Я достиг доступных мне пределов моей реальности и я осознаю причины *торможения* динамичности моей радости – я приблизился к уникальным границам моей творческой свободы, которые *невозможно преодолеть самостоятельно*. Осознание причин ограничения радости одиночества становится основанием моей *заинтересованности* в разделении моего существования с другим субъектом. С участием воли другого субъекта я связываю преодоление *торможения динамичности* моей радости, которое я осознаю, приближаясь к пределам моей собственной уникальности.

5. Две возможности выхода из одиночества

Выход из свободного одиночества предполагает всего две возможности моего участия в совместном существовании с другим субъектом – паритетное и непаритетное.

В первом случае я считаю, что в нашей совместности другой – такой же, как я. Это означает, что я отношусь к тому, что хочет для себя другой, так же, как я отношусь к желанному для себя. При этом желанное для каждого из нас может и не совпадать. Но я ожидаю, что другой субъект будет относиться к моей заинтересованности в лучшем для меня, как к своей собственной заинтересованности. И я готов относиться к заинтересованности другого в лучшем для него, как к своей собственной заинтересованности. В такой совместности мы равны как по отношению к общему для нас, так и по отношению друг к другу. Мои желания для меня так же ценны, как ценно для другого то, что хочет он. В этом случае я хочу совместности, основанной на *взаимной паритетности*. В *паритетном субъектном состоянии* субъект заинтересован в паритетных отношениях с другим субъектом.

Можно предположить, что осуществление желанной и паритетной совместности потребует *«некоторого времени»*. Я буду проявлять такой же интерес к другим, как и другие – ко мне. *«В это время»* (поскольку речь идет о существовании в настоящем, трудно говорить о времени в собственном смысле слова – отсюда необходимость поставить "время" в кавычки) создаются прецеденты моих отношений с другими в свободе. «В период», предшествующий совместности, каждый из участников существования в свободе *«ищет»* наиболее созвучное для себя, с которым связывает преодоление своих ограничений. Я свободен, как и другой субъект, поэтому я могу только *предлагать* и только *просить*. Просьба – не требование, поэтому предложение совместности уже содержит возможность отказа. И отказ на мою просьбу, как и мой отказ на просьбу другого субъекта, – не более чем один из прецедентов моих отношений во взаимной свободе.

Свобода является для другого такой же безусловной ценностью, как и для меня самого. Я заинтересован в совместности, но не заинтересован в ограничении свободы другого субъекта ради моей собственной радости. Это означает, что в поиске *«нужного»* мне субъекта я сохраняю готовность к совместности, которая может быть следствием только нашего взаимного желания. Осуществление паритетной совместности я связываю не столько с осуществлением желанного для меня, сколько с тем, что в существовании свободы возникнет *основание*, в связи с которым и я, и другой получим то, что находится за пределами собственного понимания и собственной воли каждого из нас.

Совместность в паритетности – это совместность *равных* во взаимной свободе субъектов, каждый из которых относится к существованию другого как к своему собственному. И каждый из субъектов связывает радость собственного существования в совместности в равной степени с собой и с другим субъектом. Взаимная свобода позволяет каждому из нас дополнить собственную уникальность уникальностью другого и расширить границы радости каждого из нас.

В случае непаритетного участия в совместном существовании я могу считать, что мои желания для меня *гораздо более ценны*, чем для другого ценно то, что он хочет. Из одиночества я выхожу с *переживанием* (пониманием) того, что я являюсь обладателем *исключительной ценности*, которая должна быть желанна всем и дать которую могу только я. То, что я понял в свободе моего одиночества, вызывает у меня переживание моего *величия*. Поэтому мое отношение к другому определяется моим отношением к своей *исключительности*. Я считаю, что мое величие дает мне безусловное *преимущество* по отношению к свободе другого субъекта.

Я хочу совместности *не на равных условиях*, а только на условиях моего превосходства и доминирования. Я заинтересован только в *непаритетной совместности*, для того чтобы передать другому всю ценность моего понимания и величие моих возможностей. Поэтому я хочу *подготовить* другого, чтобы он мог то же, что могу я, и хотел того же, что хочу я сам. И когда он будет «готов», *наша совместность станет взаимно радостной*, хотя и на моих условиях.

Мне нужна совместность, в центре которой всегда нахожусь только я сам, потому что это *единственная* возможность придать нашей совместности безусловно ценный и

исключительный смысл, которым обладаю только я. Заинтересованность в непаритетности, которая дает мне преимущественное право в совместности с другим на его свободу, можно назвать заинтересованностью в собственной *властности*. Поэтому непаритетный выход из свободного одиночества связан с моей *властной заинтересованностью* в *непаритетной* совместности.

В свободе одиночества я исчерпываю радость существования, ограниченного только моей собственной волей, и в свободе я выбираю, чего я хочу – *радости непосредственной паритетности* прямо сейчас или *радости грядущей совместности*, которая станет доступна только тогда, когда другой будет «подготовлен» моим *властным влиянием* на его существование. Невозможно понять, как в свободе происходит выбор и почему для субъекта появляется заинтересованность в паритетных или непаритетных отношениях. Но хотя развитие сценариев паритетной и непаритетной совместности разные, в каждом из них, в конце концов, субъект хочет одного и того же – взаимной радости.

6. *Четыре типа субъектного состояния*

Тип *субъектного состояния* определяет заинтересованность субъекта в характере желанной для него совместности. *Степень* осознаваемого мной *превосходства* по отношению к другому субъекту зависит от того, как представляется мне результат *сравнения* моих собственных *возможностей* и собственных *желаний* по отношению к возможностям и желаниям другого субъекта. Иначе говоря, *субъектное состояние* определяет результат сравнения того, что *я могу* для себя, с тем, что *может другой* для себя, и сравнением того, что *я хочу* для себя, с тем, что *хочет другой* субъект для себя самого.

Паритетное состояние субъекта связано с осознанием, что другой *может* то же, что и я, и *хочет* того же, что и я. В паритетном состоянии я считаю, что *на месте другого*, я мог бы то же, что может для себя другой, и хотел бы того же самого, что хочет и он. В совместности взаимно паритетных субъектов ни у кого из нас нет осознания своего преимущества в отношении друг к другу. Мы равны и по отношению возможностей своей воли, и по отношению желанного для каждого из нас в свободе. В паритетном субъектном состоянии возникает *паритетная совместность*, в которой мы существуем во взаимно равной свободе. В паритетной совместности мы равны в отношении общей для нас радости и в отношении равного участия в ней каждого из нас. Можно сказать, что субъектное состояние паритетного типа связано с моей *незаинтересованностью* в собственной *властности* по отношению к свободе другого.

Однако я могу считать, что другой не может того же, что могу я, хотя и хочет того же, чего хочу я. В этом случае мое превосходство по отношению к другому связано с тем, что его возможности во взаимно желанном для каждого из них *разные*. На его месте я мог бы больше по сравнению с ним, но на его месте я хотел бы *столь же хорошего*, что и он. В совместности субъекты хотят радости. Мое преимущество в этом случае связано с тем, что мне доступна *большая радость*, чем другому, но для него она тоже желанна. Поэтому в совместности с ним я хочу *увеличить* его возможности в равно желанной для нас радости.

Возможность радости связана с возможностями представления и понимания, поэтому в совместности с другим я хочу дать ему недостающее понимание, чтобы его радость стала равной моей. Расширение понимания связано с обучением. Поэтому мое субъектное состояние определяет мое отношение к другому в связи с моим преимуществом в понимании. Субъектное состояние, в котором я считаю, что обладаю преимуществом в понимании, можно назвать состоянием *ментора-просветителя*. В таком субъектном состоянии я заинтересован в непаритетной совместности для осуществления моего преимущественного права, которое я связываю с *обучением* другого.

Непаритетная совместность, в которой заинтересован ментор-просветитель, можно назвать *непаритетной совместностью менторского просвещения*. В таком субъектном состоянии моя властная заинтересованность проявлена в намерении направить другого к более полному пониманию, единственным обладателем которого являюсь только я сам.

Сравнение себя с другим субъектом может привести к пониманию, что другой *может* то же, что и я, но он *не хочет* того же, что хочу я. Для меня такой результат сравнения означает, что радости, которую я считаю *безусловно желанной* для себя и для всех, другой не хочет. В совместности со мной другой субъект будет хотеть иной радости не потому, что не может участвовать в желанной для меня радости, а потому что он хочет иного. На его месте я мог бы то же, что может он, но на его месте я хотел бы не того, чего он хочет, а *лучшего*.

Результат такого сравнения означает, что другой не хочет участвовать в радости, которая *представляется* мне *безусловно ценной* для всех, и для него в том числе. Нежелание участвовать в безусловно ценном для всех означает только одно – другой *ошибся* в своем выборе желанного. Его ошибка связана с тем, что он хочет того, чего хотеть *неправильно*. В этом случае я связываю свое преимущество по отношению к другому с *безупречностью* моего выбора. Его выбор *неправильный*, потому что он не обладает такой же безупречностью, какой обладаю я. Другой субъект нуждается в *исправлении*. Поэтому свою роль в совместности с другим я вижу в возможности *исправить* его *неправильность* или *испорченность*. Субъектное состояние, в котором я заинтересован в исправлении другого, можно назвать состоянием *обличителя*. Я, будучи обличителем, заинтересован в непаритетной совместности для осуществления моей властности, чтобы дать возможность другому осознать свою испорченность и обрести безупречность. Такой тип отношений можно назвать *непаритетной совместностью обличения*.

Сравнение себя с другим субъектом может показать мне, что другой не только не может участвовать в желанном для меня, но он и не хочет этого. Результат сравнения в этом случае такой – другой *не может*, того же что и я, и другой *не хочет* того же, что и я. На его месте я мог бы больше, чем может он, и на его месте я хотел бы не того же, чего хочет другой, а лучшего. Субъект *не совпадает* со мной ни по своим *возможностям*, ни по своим *желаниям*. Единственной возможностью для моей совместности с таким субъектом является *принуждение*. Состояние, в котором я *заинтересован* в возможности *принуждения* другого к совместности с собой, можно назвать *деспотическим*.

В деспотическом состоянии моя властность связана с моей заинтересованностью в *принуждении*. Находясь в деспотическом состоянии, я считаю, что могу *заставить* другого быть способным на то же, на что способен я сам, и могу *заставить* другого хотеть того, чего другой не хочет. Однако в существовании свободных субъектов принуждение невозможно, поскольку между субъектами невозможны отношения, основанные на взаимной необходимости. Поэтому в деспотическом состоянии субъект обречен на одиночество, находясь в котором он может только грезить об осуществлении своей властности и насилии.

Таким образом, можно находиться в одном из четырех состояний, каждое из которых определяется мерой моей заинтересованности в осуществлении личной властности, и которая связана с осознаваемым мной *личным преимуществом* по отношению к свободе другого субъекта. Субъектное состояние определяет желанную для меня совместность с другим, в которой я надеюсь обрести для себя радость.

В непаритетной совместности менторского просвещения моя властность связана с намерением дать *большее понимание* другому субъекту, поскольку в состоянии ментора я считаю, что обладаю преимущественным пониманием по сравнению с ним. Будучи обличителем, я считаю, что мой выбор безупречен по сравнению с другим субъектом и моя властность связана с намерением исправить ошибочный выбор другого в свободе. А в

деспотическом состоянии моя властность направлена на принуждение другого к тому, что только я сам считаю осмысленным и правильным.

7. *Совместность в паритетности*

Для человека происходящее в свободе – это тайна. Основание свободного предпочтения находятся за пределами какой либо необходимости. Мы рационально не понимаем оснований *свободного предпочтения*, поскольку отношения в свободе для мышления человека представляются скорее хаосом, а не смысловой реальностью порядка более высокого, чем доступно для человеческого понимания. Но для применения модели свободных субъектов достаточно считать, что субъекты *«находят»* друг друга для осуществления совместного существования. Условием для совместности является моя заинтересованность в другом, который может дополнить мое существование участием своей воли, и это участие позволит мне осуществить мою радость за пределами осознанных мной ограничений. Можно сказать, что *«конфигурация»* моей уникальной воли определяет *«структуру»* ограничений моей свободы. Поэтому я буду искать того, чья воля имеет *«конфигурацию»*, с которой я могу связать надежду на преодоление ограничений моей свободы и моей радости.

В состоянии паритетной совместности я заинтересован в действии воли другого субъекта на мое существование так же, как и другой субъект заинтересован в действии моей воли на его существование. Действие воли другого на ограничение моей свободы позволяет мне переживать радость, превосходящую радость моего одиночества. Так же как и моя воля, направленная на существование другого субъекта, позволяет ему преодолевать ограничения и собственной воли, и своей свободы. Каждый заинтересован в существовании другого, потому что существование другого позволяет переживать радость, которая доступна только в совместности с другим. Совместность дает мне радость, которая недоступна мне в свободе одиночества. Поэтому присутствие другого в моем существовании расширяет границы мира моей реальности и мои творческие возможности.

Существование в паритетной совместности – это существование в реальности представлений, которые создаются и мной самим, и другим. В моем мире, который становится миром, совместным с другим субъектом, возникают представления, которые я сам никогда бы не мог создать. Но созданное другим находится и в его, и в моей воле. Моя воля к радости может действовать на его представления, развивая их и для него, и для меня. Так же как и мои представления находятся в воле другого субъекта, развитие моих собственных представлений усилием его воли становится источником радости для каждого из нас.

Каждый из нас получает от другого *«объекты» представлений* для приложения собственной воли к радости, происхождение которых лишь со своей волей к радости не может быть связано. Например, я могу изобретать разные игры, но, в конечном счете, все они являются разновидностями единственной игры – *«домино»*. И что бы я не изобрел, это в конце концов будет всего лишь *домино*. Но другой может изобрести *«шашки»*, и я могу создать новое, развивая его *шашки* как свое *домино*. Так же как и другой свою волю к радости направляет на мое *домино*, развивая его как свои *шашки*. При этом ни мои *домино-шашки*, ни его *шашки-домино* никогда не возникли бы в свободном одиночестве каждого из нас. В нашей совместности я получаю возможность направить мою волю к радости на *«объекты» представлений*, возникшие за пределами возможностей моего творчества. И направляя свою волю к радости на такие *«объекты»*, я пересекаю границы моей собственной воли и моей собственной уникальности. Творческое осуществление другого субъекта создает для меня новый мир (мир новой реальности), в котором мои возможности уже не ограничены уникальностью моей свободы. В воле другого я преодолеваю торможение динамичности моей радости.

Если в свободном одиночестве я переживаю восторг и удивление от себя самого в своей свободе, то в совместности мне доступно переживание восторга и удивления от другого. Одновременно я переживаю восторг от того, что другой восторгается мной. Я хочу, чтобы в нашей совместности другой всегда был самим собой, потому что я радуюсь ему такому, какой он есть. И я радуюсь возможности самому быть собой, потому что это радует другого. Существование, в котором каждый радуется возможности самому и другому быть собой, можно назвать существованием в переживании *взаимной любви*. Каждый любит другого, потому что в присутствии другого каждый участник совместности может и хочет быть тем, кто он есть. Я радуюсь другому как себе, и другой радуется мне, как радовался бы самому себе.

В радости взаимной любви и свободы достигается иное *«качество»* существования, и причиной этого нового качества является существование другого. В паритетной совместности к переживанию восхищения от преодоления своих ограничений добавляется переживание своей *ценности* для другого. Можно сказать, что совместность увеличивает *ценность* моего собственного существования, потому что мое существование дарит тому, кто находится в совместности со мной, новые радости и новые возможности. И его радости и возможности становятся моими. В совместном мире нашего *сотворчества* мое существование становится *«праздником свободы»*, подаренной мне другим. Динамическое свойство радости каждого из нас становится динамическим свойством непрерывного обновления мира нашей взаимно свободной совместности.

Можно допустить, что в совместности взаимной паритетности у субъекта может возникнуть потребность к обособлению от другого участника совместности. Я заинтересован в совместности, но я хочу *«временно»* побыть один, чтобы в своем одиночестве пережить радость совместности. Скажем, в своем одиночестве я хочу подумать о своих новых, обретенных в совместности смыслах, и пока на другое не отвлекаться. Взаимная свобода субъектов означает и свободу на обособление. В совместности «конфигурация» моей воли дополняется «конфигурацией» воли другого. Но и в такой дополнительности наши конфигурации остаются несхожими. Несхожесть конфигураций воли в совместности связана с уникальностью каждого из нас.

Из-за нашей уникальности пределы моей воли не совпадут с пределами воли другого, так же как не совпадут и пределы *понимания свободы*, которые существуют для каждого из нас. Это означает, что даже в совместности, основанной на взаимной паритетности во взаимной свободе, возникают переживания, которые могут, по крайней мере, *«озадачить»*. Я хочу обособления в одиночестве для переживания радости, доступной мне в нашей совместности. Но другой участник совместности в осуществлении этой потребности может увидеть для себя нечто *«огорчительное»*. Если себя поставить на его место, то мое отношение к обособлению другого может быть связано с тем, что *я не считал бы уместным обособление в такой для нас момент*. Мое понимание свободы в каком-то отношении не совпадает с пониманием возможного во взаимной свободе другого субъекта. При этом я знаю, что ничего *«плохого»* он в виду не имел. Но у меня возникает *огорчение* от взаимного непонимания.

Я огорчаюсь из-за того, что мне *трудно «объяснить»* другому мои переживания. Мое понимание *«допустимого»* во взаимной свободе, при всей нашей близости, не совпадает в некотором отношении с его пониманием свободы. Скажем, я хочу поговорить о чем-то, что мне кажется интересным для нас обоих. Но другой субъект в это время сообщает мне, что хотел бы побыть один и «почитать», и что «поговорит» он со мной позже. Я огорчусь, потому что другой не придал значение тому, что я считал важным и для себя, и для него. Отношение к взаимным огорчениям из-за *несовпадения понимания* является основным моментом переживаний в паритетной совместности и взаимной свободе. Но я не могу не признать право другого на особенности его понимания свободы, потому что мы равны и свободны.

И если я признаю право на *особенности понимания свободы* другим в нашей совместности, то я буду заинтересован избегать, например, обособления в тех ситуациях, в которых другому это не нравится. При этом я буду радоваться тому, что *отказываю* себе в своей радости, потому что это не уменьшает радость другого, которая является и моей радостью. *Осознанное ограничение* своей радости ради радости другого можно назвать *милосердием*. В моем милосердии нет унизости *снисхождения*, потому что я отдаю себе отчет, что другой проявляет в отношении меня такое же милосердие. Я не могу осознавать все идущие от меня непреднамеренные моменты несовпадения, которые могут огорчить другого. Но я не сомневаюсь, что в своем милосердии он не всегда дает мне понять, что такой момент возник.

Несовпадение взаимно уникальных субъектов в понимании взаимной свободы приводит к тому, что в паритетной совместности взаимная любовь становится осуществима только во взаимном милосердии. Каждый ограничивает себя в своей радости ради сохранения радости другого. Поэтому в любой совместности, основанной на взаимной паритетности, присутствуют переживания, которые осознанно не становятся переживаниями совместными. Каждый из нас переживает нечто по поводу другого, но каждый из нас не хочет, чтобы другой знал об этом переживании. Из нашей совместности я осознанно убираю то, в чем мы не находим пока понимания, и что может быть моментом взаимного огорчения.

В проявлении взаимного милосердия, каждый из нас осознанно и тайно *жертвует «частью»* своей радости ради другого. Так же осознанно и тайно я ограничиваю свою свободу ради свободы другого. Переживание, связанное с осознанным ограничением своей свободы ради свободы другого, можно назвать *великодушием*. Совместность во взаимной любви, в которой взаимно проявляется милосердие и великодушие, является совместностью взаимной заинтересованности в существовании другого. В таком развитии паритетной совместности мы *«просто»* радуемся друг другу. Переживание того, что мы *«просто»* взаимно радуемся друг другу, тождественно переживанию взаимного освобождения от зависимости, связанной с радостью совместного существования. В такой совместности я просто радуюсь уникальности другого, как и другой радуется моей уникальности. Можно сказать, что незаинтересованность в собственной власти является основанием для возможности радоваться уникальности другого как своей собственной.

В паритетной совместности радость взаимной свободы – это радость взаимного *самоограничения*, благодаря которому *заинтересованность в радости*, которую субъекты дарят друг другу, становится заинтересованностью в существовании каждого из них. Модель свободно существующих субъектов позволяет описать развитие существования, в котором совместность может расширяться. Можно, например, моделировать, как взаимодействуют между собой разные совместности паритетных субъектов и как изменяется структура совместностей, какие ситуации возникают и какие переживания испытывают субъекты. Но для решения задач, которым посвящена эта работа, достаточно описания ситуаций, смысл которых может быть применим для объяснения отношений между человеком и человеком.

8. Непаритетная совместность – менторское просвещение

Из свободного одиночества я могу выйти с переживанием того, что я являюсь носителем *исключительной и великой ценности понимания*, возможность обладания которой я переживаю как ее *безусловную желательность* для каждого субъекта. То, что я *понял* в свободе своего одиночества, вызывает у меня переживание такого *восторга* и такого *благоговения*, с которым, как мне *кажется*, не может ничто сравниться. В этом случае мое отношение к себе определяется переживанием *исключительной и безусловной*

ценности, которая доступна *только мне*. Я уверен, что *только на мои ценности* должна быть направлена и моя воля к радости, и воля к радости другого субъекта.

В свободе одиночества я *утвердился* в понимании, что являюсь носителем смысла, который не просто *безусловно* ценен, но ценность этого смысла является *самой большой ценностью* и для меня, и для всех. Переживание, связанное с *единоличным* обладанием *самым ценным* и *самым желанным* для всех, можно назвать переживанием *собственного величия*. Поэтому представления другого субъекта о том, что его ценности так же безусловны, как и мои – это не более чем *недоразумение*, единственной причиной которого является недоступная ему полнота *понимания*.

В переживании собственного величия я ищу того, кто станет моим *учеником*, которому я передам свое *бесценное знание*. Мое субъектное состояние можно назвать *менторским просветительством*. В этом состоянии я считаю, что когда мой ученик будет таким же *просвещенным*, как и я, то ученик станет таким же свободным и радостным, как и его учитель. Мое отношение к тому, кто *хочет* для себя того же «лучшего», что и я, но *не может* это лучшее обрести, можно назвать проявлением *участия*, связанного с моим желанием помочь другому стать таким же *знающим*, как и я сам. Когда благодаря моему участию ученик *преодолеет ограничения* своего незнания, тогда он поймет, что моя «*Дульсинея Тобоская*» – лучшая для всех, и для него в том числе. А пока он находится в *несвободе своих заблуждений*, он не способен предпочесть лучшее для себя.

С позиции приглашенного в совместное существование с ментором это выглядит примерно так. Другой предлагает мне вовсе не равноправное осуществление моей воли к радости во взаимной свободе. Он предлагает мне совместность, основанную на общем переживании его собственного величия и на превосходстве ценностей его понимания. Он предлагает мне *научиться* у него и *правильному* пониманию, и *правильным* радостям. А если я хочу радоваться не только тому, что правильно с его точки зрения, а он на это не реагирует, то это с его стороны не более чем уступка моему *недомыслию* и моей *непросвещенности*. Поэтому, если я заинтересован в паритетной совместности, то «предложение» стать учеником ментора-просветителя, чтобы радоваться только его радостям, мне не покажется непривлекательным. Единственная причина, из-за которой такое предложение к совместности может иметь смысл для меня – это моё переживание собственного величия. Только в этом случае предложение ментора-просветителя к непаритетной совместности может быть мне *созвучно* и понятно.

Совместность ментора-просветителя с субъектами, находящимися в паритетном состоянии, неосуществима. Поэтому единственная для него возможность выйти из одиночества – войти в совместность с таким же ментором-просветителем. У другого ментора тоже есть своя «Дульсинея», которая, как ему кажется, не хуже, а даже и лучше. Он тоже заинтересован в непаритетной совместности, так как считает, что он является обладателем исключительных и великих дарований. И он также считает, что другого можно *подготовить* к совместности. Поэтому если он сам осознает свое исключительное величие, то предложение к совместности с ментором-просветителем для него может быть интересно.

Субъекту необходим другой субъект для преодоления ограничений собственных творческих возможностей. Поэтому в стремлении к необходимой совместности субъекты не безразличны к взаимному участию друг друга. Участие в безразличной радости не безразличного для меня субъекта вызывает переживание, которое можно назвать *снисходительностью*. Из переживания своего величия ментор-просветитель вынужден *снисходить* к безразличным для него радостям другого ментора-просветителя.

Мы оба находимся в свободе, поэтому совместность возможна только при условии, что эта совместность будет взаимно желанна для каждого из нас. В свободе мы можем только просить и предлагать. Единственная возможность сделать нашу совместность взаимно привлекательной – это *дать надежду* другому, что я буду *стараться узнать и понять* превосходство его «Дульсинеи» и, соответственно, его величие, если и он даст *мне*

надежду, что будет *стараться узнать и понять* моё величие, и превосходство моей «Дульсинеи».

В *непаритетном состоянии* я *вынужден* предлагать другому субъекту *симметричную* роль. Один субъект становится учеником другого, надеясь втайне от него осуществить свое преимущество, в праве на безусловное обладание которым уверен каждый из них. Когда я даю другому надежду, в которую я сам не верю (что его «Дульсинея» может оказаться лучше моей), я даже не *обманываю* его. Я просто считаю, что он пока просто *не знает* того, что знаю я. Поэтому он *пока* и *не может понять* того, что для меня очевидно и безусловно прекрасно.

Властность менторского просвещения связана с моим желанием повлиять на *свободу убеждений* другого, показав ему мою правоту и преимущество моего понимания. Поэтому смысл *непаритетной совместности менторского просвещения* связан не столько с радостью совместного существования, сколько с *терпеливым ожиданием* результатов убеждения другого *узнать и понять* то, что другой пока не знает и не понимает. При этом *убедить* означает дать другому такое понимание самого себя, в связи с которым он *по своей воле* откажется от того, что считает самым желанным и самым прекрасным.

«*Кто не занимался преподаванием, тот не знает настоящих трудностей*». В развитии непаритетной совместности каждый из ее участников неизбежно сталкивается с *пониманием невозможности* убедить другого в своей собственной правоте. Каждый из участников такой совместности исчерпывает надежду, что может дать другому такое *понимание истины*, которое позволит другому субъекту добровольно отказаться от своих заблуждений. Поэтому каждому из нас *приходится признать* свою попытку вразумления неудачной.

Существует всего две возможности моего отношения к пониманию моей *неудачи*. Я могу считать, что другой безусловно желает того же, что и я, но он оказался настолько *тупым*, что все мои усилия и все мое терпеливое снисхождение не способны исправить его искреннее непонимание и приблизить его к свету истины. Я по-прежнему думаю, что он хочет лучшего, но я оказался не способен преодолеть его трудности в обретении *правильного* знания, которого он искренне желал. Поэтому мое дальнейшее участие в его вразумлении теряет смысл и для меня и для него.

Во втором случае я вдруг осознаю, что его непонимание – это не результат трудности и длительности обучения. Он не понимает меня, потому что *не хочет меня понять*. В его «*тупоумии*» я вдруг начинаю видеть не столько ограничения его способностей, сколько *осознанное противодействие* моим усилиям вразумления. В этом случае его заблуждение – это не следствие ограниченного понимания, а результат его *осознанного упорства против истины*. Он осознанно предпочитает свои «*копеечные*» радости восторгу того величия, который я честно хотел ему дать. Все мои усилия и вся моя снисходительность оказались напрасны из-за его *нечестности*. Причина моей неудачи связана не с моей неспособностью дать ему лучшее, а с его *нечестностью* по отношению ко мне.

Независимо от того, какое понимание возникнет у каждого участника непаритетной совместности, ее смысл исчезает для всех. Надежда на то, что оправдывало существование в радости, ограниченной взаимной снисходительностью во взаимном *менторском просвещении*, не осуществилась. Каждый был *почти* честен, обнадеживая другого в неосуществимом. Мне казалось, что *обнадежить другого в несбыточном* – это моя *единственная* возможностью дать ему лучшее при его «*недомыслии*» и *непросвещенности*, для его же собственного блага. При этом каждый не сомневался, что другой признает то, что, в конце концов, он признать оказался не в состоянии.

Каждый из нас выходит из мира совместной реальности, которая потеряла для нас всякий смысл. Те радости, которые взаимно существовали для каждого из нас, никто не может взять с собой. В свое одиночество я уношу не только свое непризнанное величие,

которое другой *не мог или не удосужился* понять. Я уйду в вынужденное одиночество с переживанием *разочарования*. То чудо, на которое я *надеялся* и в которое *верил*, не произошло. Другой *не смог или не захотел* оценить ни моего великого знания, ни моих усилий, ни меня самого. Тот, к кому я был снисходителен, меня *разочаровал*. Очевидно, что другой участник совместности испытывает подобное же. И основным переживанием *вынужденного* одиночества становится переживание *разочарования в собственном существовании*.

9. Два выхода из разочарования

В своем одиночестве я вынужден переживать свое разочарование и стараться понять для себя смысл моей неудачи. К своей неудаче, которая может быть связана с многочисленными попытками *менторского просвещения*, я могу отнестись двояко. В первом случае я могу считать, что неудача связана с переживанием самообожания, которое следует рассматривать не как основание моего величия, а как мою собственную непреодоленную зависимость от переживания собственной значительности, которая ограничивает мою свободу. В этом случае существование в одиночестве для меня связано с преодолением моей несвободы. Во втором случае я понимаю, что для осуществления вразумления мне необходима не столько убедительность, сколько *возможность исправления воли* другого. Он не хочет лучшего не потому, что не знает или не понимает чего-то, а потому что он хочет *неправильного*. И в связи с *ошибочностью* его свободного выбора, я должен иметь возможность не только его убедить, но и *исправить* его самого. Я хочу показать ему, что желанное для него не просто плохо – он хочет плохого, потому что плохой сам.

Если я выбрал в качестве причины неудач свою зависимость от самообожания и переживания своего величия, то это означает, что я отказываюсь от понимания доступного мне смысла и связанного с ним восторга как единственно достойного, что есть в мире. Безусловно, к своему восторгу я отношусь с благоговением, но при этом я вынужден считать, что это переживание не является самым прекрасным и не обязательно должно казаться для всех остальных самым желанным.

Единственная возможность преодолеть переживание безусловной значительности своего понимания – это согласиться, что этот смысл лучший, но только для меня. Я прихожу к пониманию, что другие испытывают такое же благоговение перед собственными смыслами, какое я испытываю перед смыслом, данным мне. Это означает, что мое переживание радости от обладания моим смыслом перестает быть связанным с необходимостью *обязательно* этим смыслом *осчастливить* других. В этом случае из одиночества разочарования я выхожу с готовностью к совместности паритетной.

Я преодолел зависимость от своего величия и, осознав её как несвободу, *настойчиво стремлюсь* понять нечто важное и для себя и о самом себе. Я старался дать другому не просто лучшее, я старался дать ему свободу от его ограничений понимания. И в результате попыток дать другому субъекту свободу, которой у него нет (как я считал), я осознал, что сам не свободен. И смог, в конце концов, преодолеть свою зависимость. Единственный результат преодоления разочарования – это понимание, что свобода другого не отличается от моей собственной. И никто из субъектов не может повлиять на выбор, который другой субъект осуществляет в данной ему свободе. Заинтересованность в личной властности теряет для меня смысл.

Во втором случае, размышляя о своем разочаровании, я прихожу к пониманию, что единственная причина моих неудач связана с тем, что другие просто не хотят того лучшего, которое у меня есть. Я вынужден сделать открытие, что *великого понимания*, которое мне открылось, можно не хотеть по своей воле. Возможность не хотеть увидеть мое безусловное величие я переживаю как *унизительную несправедливость*. Поэтому разочарование становится переживанием *унижения несправедливостью*.

В своем одиночестве я укрепляюсь в собственном величии и переживаю крушение моей уверенности в том, что все хотят хорошего: другие могут хотеть *плохого*, отказавшись от лучшего. Осознание, что другие по своей воле могут отказаться от лучшего и лучшему предпочесть *«плохое»*, для меня означает только одно – другие *«испорчены»*. Если бы они были такие же *хорошие*, как я, я мог бы их убедить. Но в мире, где есть испорченность, я прихожу к выводу, что любой субъект нуждается не столько в просвещении, сколько в *исправлении* его *«нравов»*. И из состояния ментора-просветителя я перехожу в состояние *обличителя*.

Желанная мне совместность в радости будет возможна, если я смогу исправить испорченность других и восстановить *справедливое отношение* к моему *униженному величию*. Из переживания разочарования в одиночестве я выхожу к совместности в *ожесточенном* желании справедливости. Мне нужна совместность, в которой другой станет хотеть того, что хочу я, а не того, что хочет он в своей испорченности. Моя заинтересованность во власти получает развитие.

10. Непаритетная совместность - обличение

В осуществлении менторского просвещения я считал, что другие зависимы от плохого, потому что в своей необразованности они *не осознают свою несвободу*. И став просвещенными они увидят *хорошее*, которое с радостью примут как естественно желанное для себя. Но сейчас, перейдя в состояние обличителя, я не сомневаюсь в том, что другие выбрали *«плохое»* не потому, что не знают о хорошем. Им не нужно хорошее, потому что они *рады* своему плохому. Только в *осознанной и желанной* несвободе от зависимости самое радостное (моё) может быть не самым лучшим. Они не хотят свободы, потому что они радуются своей *зависимости от дурного*. Я, *обличитель*, знаю, что им все *известно* про себя: они знают, что хотят *плохого*. И это желание *«плохого»* они хотят скрыть.

В состоянии обличителя мне открылись тайны, понимание которых дает мне надежду на восстановление справедливости. Я хочу *разоблачения* и *покаяния* других субъектов. Их выбор несвободы говорит о том, что свободы они *недостойны*, и это вызывает у меня *презрение*. Я хочу показать им, что знаю об их *недостойном* выборе, и хочу выразить им свое *презрение*. Я уверен, что осознав презрение к себе, они *устыдятся* своей тайной радости от *недостойного* и *плохого*. А когда они устыдятся своей *недостойной* радости – они откажутся от *своей дурной зависимости*. Я связываю с *покаянием* другого субъекта восстановление справедливости и возможность радости в совместности с тем, кого я *исправляю*.

Обличитель входит в совместность с другим в надежде на возможность исправить другого и вернуть его в достоинство, равное собственному. Но я не могу предлагать другому совместность во взаимной свободе и радости, основанную изначально на раскаянии другого субъекта в ошибочности его *недостойного* выбора. Такое основание непаритетной совместности я не могу предложить другому, потому что оно представляется *совершенно бессмысленным* для того, кто еще *надеется скрыть от меня* свои тайные пороки. Поэтому в совместности с другим обличителю необходимо *скрывать* свои чувства и намерения. Такую позицию в совместности можно назвать *закрытой*.

Если я нахожусь в *закрытой позиции*, то я не только скрываю свои тайные переживания – я *имитирую* готовность к любой совместности. Моя, обличителя, убежденность в собственной правоте и тайном знании о других дает мне уверенность в возможности имитации любого поведения. Другой субъект, как и я сам, находится в свободе. Поэтому я вынужден участвовать в *недостойных «забавах»* другого субъекта только для того, чтобы *лишь иногда* проявить озорное для другого *безразличие*. Я надеюсь, что осознав причины своих огорчений, другой поймет, что я знаю про него всю тайную правду, устыдится и покается. Заинтересованность во власти вынуждает

обличителя ограничивать радость своего настоящего переживанием *одиночества*, в котором он скрывает презрение к другому субъекту, надеясь на возможность его исправления в будущем.

С позиции другого участника такой совместности происходящее может выглядеть по-разному. Если я – это тот, кто вступает в совместность с исправителем нравов, и я сам хочу паритетной совместности, то проявления моего партнера будут выглядеть *странно*. В его проявлениях к совместной радости я буду постоянно видеть или некоторую *вялость*, или *необъяснимость*. В конце концов, мне это просто станет неинтересно и наша совместность исчезнет. Скорее всего, я даже не буду особенно впечатлен этим опытом. Другой свободен, как и я, и у него могут быть основания для его, «*странных*» на мой взгляд, проявлений. Но от того, что мне «не понятны» причины его действий, его право на свободу остается таким же безусловным, как и мое собственное.

Если *обличитель, будучи исправителем нравов*, вступает в отношения с *ментором-просветителем*, то ситуация развивается сложнее. Я – ментор-просветитель, и я хочу, чтобы другой научился моей мудрости. А пока он учится, я терпеливо, снисходительно и искренне участвую в его радостях. Но по мере развития нашей совместности я замечаю, что в его поведении *внезапно* возникает *необъяснимая безучастность*. Можно сказать, что к моему партнеру я начинаю испытывать чувство, которое можно назвать *обидой*. Обида является следствием разочарования в обоснованных, но не оправдавшихся ожиданиях. Я ожидал, что мое искреннее участие в его интересах получит искренний отклик радости. А вместо этого я *иногда* наблюдаю неожиданное и непонятное для меня безразличие. Любая попытка «*понять*» причины обидного для меня поведения наталкивается на невнятные объяснения. Для обличителя возможно единственное объяснение, которое он может дать мне в связи с его безразличием – это сказать, что он просто «*отвлекся*». Он не может сказать иного, потому что осознанно и тайно «*недодает*» мне *благодарности* за мое снисхождение и участие. Беспричинное и непредсказуемое уменьшение справедливо ожидаемой благодарности можно назвать *капризностью*.

Своими капризами обличитель намекает, что ему известно все, как бы другой субъект ни продолжал скрывать свою тайную испорченность. Обличитель дает ему шанс догадаться, что тот не имеет права на безмятежную радость, потому что такой радости он недостоин из-за своей испорченности. Обличитель хочет показать этому «*ментору-просветителю*», что все «*величие*» ценностей ментора опирается только на его испорченность, которую он *старательно прячет*. И обличитель терпеливо ожидает покаяния, а когда ментор «исправится», совместность станет взаимно открытой и взаимно радостной.

Для *ментора* капризность обличителя может означать только две вещи – или его партнер «*не в своем уме*», или он *специально* старается огорчать ментора. Если ментор-просветитель не видит осознанного противодействия своей воле, то странности поведения обличителя он отнесет только на счет его плохих способностей. Поэтому из такой совместности ментор-просветитель выйдет с привычным разочарованием, и в своем одиночестве продолжит размышлять о причине очередной педагогической неудачи. Но если ментор-просветитель все-таки увидел осознанное противодействие обличителя своей воле, то здесь возможны тоже всего две возможности.

В первом случае ментор-обличитель может *ужаснуться*, что такое вообще бывает, и выйти из совместности. В развитии второго сценария обличитель *разозлит* ментора *своими капризами*. В этом случае ментор-просветитель поймет, что его партнер вполне *предсказуем*, если увидеть в его внезапных капризах *злонамеренность*. Ученик преподнес учителю неожиданный и неоченимый по своим последствиям урок – воля может быть направлена на зло. В переживании своих педагогических огорчений ментор-просветитель сделал для себя открытие – отношение к нему его ученика есть не следствие *слабоумия*, а осознанное и злонамеренное *издевательство*.

Ментор-просветитель понял *тайный умысел* своего ученика, но свое понимание оставил в секрете. В этом случае совместность непаритетных субъектов становится *симметричной* и взаимно закрытой. Ментор-просветитель уже хочет не столько изменить отношение ученика к своей истине, сколько к самому себе. Усилие, направленное на утверждение себя, в качестве носителя истины, можно назвать *самоутверждением*. А заинтересованность в самоутверждении можно назвать *честолюбием*. Совместность становится *состязанием* взаимного самоутверждения и *удовлетворения* честолюбия каждого из ее участников.

Когда ментор-просветитель старается показать обличителю, как прекрасна его «Дульсинея», то обличитель говорит, что конечно она ничего, хотя и «прыщавая». И как ему кажется, сначала нужно бы «вывести прыщи». Далее он может *участливо предположить*, не связана ли привязанность ментора-просветителя к его Дульсинее с тем, что он, ментор, сам прыщавый, хотя и старается это скрыть. Намек на то, что искренняя убежденность ментора в безусловной ценности его понимания и собственного величия связана с его тайным пороком, не вызовет ничего, кроме *бешенства* или *ярости*. (Вот раздражает меня дульсинея и все ее кожные пороки – ничего не могу сделать)

Оба субъекта заинтересованы в одном и том же: показать своему оппоненту, что смыслы другого значимы для него только в силу его испорченности. «Со временем» каждому из участников такой совместности становится очевидна ее бесперспективность. И каждый осознает одно и то же – свое бессилие исправить другого и выйти из переживания унижительной несправедливости. Развитие совместности во взаимном обличении приводит только к тому, что ожесточенное желание справедливости перерастает в *бессильную ярость* и *отчаяние*. Властность, направленная на непаритетную совместность обличения, не приводит к желанному для субъекта признанию ни ценности своего понимания, ни собственного величия.

11. Катастрофа в свободе – жажда власти

Описание изменения субъектного состояния может показать развитие заинтересованности субъекта в личной властности. Я начал как *ментор-просветитель* и хотел лишь научить другого тому, что считал самым ценным и перед чем благоговел. Но вместо благодарности за мою снисходительность и за мое усердие я увидел *разочаровавшее* меня безразличие и вынужден был осознать, что мое разочарование связано с *унижительной несправедливостью* отвержения моего величия и моей истины. Я осознал причины своего разочарования: другие безразличны к великой ценности, которой я обладаю, но не потому, что необразованны или слабоумны. Они остаются безучастны к истинному величию из-за своей *испорченности*.

В своей испорченности они *осознанно выбирают плохое*, которому радуются, отвергая безусловно хорошее. Я, ментор-просветитель, осознал, что другие знают все про свою испорченность, но думают, что могут это скрыть от меня, обладающего истинным знанием. В разочаровании я перехожу в следующее состояние непаритетности – я становлюсь *обличителем*.

Будучи обличителем, я осознаю, что мое переживание унижительной несправедливости связано с испорченностью других. Я не сомневаюсь, что мое всеведение и сила моего обличения вызовут их *раскаяние*. Я покажу им, что знаю их тайны, и они устыдятся моего обличения в пристрастиях к *недостойным радостям*. Я уверен и в силе своего всеведения, и в силе своего обличения, за которым последует раскаяние и радость совместности. Но вместо покаяния, в возможности которого я не сомневался, я столкнулся с такой *бессовестностью* и таким *бесстыдством*, которые не преодолимы никаким обличением.

В свободе я не могу изменить унижительного отношения другого ни к своим великим знаниям, ни к своему всеведению, ни к своему величию. Самое желанное для

меня оказывается неосуществимо в свободе. По своей воле другие никогда не признают моего права на безусловное преимущество и не признают моего величия, в котором я не сомневаюсь. Свобода других становится причиной моего *отчаяния* и страдания. Властность в свободе оказывается неосуществимой. Другие не захотели отказаться по своей воле ни от своих убеждений, ни от своего упорства против истины. Они *попрали мое достоинство* своим пренебрежением к моему искреннему желанию дать им лучшее в осуществлении властности ради совместной с ними радости. И в переживании своего отчаяния я уже хочу не восстановления справедливости. Я хочу *возмездия*.

В свободном существовании каждый субъект зависит только от своей воли, и его радости зависят только от его собственного *выбора*. Но в стремлении к осуществлению *возмездия* я хочу, чтобы радость других находилась в моей воле, и я хочу по своей воле *заставить* других пережить то, чего они переживать не хотят. Возможность заставить другого пережить то, чего он не хочет, можно назвать осуществлением *своей власти*. *Властность*, как *потребность* в непаритетности по отношению к свободе другого, становится потребностью в *принуждении* к тому, чего другой не хочет по своей воле ни выбирать, ни понимать, ни чувствовать. Из состояния обличителя субъект переходит в состояние *деспота*, которое неосуществимо в свободе. Выбор власти оборачивается для субъекта личной катастрофой в свободе. Он вынужден желать того, что в свободе невозможно.

Модель отношений между свободными субъектами не применима для анализа существования в условиях осуществления власти. Но эта модель позволяет описать *грезы* свободного одиночества, в котором единственным переживанием своего существования становится *неутолимая* в свободе *жажда власти*. Я, деспот, представляю себе существование, в котором я получаю возможность быть причиной *заслуженных страданий* другого, если другой отвергает мои ценности и мое величие. Радость возможности *справедливого насилия* становится основанием *прекрасного мира осуществленного величия*, в котором собственная властность становится возможностью подчинения других своей власти. В таком мире *воля каждого* субъекта может быть только *продолжением* моей собственной воли. И в этом *чудесном* мире *безусловно осуществленного величия* каждый субъект может хотеть только того же, чего хочу я, деспот; и каждый субъект может радоваться только тому же, чему хочу радоваться я сам.

В своих грезах деспот достиг пределов свободы – необходимости желанной ему власти, неосуществимой в свободе. Существование деспота в одиночестве становится переживанием своей *абсолютности*. Грезы о невозможном в свободе становятся реальностью его одиночества, в *замкнутости* которого он достигает *абсолютности собственного величия*. Деспот находится в одиночестве собственного мира, в котором его *гнев* и его *насилие* вершит судьбы всего, что есть в *его власти*. Деспот замкнут в мире грез осуществления своей абсолютности, в котором его воля к радости становится *волей к власти*. Радость существования деспота в свободе одиночества становится радостью *грез осуществления справедливого насилия*.

12. Отношение к свободе и основной вопрос личного существования

Модель существования свободных субъектов позволяет описать переживания, которые связаны только с отношением воли субъекта к свободе другого. Переживания субъекта определяются его состоянием, которое связано с его заинтересованностью во властности. В модели описаны четыре типа субъектных состояний – паритетное состояние, ментор-просветитель, обличитель и деспот. Конечно, это только модель, но она позволяет понять наиболее общие моменты переживаний человека, связанных с его существованием в мире людей. *Представления о переживаниях*, описанные при помощи этой модели, можно применять для понимания отношений между людьми в обыденном, объектно-зависимом существовании.

Субъект в непаритетной совместности хочет радости от того, что может «восстановить» полноценность другого для грядущей радости в совместности с ним. И возможность полноценности другого он связывает со своей *надеждой* на силу менторского просвещения, обличения испорченности или принуждения к хорошему. При этом модель свободного существования субъектов показывает, что никакое *исправление* кажущейся «неполноценности» другого в свободе невозможно. Радостная совместность может быть связана только с выбором в свободе самой свободы как безусловной ценности.

Но выбор в свободе самой свободы возможен только как выбор для другого того же, что и для себя – безусловности свободы. Свобода является даром, который субъект получает в *тайне свободного выбора*. И этот дар свободы он получает в *прозрении*, что обладание свободой возможно только при условии, что и другие свободны так же, как и он сам. Поэтому выбор свободы – это признание безусловной ценности свободы для другого, как для себя. Парадокс отношения к свободе как безусловной и равной для всех ценности заключается в том, что такое отношение не может быть опосредовано ничем, кроме собственного и свободного выбора субъекта. Свободу можно выбрать только в свободе. Можно сказать, что выбор свободы связан с исчезновением заинтересованности субъекта в собственной властности, которая вынуждает его к непаритетности в совместности с другими.

Существование человека в мире объектном – это существование в несвободе. Человек может находиться и в состоянии паритетности с другим, и в одном из состояний непаритетности, действуя под влиянием своей властности. Можно сказать, что субъектное состояние определяет самое *общее отношение человека* к существованию другого – это его личное отношение к *праву на свободу* другого.

Ответ на вопрос – *что я делаю здесь и сейчас, и какая мне от этого радость* – полностью зависит от того, чему *хочет радоваться* человек. Хочет ли он радоваться другому как себе самому, или он хочет радоваться, например, осознанно причиняемым страданиям тому, кто находится в его власти. Ответ на основной вопрос существования определяется выбором того, как человек относится к свободе другого человека. Иначе говоря, ответ на основной вопрос личного существования зависит от того, с надеждой на что человек связывает свое лучшее будущее. И если безусловная ценность свободы для человека неочевидна, то он может *надеяться* или на *менторское просвещение*, или на *обличение*, или на *деспотическое насилие*.

13. Отношение к себе, или "кто я для другого"

Модель существования свободных субъектов отличается от реального существования человека тем, что реальные отношения между людьми опосредованы объектным взаимодействием. В существовании человека отношение телесного и объектного определяет условия взаимной необходимости и взаимной принудительности. Любое взаимодействие между человеком и человеком – это *взаимодействие объектное*, в котором *всегда* принимает участие телесное человека. Даже *говорение* – это обмен смыслами, опосредованный участием *телесного*, без которого этот обмен просто невозможен.

Действия в объектном связаны с достижением ситуации, которая имеет желанный для человека смысл и связана с достижением желанных для него переживаний. Объектная ситуация – это то общее, что одинаково для всех участников совместности. Например, игра в шахматы связана с общим для каждого участника положением фигур, но при этом общее для всех имеет свой отдельный смысл для каждого. И дело не в том, что в любом состязании победитель только один. Каждый надеется на выигрыш или, по крайней мере, на достойную игру. Но для каждого ситуация с игрой имеет и свое собственное значение. Основной вопрос личного существования – *что я делаю здесь и сейчас и какая мне от*

этого радость – становится вопросом, связанным с пониманием того, *зачем* я делаю то, что я делаю.

Вопрос «*зачем*» связан с тем, чего я хочу для себя в связи с другими и ради чего я прилагаю усилия. В случае с шахматами вариантов «*зачем*» немного. Я могу хотеть получить *удовольствие от игры* или продемонстрировать свое мастерство и *порадоваться* тому, какой я *молодец*, или я могу хотеть радости от того, что *заставлю* другого пережить *унижение* от моего подавляющего превосходства. Проще говоря, я могу хотеть не только радости от смысла игры, но еще и радости от *переживания* определенного *отношения к себе* того, с кем я играю. Желание определенного отношения к себе связано с моей потребностью во власти. Т.е., в переживании любой объектной ситуации существуют две составляющие – это переживание общего для всех *смысла объектной ситуации* и переживание *отношения к себе*, которое определяется *властными устремлениями* человека. Заинтересованность человека в определенном *отношении к себе* – это его заинтересованность в том, чтобы другие испытывали по отношению к нему определенные *чувства* или *переживания*.

Достижение человеком желанных для себя переживаний связано как с получением необходимого *объектного результата*, так и с достижением результата своего властного *влияния на переживания* других людей. Иначе говоря, человек хочет не только желанных *изменений в объектном мире*, он хочет и желанных *изменений в переживаниях* других, с кем он находится в совместности. Заинтересованность человека в определенном отношении к себе – это его заинтересованность в осуществлении его властных устремлений, для того, чтобы другие имели нужные для человека переживания.

Возможность *заставить* других испытывать желанные для себя переживания тождественна возможности осуществления *личной власти*. Можно сказать, что чем больше *властная* заинтересованность человека и чем более «*непаритетно*» его *субъектное состояние*, тем значительнее его заинтересованность в переживании *особого* отношения к себе и в *принуждении* других чувствовать то, что он хочет.

Переживания человека и его устремления зависят от того, какое *отношение других* он считает для себя *желанным*. *Желанное отношение* к себе других и связанные с этим отношением *переживания*, которые другие *должны испытывать* по отношению к нему, определяется субъектным состоянием. Исходя из этого, основной вопрос личного существования можно поставить так: «*Как для меня связано то, что я делаю здесь и сейчас, с желанным для моей радости отношением к себе других?*»

14. Субъектные роли в объектном бытовании

В модели существования свободных субъектов любая совместность лишена необходимости. Поэтому в тот момент, когда эта совместность становится бессмысленной, субъект из нее выходит. В объектном мире *необходимость* заставляет людей быть участниками совместности, даже если эти совместности представляются невыносимыми. Студент вынужден посещать лекции *деспотичного* и *капризного* профессора; нанятый на работу человек вынужден терпеть «*нежное обращение с собою начальников*», потому что должен зарабатывать для себя и своих близких. Партнеры вынуждены выносить «*особенности яркой незаурядности*» друг друга. Этот список можно продолжить, но общее в этих и прочих примерах – это *действие необходимости*, которая ограничивает свободу человека и заставляет его испытывать *вынужденные переживания*.

Необходимость, присущая объектному существованию человека, является причиной *принуждения* к совместности, в которой человек испытывает не только радость взаимной расположенности и взаимной симпатии. Несвобода существования человека создает ситуации, в которых один человек находится *во власти* другого. *Власть* – это возможность *заставить* другого *испытывать чувства*, которые человек *вынужден*

переживать. *Субъектное состояние* определяет, какое *отношение* к себе хочет получить человек от другого, находящегося *в его власти*. Субъектное состояние определяет *властные устремления* человека. Принадлежность человека к совместности *в необходимости* определяет ту *роль*, которую он *вынужден «исполнять»*, находясь во власти другого, который заинтересован в осуществлении своих властных устремлений.

В каждой совместности существует кто-то один, выполняющий роль *ведущего*. На основании чего происходит *выдвижение* человека на *доминирующую* позицию в совместности, для понимания типов *субъектных ролей* особого значения не имеет. Связано ли это с наличием харизматических качеств или с чем-то еще, не важно. В любом случае выбор в необходимости определяется необходимостью.

Существование любой вынужденной совместности связано с решением двух задач – объединением участников в общей необходимости и созданием условий, в которых доминант может получить *желанное для себя отношение* подчиненных, находящихся в его власти. В описании *субъектных ролей* используются только переживания, которые появляются вследствие нахождения одного человека во власти другого. Поэтому типы ролей не связаны ни с характером человека, ни с его темпераментом, ни с особенностями его психического состояния.

При описании субъектных ролей существенным является не содержание смысла совместности во взаимной необходимости, а переживания участников совместности, которые возникают вследствие *вынужденного подчинения* одного человека воле другого, от власти которого он зависит. *Субъектные роли* определяются самым общим отношением человека к существованию другого – отношением к его праву на свободу. Поэтому субъектные роли и связанные с ними переживания в равной мере относятся и к контексту личного существования человека, и к контексту его профессиональных или общественных интересов.

Субъектные роли определяются субъектными состояниями доминанта и его *подчиненного*. Субъект может находиться в одном из четырех состояний – паритетности, ментора-просветителя, обличителя или деспота. Для каждого типа доминанта существуют четыре типа подчиненных, которые и определяют субъектные роли вынужденной совместности. Всего формально существует шестнадцать типов субъектных ролей, каждая из которых относится к одному из четырех типов доминирования и определяется одним из четырех типов субъектного состояния подчиненного.

15. Паритетное доминирование

Доминант определяет правила взаимодействия во взаимной необходимости исходя из своего понимания смысла объектной ситуации и своей заинтересованности в желанном к себе отношении других. В *состоянии паритетности* человек заинтересован во взаимной свободе, поэтому свобода другого так же важна для него, как и своя собственная. В вынужденной совместности паритетного типа ограничения взаимной свободы определяются *правилами*, которые *одинаковы для всех*. Соблюдение общих правил является условием взаимного ограничения свободы, по отношению к которому ни у кого нет *видимого* преимущества. Можно сказать, что в паритетном типе вынужденной совместности взаимная свобода становится взаимным равенством по отношению к общим правилам, определяющим участие всех во взаимной и общей для всех необходимости.

В паритетной совместности реализация особого отношения к себе скорее неуместна, потому что в особом к себе отношении не заинтересован доминант. Паритетный доминант и его подчиненный равны в отношении свободы другого, которая находится за пределами взаимно обязательного, а в области взаимной ответственности все равны по отношению к общим правилам и общим смыслам. Такая совместность ориентирована, главным образом, на содержание общего для всех смысла, а не на переживания *особых* отношений между участниками в связи с происходящим.

Паритетный доминант не заинтересован в особом отношении к себе, поэтому и не проявляет особого интереса к тому, что о нем говорят и как к нему относятся другие. Для него достаточно понимать, что происходит по существу, чтоб вмешаться в происходящее только по необходимости. Поэтому и *сплетни о себе и о других*, касающиеся, главным образом, *отношений*, его мало интересуют.

Паритетный подчиненный

Значение смыслового присутствия каждого участника паритетной совместности определяется его влиянием на объективное положение вещей. Для подчиненного, который сам находится в *паритетном субъектном состоянии*, такой тип совместности является наиболее естественным и понятным. Если его присутствие в такой совместности контекстуально уместно, то единственным моментом внимания для него является компетентная оправданность своего участия в общей необходимости. Роль паритетного подчиненного в такой совместности можно назвать *«равный среди равных»*.

Роль *равного среди равных* может играть и ребенок в семье, конечно в особом контексте, который для него создают родители, и ученик паритетного учителя, и сотрудник паритетного начальника, и домработница паритетного нанимателя. Паритетный доминант заинтересован в том, чтобы другой играл роль равного среди равных, потому что свобода другого имеет значение и для его собственной свободы, и для развития общего смысла в необходимости. Кроме того, наиболее продуктивные творческие сообщества – это сообщества равных и взаимно свободных людей. С подчиненным в роли равного среди равных у доминанта не будет никаких затруднений, поскольку подчиненный находится в том же субъектном состоянии, что и он сам. Отношения между паритетным доминантом и паритетным подчиненным *взаимно открыты*, между ними нет взаимных переживаний, которые необходимо скрывать.

Подчиненный ментор

Непаритетный подчиненный в паритетной совместности будет испытывать затруднения, связанные с ограничениями возможности осуществления своего преимущества и с достижением ситуации особого к себе отношения. Подчиненный *ментор-просветитель* будет считать, что его *особые* дарования *несправедливо* не замечаются. Как ему кажется, он мог бы рассчитывать на большее, и уж точно не на равное по сравнению с другими к себе отношение. Потребность в преимуществе превращается для него в потребность иметь *привилегии*, на которые он имеет право, как ему кажется. Но поскольку доминант паритетный, то он не мыслит в категориях необоснованного равенства и неравенства. Подчиненный в совместности с паритетным доминантом занимает то место, которое определяется его участием во взаимной необходимости. Это означает, что реализация своего права на *особость* возможна только в контексте объективного содержания. Поэтому при паритетном доминанте *подчиненный ментор* будет находиться в переживании *несправедливой непризнанности* своих дарований и *унижения* из-за недостаточного, с его точки зрения, расположения к себе доминанта.

Переживание, связанное с тем, что другие пользуются *незаслуженным* расположением доминанта, на что только подчиненный ментор, как ему кажется, имеет преимущественное право, можно назвать переживанием *ревности и обиды*. *Субъектную роль* подчиненного ментора в совместности с паритетным доминантом можно назвать *ролью непризнанного гения*. Свою роль обиженного и непризнанного гения в совместности с паритетным доминантом ментор может рассматривать только как вынужденную. Снисхождение, которое ментор испытывает к другим и к доминанту, заставляет его находиться в закрытой позиции. Поэтому в паритетной совместности

ментор находится в одиночестве неразделенных переживаний, о которых ему не с кем поговорить.

Надежда ментора связана или с тем, что его по достоинству оценят и он получит преимущественное право на особое к себе отношение, или он найдет другую совместность, в которой его *оценят* по достоинству. Паритетный доминант не может не осознавать переживаний подчиненного ментора, но единственное, что он может – это дать событиям развиваться так, как они будут развиваться. Повлиять на выбор в свободе невозможно, единственное, что можно сделать, – это постараться лишней раз не давать повод для очередного приступа ревности, который может *травмировать* ментора-подчиненного. Доминант надеется, что со временем, возможно, ментор одумается и угомонится.

Роль *непризнанного гения* может исполнять, например, один из членов большой семьи. Ему будет казаться, что другие несправедливо не замечают его ценных особенностей. В этом случае у паритетного главы семейной группы постоянно будет необходимость выполнять функцию миротворца и примирителя. Хотя даже при его понимании причин постоянных недоразумений его усилия будут приводить только к временной разрядке.

Подчиненный обличитель

Равнодушие доминанта к тому, как относятся к нему другие, достойно только презрения с точки зрения *подчиненного обличителя*. Поэтому *подчиненный обличитель* в совместности с паритетным доминантом будет испытывать к нему *презрение*. *Что-то не так с нашим императором, если он так вот запросто общается с другими*. В таком отношении к другим и к себе самому обличитель увидит, скорее, скрытые причины, о которых доминант почему-то помалкивает. Может быть, по ночам он мучает кошек или подвержен иным скрытым порокам, которые ограничивают проявления его величия?

Для подчиненного-обличителя паритетный доминант – необъяснимая и тревожащая загадка. Обличитель не понимает оснований для такой *либеральности* и считает, что это *вредит общему делу*. Обличитель видит, насколько испорчены все вокруг, и он не может понять, как можно к *таким* людям относиться без *подозрения и презрения*. Поэтому паритетный доминант – это несправедливое недоразумение, которое, в конце концов, как надеется обличитель, должно быть исправлено. Но свое презрение и связанное с ним *высокомерие* подчиненному обличителю приходится скрывать, по крайней мере, в отношении к доминанту.

Закрытая позиция обличителя в такой совместности *заставляет* его держаться высокомерно и обособленно. Можно сказать, что основным моментом внимания в совместности с паритетным доминантом для обличителя является момент *формальной* или *знаковой* корректности – ему следует избегать любых проявлений своих *догадок* и *справедливых осуждений*. Невозможность выразить презрение к доминанту и его подчиненным вызывает у обличителя чувство личного *унижения*. А равное отношение с другими подчиненными, недостатков которых доминант почему-то не видит, вызывает у обличителя чувство *зависти*. Поэтому и нахождение в такой совместности рассматривается им если не как наказание, то по крайней мере как испытание.

Единственное, что может паритетный доминант – это *ограничить* активность обличителя, направленную для общего процветания на обличение и исправление других. Роль обличителя в такой совместности можно назвать *«борец за справедливость»*. Для паритетного доминанта подчиненный обличитель – это наказание *«за грехи мира»*. В отношениях с обличителем трудность паритетного доминанта заключается в том, что *«конспирологические»* идеи обличителя невозможно опровергнуть – не потому, что они убедительны и неопровержимы, а потому что их основания представляются паритетному

доминанту бессмысленными. Паритетный доминант может только надеяться, что обличитель, в конце концов, покинет совместность с ним.

Например, обличитель-ученик – это большое испытание для паритетного учителя. Учитель понимает, что обличителя исправить невозможно. Тем более, что поведение ученика *формально* не вызывает нареканий. Единственное что может делать паритетный учитель -- стараться урезонить обличителя и успокоить других. Но неумность обличителя-ученика и его формальная защищенность является постоянной угрозой дружественной обстановке, в которой заинтересован паритетный учитель.

Подчиненный деспот

Как только *подчиненный деспот* осознает паритетный характер своего доминанта, он сразу утратит интерес в совместности с ним. Для деспота непонятно, как можно иметь *власть* и этой властью не пользоваться по праву и с радостью. Все только и ждут, когда *громовержец* начнет метать молнии, и все от этого будут только счастливы. Так нет же: это полное *ничтожество* сидит ниже травы и ведет себя необъяснимо. Совместность деспота с паритетным доминантом возможна при единственном условии – деспоту некуда деваться, и он вынужден скрывать свой *гнев* и свою *жажду власти*. Для паритетного доминанта такой подчиненный – это даже не наказание за грехи мира, это «*гнев Божий*». Единственное, на что может надеяться паритетный доминант, так это на возможность спровадить деспота как можно скорее. Условия взаимной паритетности превращают личное существование деспота почти в невыносимое. Роль деспота в совместности с паритетным доминантом – это роль *отверженного*.

Его рвение постоянно наталкивается на сопротивление доминанта. Вместо того, чтобы *заставить* других делать то, что нужно, доминант пытается разбираться, хотя деспоту и так все ясно. Основной момент личной радости, связанной с возможностью принуждения, практически не может быть реализован при паритетном доминанте. Поэтому деспот в такой совместности будет чувствовать себя постоянно не у дел, будет испытывать чувство *отверженности*.

Роль *отверженного* деспота может исполнять, например, один из родственников, которого паритетному главе семейства приходится терпеть. Глава семейства вынужден постоянно *пресекать* попытки деспотичного родственника *навести порядок*. Поэтому такой родственник будет переживать свою *отверженность*, *ненависть* и *скрытый гнев* к доминанту.

Подытожим сказанное. Основной момент осуществления паритетного доминирования связан с заинтересованностью в развитии смысла, который с точки зрения доминанта является необходимым. Поэтому совместность в паритетности предполагает равную смысловую заинтересованность, которая сама по себе является и источником радости, и основой совместности как таковой. Однако смысл – это далеко не всегда самое главное, что объединяет людей в объектном бытовании. Отношение к себе в связи со своей *властной потребностью* является не менее значимой составляющей, которая определяет для человека желанные переживания. Поэтому в такой совместности возникают четыре субъектные роли. Паритетный подчиненный играет роль *равного среди равных*, ментору-просветителю достается роль *обиженного и непризнанного гения*, обличитель выступает в качестве *борца за справедливость*, а деспоту остается роль *отверженного*.

16. Менторское доминирование

Ментор-просветитель, будучи доминантом, постоянно переживает *значительность* собственного понимания, которое обязательно должно быть сообщено

другим для их же блага. *Заинтересованность в отношении* к себе как к носителю исключительно ценного в позиции доминирования становится моментом существенного внимания. Для *доминанта-ментора* осуществление необходимого смысла совместности – это, среди прочего, и осуществление своего *благодарного* и *обязательного* влияния на других. Доминант-ментор заинтересован не только в развитии общего для всех смысла, но и в определенном отношении к себе других. В совместности с доминантом-ментором все должны испытать благодарное влияние его личности и платить «налог» на признание его *личной значительности*.

Заинтересованность ментора в признании своих дарований вовсе не означает, что таких дарований нет. Но он искренне считает, что другие не могут не оценить его самого и того *ценного* личного влияния, которое он оказывает на своих подчиненных. Доминант-ментор – это самый либеральный тип непаритетности в вынужденной совместности. Переживание *самолюбования* если и требует смысловой совместности с зависимыми подчиненными, то только для их же блага. Поэтому и снисходительность к другим – это, скорее, естественное ограничение своей радости для искреннего стремления к хорошему.

Доминанту-ментору *небезразлично*, что говорят и «думают» друг о друге его подчиненные. Его интересуют *сплетни*, потому что он полагает, что с их помощью сможет понять и отношение к себе, и правильность собственного понимания других.

Паритетный подчиненный

Для *паритетного подчиненного* доминант-ментор -- явление понятное в том смысле, что подчиненный понимает необходимость обозначения *особого* отношения к *особым* дарованиям доминанта. Доминант ожидает искреннего восхищения по отношению к своим дарованиям, и для поддержания *рабочих отношений* паритетному подчиненному *приходится* обозначать свое «восхищение». Паритетному подчиненному *самообожание* доминанта и его заинтересованность в подтверждении своей значительности кажутся *смешными*. Но в необходимости приходится жить и с этим. Поэтому паритетный подчиненный вынужден скрывать свое отношение к тому, что кажется ему *смешным и комичным*. Однако необходимость закрытой позиции представляет для него неудобство.

Поскольку приходится поддерживать совместность, паритетный подчиненный вынужден *имитировать поведение*, которому доминант сможет придать желанный для себя смысл. Можно сказать, что основным скрытым переживанием паритетного подчиненного в совместности с доминантом-ментором является чувство *неловкости*. Для паритетного подчиненного постоянно существует вопрос *меры* имитации своего «восхищения», поскольку обслуживание необходимого отношения к доминанту если и не вступает в прямое противоречие со смыслом общей необходимости, то во всяком случае не помогает осуществлению личного смыслового присутствия.

Смысловое присутствие паритетного подчиненного в совместности с доминантом-ментором постоянно требует *мимикрии*. Переживание неловкости заставляет паритетного подчиненного *дозировать* проявление своих «восторгов» перед мудростью доминанта, освобождая свое внутреннее пространство от бессмысленного, с его точки зрения. Паритетный подчиненный надеется, что объективная необходимость его участия в общих смыслах позволит ему сократить «*объем платежей*» в виде обязательного выражения своего *восхищения* мудростью доминанта.

Доминант-ментор не может не замечать некоторой *скуповатости* в отношении к своему величию со стороны паритетного подчиненного. И его неотзывчивость он может отнести или за счет *упрямства* последнего, или за счет его *эмоциональной черствости*. Для доминанта-ментора паритетный подчиненный -- не подарок. Конечно, его можно терпеть из-за необходимости, но личная близость с ним ограничена *высокомерием* такого подчиненного, как считает доминант-ментор. Только в силу своего высокомерия

паритетный подчиненный может не испытывать благодарности за снисхождение к его недостаткам и деятельное участие в нем. Поэтому совместность с паритетным подчиненным для доминанта-ментора постоянно содержит момент огорчения. Паритетный подчиненный постоянно *недодаёт* ему *благодарности*, на которую, как кажется доминанту, он имеет полное право. Поэтому доминант постоянно обижается на такого подчиненного.

Роль паритетного подчиненного при доминанте-менторе – это *роль городского сумасшедшего*. Вместо того, чтобы лишний раз обозначить свое восхищение, подчиненный начинает возражать и даже спорить там, где можно было бы и промолчать. Можно сказать, что в такой совместности оба находятся в закрытой позиции. Доминант вынужден скрывать свою обиду на подчиненного, а подчиненный скрывает от доминанта свое чувство *неловкости* и за себя, и за доминанта. При этом ситуация неразрешима: ни доминант, ни подчиненный не могут свои закрытые переживания превратить в момент совместности. Доминант не может сказать, что мог бы рассчитывать на большую благодарность, поскольку ее выражение не связано с объективными действиями. А что касается подчиненного, то он может высказать все, что думает о *комичных* странностях доминанта, только если из совместности нужно уходить, хлопнув дверью. Такая совместность держится лишь на взаимной необходимости. И если давление обстоятельств, вызывающих необходимость, ослабевает, то совместность распадается.

Роль городского сумасшедшего может играть паритетный ребенок при менторе-папаше. Независимость ребенка может огорчать главу семейства по двум причинам. Во-первых, папашу-ментора огорчает ограниченность собственного влияния, в ценности которого он не сомневается. А во-вторых, его не может не расстраивать, что ребенок не готов в полной мере признать его собственную значительность, в которой родитель совершенно уверен.

Подчиненный ментор

Подчиненный-ментор для ментора-доминанта – это находка и вознаграждение за все непонимание и всю неблагодарность, с которыми приходилось сталкиваться. Сколь долго продлится такое *счастье*, зависит от ума подчиненного и объективных обстоятельств. Подчиненному-ментору ментор-доминант понятен. Он сам находится в переживании своей значительности и понимает, как важно для доминанта ее подтверждение. Доминант хочет того, на что он имеет право – признания своих выдающихся дарований. И подчиненный-ментор готов это ему давать в *обмен*, конечно, на определенные *преимущества* по сравнению с другими. Оценка доминантом участия подчиненного-ментора в совместной необходимости дополняется старательной оплатой подчиненными *налога* в виде признания значительности доминанта и ценности его личного влияния.

При этом сам подчиненный, наделенный не менее выдающимися дарованиями, понимает, что амбиции доминанта подтверждены не столько его величием, сколько положением, которое случайно подарила ему судьба. И в своем доминирующем положении он, конечно, не понимает многого, что понимает его менее удачливый и более *уязвленный судьбой* подчиненный. Поэтому позиция подчиненного закрыта: доминант близко не должен догадаться о его амбициях и о его *зависти*. Если он про них узнает, то выражения восторга мудростью доминанта будут оценены как *чудовищное вероломство*. Подчиненный-ментор сверх меры лоялен по отношению к ментору-доминанту. Доминант, с точки зрения подчиненного, должен быть совершенно уверен не только в его усердии по отношению к общему смыслу, но и в совершенной признательности и личной преданности со стороны подчиненного. Поэтому в отношениях с доминантом-ментором ментор-подчиненный отзывчив и эмоционально щедр.

Роль подчиненного-ментора при менторе-доминанте – это *роль первого ученика*. Границы выражаемого *подобострастия* зависят от меры осознанности ситуации каждым из участников такой совместности.) Доминант-ментор тоже, что называется, «не лыком шит». Он понимает своего подчиненного, но в его стараниях, скорее, будет видеть не *скрытое коварство*, а *радение неразумное*. Не то, чтобы подчиненный был *глуповат*, но даже при всей своей старательности и эмоциональной отзывчивости он не понимает полностью ни стоящих перед ним задач, ни всей значительности того понимания, которое ему щедро дает доминант. Основным моментом отношения доминанта к подчиненному-ментору будет *снисхождение* к присущим подчиненному, и увы, неисправимым недостаткам. Хотя, несмотря на все недостатки – это лучший его ученик.

Оба находятся во взаимно закрытой позиции. Доминант вынужден скрывать свое разочарование и понимание *ограниченности* подчиненного, а подчиненный вынужден как огня бояться *разоблачения* своего истинного отношения к доминанту. Поэтому в такой совместности существует переживание *страха взаимного разоблачения*. Ни доминант, ни подчиненный ни при каких обстоятельствах не признают того, что они думают друг о друге. Несмотря на эмоциональную щедрость подчиненного и искреннюю снисходительность доминанта, это – совместность взаимно закрытых позиций и вынужденного взаимного одиночества.

Если обстоятельства необходимости поддерживают такую совместность, то она будет устойчива. Но в ее продолжении никто не получит тайно желанного для себя. При случае подчиненный-ментор или выйдет из такой совместности, или займет место доминанта. В этом случае снисхождение возможно, но его проявление будет зависеть, главным образом, от обстоятельств. При таком развитии событий *экс-доминант* столкнется с переживанием *сокрушительной несправедливости* и с *глубоким разочарованием* в своем *выдающемся* ученике.

Роль первого ученика может исполнять, например, аспирант при профессоре-менторе. Отношение аспиранта к своему профессору *почти искреннее*. Ну, а то, что профессор падок на *грамотную лесть*, так почему бы этим не пользоваться. Тем более, что и сам аспирант радуется такому же отношению к себе студентов. Аспирант даже не обманывает своего профессора. Ну а если профессор *почтительное к себе отношение* связывает лишь со своими выдающимися качествами, так это уже его дело.

Подчиненный обличитель

Обличитель к доминанту-ментору относится с *недоверием*. Он не сомневается, что его величие если и не пустое, то по крайней мере сильно преувеличенное. *Самолюбование* доминанта он считает *недостойным* и потому испытывает к нему *презрение*. Поэтому в совместности с доминантом-ментором обличитель находится в переживании *острой неудовлетворенности*, которую вынужден скрывать.

Единственная отрада обличителя сводится к возможности иногда озадачить доминанта *необъяснимой капризностью* или *внезапным упрямством*. Обличитель сквалыжничает из-за *мелочных* и второстепенных моментов, получая удовольствие от того, что может *разозлить* доминанта. Роль обличителя при доминанте-менторе – *упрямый правдолюб*. Скорее всего, в совместности с доминантом-ментором обличитель не видит для себя особых перспектив. Ментор для него, как уже говорилось, лицо *презренное*, поэтому такую совместность можно только терпеть. При этом неважно, с чем такая совместность связана – это могут быть родственные отношения, необходимость заработков или возможность сделать карьеру.

Подчиненный-обличитель для доминанта-ментора -- крайне неприятное явление. Обличитель постоянно создает для него ситуацию *внутреннего неудобства*. Доминанта-ментора выводит из себя *мелочное упрямство* обличителя, которое является постоянным *испытанием* его *снисходительности*. И дело не в том, что обличитель направляет свое

разоблачающее всеведение на доминанта. Достаточно того, что он пытается разоблачить других. Доминанту-ментору хотелось бы верить в искреннюю заинтересованность других в ценных для него самого смыслах. Поэтому постоянные намеки на нечестность других являются для доминанта моментом постоянного огорчения.

Особенности поведения обличителя по отношению к другим доминант-ментор полностью относит на счет его *дурного характера* и *невоспитанности*. Доминант вынужден постоянно *ограничивать* неуместные проявления мелочности и упрямства обличителя, поскольку это мешает и ему самому, и другим. Если в силу необходимости между доминантом-ментором и обличителем-подчиненным возникают тесные отношения, то основным моментом отношения доминанта к обличителю будет *недоверие*. Доминант будет постоянно видеть в действиях обличителя скрытые мотивы, а его собственную подозрительность и мелочное упрямство он будет понимать или как *неисправимое слабоумие*, или даже как проявление *злонамеренности*. Поэтому совместность между доминантом-ментором и обличителем не может быть устойчива.

Роль упрямого правдолюбца может исполнять, например, один из сотрудников начальника-ментора. Сотрудник-правдолюб видит, как другие пользуются расположением начальника вовсе не для общего блага, а начальник этого не видит. А когда правдолюб пытается на это намекать, его останавливают. Поэтому любую возможность настоять на своей *формальной правоте* он будет использовать, чтобы порадоваться возможности *установить справедливость* и *взбесить* своего патрона. Начальника такое поведение будет выводить из себя, во-первых из-за *неуместности* мелочного упрямства подчиненного, а во-вторых из-за *необходимости* согласиться с его *формальной правотой*.

Подчиненный деспот

Деспот-подчиненный в совместности с доминантом-ментором искренне не понимает, почему возможность власти ограничивается только уговорами и объяснениями. Неспособность ментора *разобраться* с другими по всей строгости у деспота-подчиненного вызывает *непонимание* и *скрытый гнев*. И это непонимание он объясняет *ничтожностью* доминанта, который позволяет другим манипулировать собой. Деспот знает, как нужно вести дела. Поэтому в стремлении к лучшему он постоянно будет пересекать границы собственной ответственности, *бесцеремонно* вторгаясь туда, где его присутствие не предполагается.

Деспот считает, что доминант-ментор – неисправимый романтик, который ждет от других того, чего они не могут ему дать. Деспот считает, что доминант-ментор только развращает других своей благодушной снисходительностью и оценивает это благодушие как неисправимый и достойный *презрения* изъян. Роль деспота при доминанте менторе – это роль *решительного солдафона*.

Доминант иногда сталкивается с ситуациями, когда все *мыслимые* средства увещевания и убеждения своих подчиненных не приводят к желанному результату. В таких случаях роль *решительного солдафона*, которую с радостью исполняет деспот, может быть уместна. Но насилие вступает в противоречие с убежденностью доминанта-ментора в безусловной ценности убеждения и назидания. Поэтому рвение деспота-подчиненного доминант-ментор будет расценивать как *бестактное* покушение на ценность своего понимания и как помеху своему благотворному влиянию на других. Ментор может только терпеть деспота рядом с собой и только для случаев крайней нужды. Поэтому для доминанта-просветителя подчиненный деспот – это большая неприятность.

Все попытки деспота-подчиненного стать активным участником общего дела сталкиваются с ограничением его рвения доминантом. Деспот постоянно будет переживать *унижение* от того, что его стремление к справедливым и решительным действиям не находит ни понимания, ни поддержки. Деспот вынужден скрывать от доминанта свое *презрение* к нему и чувство *унижения* от *ничтожности* своей роли. Поэтому в

совместности с доминантом-ментором деспот-подчиненный всегда вынужден находиться в закрытой позиции.

Только в силу необходимости деспот может быть в совместности с доминантом-ментором. Для себя он не видит никаких перспектив, и как только появится возможность, он оставит доминанта-ментора. Доминант тоже не будет особо огорчен – от участия *решительного солдафона* всегда было больше неприятностей, чем пользы.

Роль *решительного солдафона* может исполнять, например, один из родственников в большой семье. Когда глава семьи -- ментор -- не может договориться с другими и уговорить их, родственник-деспот в роли *решительного солдафона* может быть полезен. Но после его вмешательства главе семьи долго приходится жить с неприятными последствиями и грустными переживаниями. В таком семействе оба вынуждены терпеть друг друга и, по возможности, как можно реже пересекаться.

Доминант-ментор хочет одновременно вести дела и получать удовольствие от выражения к себе особого отношения своих подчиненных. В совместности с доминантом-ментором возможны четыре роли. Паритетный подчиненный играет роль *городского сумасшедшего*, ментору достается роль *первого ученика*, обличитель выступает в качестве *прямого правдолюбца*, а деспоту остается роль *решительного солдафона*.

17. Обличительное доминирование

Отношение обличителя к другим связано с его *всеведением*, позволяющим ему видеть испорченность и скрываемые тайные пороки всех и каждого. С испорченностью тех, кто находится в его власти, он связывает свои трудности в общении с ними и свои затруднения в ведении общих дел. Он знает, что каждый может быть поражен злонамеренностью. Доминирование обличителя – это осуществление общего смысла и постоянное *пристальное* внимание к другим, которое направлено на *выявление и разоблачение их скрытых изъянов*. От других он хочет не только *безусловного признания* собственной правоты и своего величия, но и *искреннего отношения*, в котором не должно быть скрытых мотивов. Поэтому основным моментом пристального внимания доминанта-обличителя является *искренность отношения* к нему его подчиненных.

Обличитель знает, что доверять никому нельзя. Поэтому в его отношениях с другими постоянно присутствует *подозрительность*. И именно потому, что он сам постоянно находится в закрытой позиции, скрывая свои чувства и подозрения, к закрытой позиции других он относится с особым вниманием и настороженностью. Основным оружием разоблачения у обличителя становится *непредсказуемость*. При этом *интриги*, как возможность создания дополнительной *неопределенности* в положении своих подчиненных, рассматриваются им как уместный и *правильный* инструмент, способствующий осуществлению своего доминирования.

Подчиненный обличителя никогда не должен знать, в какую *«игру они играют»*. Когда подчиненному кажется, что они *«играют в домино»*, то в тот же момент может оказаться, что играют в *«шашки»*. При доминанте-обличителе общие правила существуют весьма условно. Все зависит от *«настроения»* доминанта. В условиях отсутствия общих правил только сам доминант является единственным носителем общего для всех смысла. *Самоутверждение* является для доминанта-обличителя естественным и почти единственным способом доказательства своей правоты. Поэтому любое возражение себе он рассматривает как покушение и на общий смысл, и на свое достоинство.

Паритетный подчиненный

Все подчиненные доминанта-обличителя существуют в неопределенности и под подозрением. Переживание подчиненными *чувства вины* кажется доминанту-обличителю

и естественным, и *желанным*. Паритетному же подчиненному такое поведение доминанта представляется *сумасбродным*. Паритетный подчиненный допускает, что для подозрений доминанта могут быть основания. Но постоянная неопределенность сильно ограничивает участие других в совместной работе и в создании общего смысла. Поэтому необходимость большую часть времени проводить в неопределенности паритетный подчиненный переживает как *бессмысленное ограничение* своих возможностей. Он может не скрывать своих чувств, поскольку в его отношении к происходящему нет ни тайного умысла, ни *постыдных* для него переживаний.

Паритетного подчиненного не задевает самоутверждение и честолюбие доминанта, поскольку он не заинтересован в переживании особого отношения к себе. Его позиция в совместности с обличителем по возможности *открыта*. Доминант, конечно, полностью не доверяет паритетному подчиненному, но его *успокаивает* открытая позиция паритетного подчиненного. Поэтому к паритетному подчиненному он относится с *осторожным доверием*. Со своей стороны, паритетный подчиненный к доминанту-обличителю может испытывать нечто вроде *жалости*, поскольку понимает, что его подозрительность носит характер паранойи.

Роль паритетного подчиненного при доминанте-обличителе – это *роль психиатра*. Только психиатр может выносить странности поведения доминанта, придавая им смысл, который относится не общему и разумному, а глубоко личному и сильно болезненному. И хотя в градус подозрительности обличителя к паритетному подчиненному несколько снижен по сравнению с другими, перспективы их совместности не имеют шансов на будущее. Потому что, как только обстоятельства позволят, паритетный подчиненный выпорхнет из этой совместности как птичка из клетки. Для доминанта-обличителя разрыв совместности с паритетным подчиненным тоже будет событием не слишком огорчительным. Доминант решит для себя, что паритетный подчиненный, в конце концов, оказался не лучше остальных. Поэтому расставанию оба будут рады, хотя и по-разному.

Роль психиатра может выполнять, например, один из детей при родителе-обличителе. Ребенок понимает причины *капризной непредсказуемости* своего родителя, но единственное, что он может сделать, – это уменьшить влияние родителя на свою жизнь и по возможности ограничить травмирующие действия родителя на других членов семьи. При этом родитель будет испытывать к своему ребенку почти такую же подозрительность, как и к другим, и особо за его участие благодарен не будет.

Подчиненный ментор

Для подчиненного-ментора обличитель-доминант – это постоянный вызов его убежденности в своей *значительности* и *уверенности* в себе. Можно сказать, что они сталкиваются друг с другом в общем желании влиять на других людей. Доминант считает, что в его присутствии другой может самоутвердиться только за его счет, а этого он позволить не может. Только его понимание единственно верное и только его слово может быть последним. Доминант радуется, что может превратить этого выскочку в полное ничтожество для его пользы и своей радости.

Доминант-обличитель своими *внезапными* и *формально обоснованными* требованиями постоянно будет вызывать у ментора-подчиненного чувство *растерянности* и *вины*. Неопределенность, в которой находится ментор, практически лишает его возможности сообщить другим свое понимание и оказывать на них то положительное влияние, которое он считает очень ценным. Поэтому единственная возможность ментора-подчиненного в совместности с доминантом-обличителем – это глубоко *запрятать* восхищение собой и затаиться. В совместности с доминантом-обличителем ментор может находиться только в закрытой позиции. Ментор-подчиненный испытывает к доминанту-обличителю *ненависть*, к которой добавляется *страх*, что доминант *разоблачит* его истинные переживания и скрываемое им отношение к своей

значительности. Обличитель постоянно подозревает других в скрытых чувствах, поэтому закрытая позиция ментора только добавит рвения обличителю-доминанту. И он станет поэтому постоянно создавать для ментора-подчиненного ситуации, в которых тот будет выглядеть *униженно* и *комично*. Единственное состояние подчиненного-ментора, которое может устроить доминанта – это переживание им своей *неуверенности* и *чувства вины*.

Роль ментора при доминанте-обличителе – это роль *перевоспитуемого*. Ни его знания, ни его усердие не имеют значения для доминанта-обличителя. Доминант постоянно показывает ему, что только отказавшись от упорства в своих *неоправданных* и *неуместных* амбициях, он получит возможность стать *полезным участником* общего дела. Доминант-обличитель испытывает к подчиненному ментору *острое недоверие* и постоянное *желание сломить* дурное упорство ментора в его заблуждении по поводу собственной значительности. Поэтому такая совместность будет длиться до тех пор, пока у *перевоспитуемого* не появится возможность покинуть этот ад.

Роль перевоспитуемого может выполнять, например, ребенок, который уверен в собственной значительности, при обличителе родителе. Родитель использует свою власть для его исправления и для собственной радости. Родитель хочет, чтобы ребенок оставил свои странные идеи и не слишком много «понимал о себе». Основное усилие родителя-обличителя будет направлено на *«выбивание»* из его чада *недостойной и вредной глупости*. Цель перевоспитательных усилий родителя-обличителя сводится к тому, чтобы ребенок стал как все. Для своего и семейного блага.

Подчиненный обличитель

Совместность доминанта-обличителя с обличителем-подчиненным имеет наиболее хорошие шансы. Подчиненный-обличитель сам никому не верит и действия доминанта воспринимает как *естественные* и *осмысленные*. Ему понятны мотивы действий доминанта, потому что он сам находится в таком же субъектном состоянии и в такой же властной заинтересованности. Власть доминанта, которую тот использует для унижения и разоблачения других, представляется подчиненному-обличителю и закономерной и осмысленной. На его месте он действовал бы точно так же. Поэтому к капризам и непредсказуемым странностям доминанта он будет проявлять понимание. Роль подчиненного обличителя – это *роль сочувствующего*.

Роль сочувствующего может играть в семье ребенок, чье субъектное состояние совпадает с состоянием родителя. Он с пониманием относится к своему родителю и ему не жалко своего брата в роли перевоспитуемого ментора. Страдания ментора он считает заслуженным наказанием за стремление выделиться и быть лучше других.

Подчиненный деспот

Деспот-подчиненный к *подозрительности* обличителя относится с пониманием, но считает, что тот действует слишком мягко. Деспот *не одобряет* обличителя-доминанта за его *сдержанность* и считает, что тому следовало бы вести себя *пожестче*. Но поскольку он находится во власти доминанта, то ему приходится помалкивать. Для доминанта-обличителя деспот-подчиненный -- явление, с одной стороны, привлекательное, а с другой – не совсем близкое. Обличитель хочет *искреннего* к себе отношения, поэтому он считает, что насилие, если и необходимо, то только как крайняя мера. Условия, в которых можно преодолеть дурную волю другого, не обязательно должны быть связаны с принуждением.

Обличитель считает, что деспот *глуповат*, что его понимание слишком *ограничено*, а действия слишком *прямолинейны*. Но к *неравнодушию* деспота доминант-обличитель относится с *уважением* и считает, что тот полезен. Деспот-подчиненный может *заставить* других *бояться* справедливого возмездия. Роль деспота при доминанте-

обличителе – это роль *исполнителя наказаний*: в этом качестве он чувствует удовлетворение от своего участия в общем деле и его радует, что другие его *уважают и побаиваются*. Эту роль он выполняет даже более *увлеченно*, чем хотелось бы доминанту. Поэтому обличитель-доминант вынужден постоянно *сдерживать* рвение деспота-подчиненного и *направлять* его активность. Но доминанту-обличителю деспот в роли исполнителя наказаний тоже нужен и удобен, в крайнем случае, излишнюю *жестокость* наказания можно свалить на исполнителя. Поэтому совместность деспота-подчиненного и доминанта-обличителя может быть вполне перспективна для обоих.

Если продолжить пример семейных отношений, то один из членов такого семейства вполне может быть исполнителем наказаний. Сам обличитель не особо склонен к насилию, оно ему радости не доставляет. Но для целей *перевоспитания* или для *наказания* можно прибегнуть к услугам деспотичного родственника.

Доминант-обличитель хотя и озабочен положением общих дел, но постоянно подозревает своих подчиненных в неискренности и злонамеренности. При доминанте-обличителе возникают следующие субъектные роли – паритетный подчиненный выполняет *роль психиатра*, ментор – *перевоспитуемого*, обличитель – *сочувствующего*, а деспот играет роль *исполнителя наказаний*.

18. Деспотическое доминирование

Власть как таковая является основным смыслом и основной отрадой существования деспота-доминанта. Поэтому в первую очередь его заботит, чтобы общие смыслы развивались только так, как он того хочет, и чтобы каждый его подчиненный относился к этим смыслам только так, как доминант-деспот считает нужным. Другой – это только *инструмент* продолжения *собственной воли* деспота. Поэтому при деспоте-доминанте любой подчиненный не имеет права не только действовать независимым образом, он не имеет права ни на собственные мысли, ни на собственные переживания.

Основным моментом внимания деспота-доминанта является *преодоление* любой *независимости* его подчиненных. В предельном развитии деспотической совместности любой, кто находится во власти деспота, должен уподобиться бездушному механизму, который приводится в действие только волей доминанта. Для деспота-доминанта все, что не совпадает с его собственным пониманием должно быть или *преодолено* или *изгнано*. Деспот-доминант хочет, чтобы другой мыслил только так, как мыслит он сам. Поэтому все участники такой совместности должны думать и чувствовать одно и то же, все должны быть как один.

Общность понимания, доведенная до *одинаковости переживаний*, возможна при единственном условии – *общий* для всех смысл должен стать *единственным и обязательным* смыслом существования *каждого*. Для осуществления своей личной власти и переживания *радости справедливого принуждения* деспоту-доминанту необходимы *идеалы*. *Идеальные* представления о смысле совместного существования позволяют деспоту решить одновременно две задачи. Во-первых, он сам может *почти верить* в их *прекрасную разумность*, а во-вторых, он может *принуждать* других следовать этим *прекрасным представлениям*, используя эти представления в качестве основания для осуществления желанной для него власти.

Когда есть идеалы, воля деспота-доминанта может быть направлена на их утверждение в качестве *единственно достойного и возможного* способа мышления для всех. Насаждение идеалов обеспечивает одновременно и *прекрасное существование для всех*, и *полный контроль* деспота над каждым. Деспотическая совместность – это всегда совместность в *обязательных идеологических* представлениях и смыслах. Существование *идеальных и обязательных* для всех представлений об общих для всех ценностях является *единственным* условием деспотического доминирования.

Любая деспотия может быть построена только на *обязательных* для всех *идеальных представлениях*. При этом не важно, какие смыслы или представления используются деспотом как общие и *идеологически обязательные*. Это может быть и отношение к *традициям*, и *правила отношения* к родителям, и *идеалы* нового мира, который возникнет когда-либо для общего блага, и идеальные представления о *самом деспоте*, которые другие должны обязательно разделять.

Существование общей и обязательной для всех *идеологии* создает условия, в которых действия деспота получают формальное оправдание. Его *жестокость* – это *вынужденная необходимость* для построения идеального существования. Отношения деспота-доминанта с любимым, кто находится в его власти – это отношения в рамках общих для всех и обязательных представлений об идеальном.

Паритетный подчиненный

В совместности с деспотом-доминантом безусловная ценность личной свободы *паритетного подчиненного* полностью вытесняется обязательным отношением к общим идеалам. Поэтому проявление заинтересованности в личной свободе и радости быть собой вступает в непреодолимое противоречие с *требованием обязательного подчинения* общим ценностям и общим представлениям об идеальном. Даже сомнение в ценности существующих идеалов будет восприниматься деспотом-доминантом как *личное оскорбление* и *угроза личной власти*. Деспот может терпеть *ограниченную* независимость паритетного подчиненного, если это нужно для смысла в общей необходимости, скрывая до времени от него свою *ненависть* и свой *гнев*. Но когда возможность представится, и необходимость в паритетном подчиненном исчезнет, деспот *отомстит* за свое *скрытое страдание*.

Радоваться можно только *разрешенным радостям* и только в рамках общей идеологии. Поэтому радость быть собой рассматривается деспотом-доминантом как *личное преступление*. И дело не в том, что иное понимание плохо. Иное плохо не потому, что оно плохо, а потому что не совпадает с волей деспота, которая может быть реализована только в общих для всех и обязательных идеологических смыслах. Можно сказать, что совместность между деспотом-доминантом и паритетным подчиненным – это совместность во взаимной несовместимости ценности личной свободы и ценности личной власти.

Поэтому для деспота-доминанта паритетный подчиненный – это недопустимое явление. Если паритетного подчиненного деспот не может заставить думать по-своему, его необходимо изгнать, он представляет угрозу смыслу и радости личной власти. Для паритетного подчиненного остается только надежда выбраться со временем из этой совместности. Но если такой перспективы нет, то продолжение такой совместности – это *смерть заживо*. Естественная потребность паритетного подчиненного быть полноценным участником общих смыслов становится неосуществима. Переживание своей *невостробованности* превращает его существование в бессмысленное. В совместности с деспотом-доминантом роль паритетного подчиненного – это роль *жертвы и изгоя*.

Роль изгоя или жертвы может играть, например, свободолюбивый ребенок, к своему несчастью родившийся в семье деспота родителя. Родитель сделает все возможное, чтобы подчинить себе волю своего ребенка, объясняя это необходимостью следования, например, семейным традициям. А для большей убедительности превратит существование своего чада в невыносимое. Если ребенок останется в живых и не станет жертвой, он покинет отчий дом при первой возможности. Для приличия деспот родитель будет сокрушаться, но про себя вздохнет с облегчением. Для них обоих такая совместность – это непрекращающееся взаимное наказание и страдание.

Подчиненный-ментор

Ментор-подчиненный в совместности с деспотом-доминантом имеет единственную возможность – отказаться от понимания собственной значительности и стать усердным сторонником и продолжателем *великих идей* деспота-доминанта. Отказ от переживания собственной значительности и ценности собственного понимания тождественен отказу от своего предназначения. И если такая цена ментору-подчиненному кажется возможной, то совместность будет осуществима. При этом деспот, скорее всего, будет понимать переживания ментора и испытывать к нему *радостное презрение*. Ценности ментора оказались ничтожными, как и он сам. Отказ ментора от своих «ничтожных» ценностей – это просто признание *объективной справедливости*, которую олицетворяет деспот. И за отказ от своей воли, ментор получает справедливую награду – возможность находиться во власти деспота и быть участником общего дела, величие идеалов которого ментор-подчиненный признал.

Подчиненный-ментор, отказавшийся от переживания своей значительности и безусловной ценности своего понимания ради идеалов доминанта-деспота, вынужден имитировать свою *глубокую убежденность* в ценности обретенного понимания. И его переживанием будет *страх разоблачения*, что его *искренность недостаточна*. Сам-то он знает, что предпочел *новое знание* не потому, что оно оказалось лучше его собственного. Необходимость – в деньгах, почете или чем-то еще, -- не важно, -- заставила его совершить *обмен*. Но обмен в любом случае оказался *несимметричным*. Хотя ментору по-прежнему кажется, что у него есть возможность убедить других в ценности своих смыслов, и он не сомневается, что даже осуществляя просвещение в разрешенных деспотом рамках идеологии, он будет содействовать и просвещению, и смягчению нравов. Роль ментора в совместности с деспотом-доминантом – это роль *шута*.

Ментор не может не понимать *комичной уродливости* своего положения и не осознавать *противоречивости* своего положения. Он искренне хотел бы осчастливить других радостями собственного понимания, а вместо этого вынужден *убеждать их* в ценности идеалов, которые для него самого, по меньшей мере, *не бесспорны*, и объяснять им величие доминанта-деспота, глубоко пряча в себе переживание собственной значительности. Переживание ментора-подчиненного в такой совместности связано с постоянными *угрызениями совести*, и его существование в такой совместности превращается в постоянную борьбу с самим собой.

Если все же ментор предпочтет остаться при своем понимании собственной значительности и признании ценности своего понимания, то у него в такой совместности сохраняется единственная возможность – отказаться от выражения собственных смыслов, т.е. остаться нереализованным. У ментора в совместности с деспотом-доминантом существует *тяжелый выбор* – или жить с переживанием своей *нереализованности*, или испытывать *угрызения совести*. Поэтому, как только представится возможность, ментор покинет совместность с деспотом-доминантом и постарается забыть об этом, как о страшном сне.

Роль ментора при деспоте может играть, например, профессор при смене заведующего кафедрой или руководителя института. Если новый начальник -- деспот и согласен работать только с теми, кто поддерживает его «направление», то ментор-профессор будет вынужден оставить свои прежние взгляды и понимание собственной значительности и срочно *переучиваться* -- не терять же позицию из-за расхождения в совершенно абстрактных вопросах. (Электрон туда или сюда, какая, в конце концов, разница). Если же ментор предпочтет остаться при своих убеждениях, то ему придется, скорее всего, «выйти за штат» или, в лучшем случае, существенно сократить свои менторские возможности и радости, связанные с желанным отношением к себе других, которые в создавшихся условиях будут сильно ограничены.

Обличителя-подчиненного деспот-доминант почти устраивает. Конечно, деспот строг к другим, но как же без этого? Идеалы деспота, которые он без устали насаждает, не так уж и плохи. Другие в своей испорченности хотят вообще вещей чудовищных, а деспот-доминант *хочет порядка*. Поэтому принуждение к идеологическим смыслам кажется подчиненному-обличителю естественным и правильным. В конце концов, если каждый будет думать, что хочет, то непременно возникнет полный хаос. Общая идеология – это подарок для обличителя. На ее *формальном* основании он может разоблачать скрытые пороки других, действуя для общего блага и во имя общих интересов. Ну, а то, что идеалы деспота-доминанта не его собственные, так, пожалуй, он сам лучше и не придумал бы.

Поэтому для подчиненного-обличителя деспот-доминант – это счастливая возможность самому стать *человеком*. В служении общему благу он получает возможность *самоутверждения* и удовлетворения своего *честолюбия*. Деспот-доминант в подчиненном-обличителе видит естественное развитие своего смыслового осуществления. В конце концов, кто-то должен был оценить его по достоинству. Подчиненного-обличителя даже не надо заставлять, он и так все правильно понимает и старается. Поэтому роль обличителя при деспоте-доминанте – это роль *преданного соратника*.

Обличителю даже нечего скрывать, если конечно ему в *безумии* вдруг не придет в голову усомниться и в величии самого доминанта, и в достоверности всех его чудесных идеологий. Но чтобы такое *несчастье* с ним, не приведи Господи, не случилось, деспот заранее дает ответы на любые вопросы и без устали разъясняет любые затруднения. Да и примеры из жизни действуют вполне убедительно. В этом случае ни у доминанта-деспота, ни у обличителя-подчиненного проблем не возникнет.

Роль *преданного соратника* может играть, например, ученик-ябеда при деспотичном учителе. Преданность ученика льстит учителю, а ученик имеет возможность тешить свое *честолюбие* близостью к учителю и радоваться возможности разоблачать тайные пороки и грехи других. Его стремление к превосходству над другими получает удовлетворение.

Подчиненный деспот

Деспот-подчиненный для деспота-доминанта – это предмет особых переживаний и забот. Они прекрасно понимают друг друга. Хотя, может быть, даже слишком хорошо, как иногда кажется доминанту. Деспот-подчиненный испытывает искренний восторг перед доминантом, потому что сам хотел бы быть на его месте. Поэтому основная забота доминанта – постоянно показывать *смышленому* подчиненному, что на своем месте он не случайно и может это доказать в любой момент. Поэтому совместность между деспотом-доминантом и деспотом-подчиненным связана с необходимостью постоянно указывать подчиненному на его место.

Доминант-деспот постоянно должен демонстрировать, что находится в *прекрасной форме*, чтобы, неровен час, подчиненный не подумал чего-то иного. И хотя деспоту-доминанту приходится относиться к такому подчиненному с постоянным вниманием, он – его единственная опора. Никто не сможет лучше подчиненного-деспота понять, что происходит и что нужно делать. В его руках будущее. Роль деспота-подчиненного при деспоте-доминанте – это роль *наследника*.

Но поскольку сам деспот-доминант на *пенсию* не собирается, то и *наследнику* приходится *выжидать*. Возможность того, что подчиненный захочет поторопить события, является постоянной и тайной *тревогой* доминанта. Но он сделает все возможное, чтобы этого не произошло. Поэтому в совместности между деспотом-доминантом и деспотом-подчиненным всегда существует острое недоверие и подозрительность. Но оба прекрасно понимают правила игры. Если попытка доминанта

продолжить затянувшееся сверх меры доминирование или попытка подчиненного получить доминирование раньше срока окажется неудачной, то каждый участник такой совместности вынужден будет отнестись к последствиям этой неудачи, как к закономерной неизбежности. Можно сказать, что в такой совместности основное и взаимно скрываемое переживание – это переживание *страха* неизбежной развязки.

Роль наследника может выполнять родственник, приближенный к деспотичному главе семейства. Глава семейства полагается на наследника, поскольку только наследник понимает его самого и находится в курсе всех дел, но в их отношениях постоянно присутствует взаимная настороженность.

Деспот-доминант заинтересован не только в осуществлении смысла общей необходимости. В не меньшей мере он заинтересован в возможности осуществления личной власти. В совместности с деспотом-доминантом появляются следующие субъектные роли: паритетный подчиненный – это *жертва и изгой*, ментор играет *роль шута*, обличителю достается роль *преданного соратника*, а деспот играет роль *наследника*.

19. Структура переживаний субъектного состояния

Каждый человек принадлежит одновременно множеству контекстов, и в каждом контексте для человека существует своя референтная группа, со своими отношениями, проблемами и переживаниями. Но в каждом контексте существования человек может принадлежать только одному из четырех типов совместностей, которые описаны выше. Поэтому существование любого человека потенциально связано с его включенностью в контексты всех четырех типов совместностей доминирования. В контексте каждого типа субъектное состояние человека определяет его субъектную роль, от которой зависит его вынужденное отношение к себе и его вынужденные переживания.

Например, человек может быть участником паритетной профессиональной совместности, одновременно находиться в близких личных отношениях с персоной-ментором, поддерживать отношения с родственником-обличителем и принимать участие в жизни своего деспотичного родителя. В каждом из перечисленных контекстов возникают ситуации, когда сам человек оказывается во власти другого, и вынужден исполнять субъектную роль, которая определяется его собственным субъектным состоянием и субъектным состоянием доминанта.

Поэтому для каждого типа субъектного состояния человека существует набор *вынужденных переживаний*, который определяется присущим этому состоянию набором субъектных ролей. Человек *паритетного типа личности* находится в роли равного среди равных, городского сумасшедшего, психиатра и изгоя. Человеку *менторского типа личности* приходится исполнять роли непризнанного гения, первого ученика, перевоспитуемого и шута. Человек *обличительного типа личности* исполняет роли борца за справедливость, упрямого правдолюбца, сочувствующего и преданного соратника. Состав ролей человека с *деспотическим типом личности* включает в себя роль отверженного, решительного солдафона, исполнителя наказаний и наследника.

Можно сказать, что набор ролей определяет *структуру переживаний* личности каждого типа. Структура переживания личности каждого типа включает в себя всего четыре составляющие, разумеется в рамках данного описания.

В структуре переживаний *паритетного типа личности* роль «равного среди равных» является источником переживания *личного достоинства*. И основание м для переживания личного достоинства является понимание значения своего участия «*по гамбургскому счету*», т.е. сообразно со своей объективной необходимостью во взаимно необходимом. Роль городского сумасшедшего дает переживание *неловкости* от необходимости закрытой позиции. Роль психиатра добавляет переживание чувства

жалости к себе и другому и переживание ограниченности своей *востребованности*. А роль жертвы или изгоя является источником переживания *ненависти* и *бессмысленности* своего существования из-за своей *невостребованности*.

Для *менторского типа личности* в структуре переживаний роль непризнанного гения создает переживание *обиды* из-за несправедливого *унижения личного достоинства* и *ревности* к другим. Роль первого ученика вызывает чувство *снисходительного превосходства* и переживание *зависти*. Роль перевоспитуемого вызывает переживание *ненависти, страха разоблачения, неуверенности и чувство вины*. С выполнением роли шута связано переживание *презрения* к себе и *угрызения совести*.

Структура переживаний обличительного типа личности определяется набором субъектных ролей. Роль борца за справедливость создает чувство *высокомерия* и *презрения* к другим. Роль упрямого правдолюбца создает переживание *унижения несправедливостью*. Роль сочувствующего позволяет испытывать радость от *воздаяния* за несправедливость. Роль преданного соратника является источником переживания *высоко оцененного достоинства и удовлетворенного честолюбия*.

Структура переживаний личности деспотического типа имеет иной состав. Роль отверженного является источником *скрытого гнева* и *ненависти*. Роль решительного солдафона связана с переживанием *унижения* от своего *ничтожного* положения и переживанием *презрения* к другим. Роль исполнителя наказаний создает переживание *уважения к себе и частичного удовлетворения жажды власти*. Роль наследника связана с переживанием своей *безусловной уместности, надежды на власть и тревоги* за свое будущее.

Воля к радости определяет желанные контексты существования человека. Поэтому для каждого типа личности существуют предпочтительные условия для осуществления своего смыслового присутствия. Со своей включенностью в желанную для себя совместность человек связывает достижение желанных для себя переживаний. Поэтому для каждого типа личности существует тип желанной совместности в необходимости.

Для личности паритетного типа желанна совместность или с паритетным доминантом или, по крайней мере, с доминантом-ментором. В этих совместностях паритетный тип личности надеется на реализацию своего смыслового присутствия и на существование в переживании своего подтвержденного достоинства. Существование в совместностях обличительного типа возможно только в крайнем случае, а совместность с деспотом для паритетного типа личности является постоянным напоминанием о страхе Божьем.

Для личности менторского типа совместность с ментором-просветителем является единственно желанным типом существования. В такой совместности его чувство собственного достоинства не унижено. В паритетной совместности он может находиться, но только вынужденно, потому что будет переживать унижение от непризнанности своих значительных дарований. Совместность с обличителем и тем более деспотом – это тяжелое испытание, и о возможности таких совместностей он может думать только с ужасом.

Личность обличительного типа тяготеет или к доминанту-обличителю или к деспоту. В совместности с другим обличителем обличитель надеется на понимание и удовлетворение своего чувства справедливости. С деспотом он связывает возможность удовлетворения своего честолюбия и самоутверждения. Паритетный доминант для него связан с постоянным унижением и ограничением своего стремления к справедливости. Ментор-доминант также не привлекателен для личности обличительного типа: в совместности с ним стремление к справедливости тоже не получает поддержки.

Для личности деспотического типа самым привлекательным является совместность с доминантом-деспотом. В такой совместности деспот чувствует свою полную уместность. Его жажда власти получает возможность удовлетворения, хотя и ограниченную *пока* контролем доминанта. Участие в совместности с обличителем для деспота – компромисс. Удовлетворение потребности в насилии, конечно, ограничено его

служебной функцией, но вполне достаточно, чтобы не испытывать унижения. Совместность с паритетным доминантом лишена для деспота всякого смысла: он не хочет переживания своей отверженности. А то, что может предложить ему ментор, – слишком ничтожно, впрочем, как ничтожен и сам ментор.

Очевидно, что когда люди вступают в свободные личные отношения, они не могут не понимать, что в развитии даже таких отношений неизбежны ситуации, в которых кто-то один будет иногда доминировать, и другой окажется в его власти. Существование во взаимно свободных отношениях связано с поочередным доминированием каждого из участников. Поэтому даже свободный выбор референтной группы каждого человека определяется типом его личности и желанным для него типом совместности.

20. Три составляющие воли к радости

Существование человека в необходимости создает ситуации вынужденного или, по крайней мере, ограниченного выбора. Независимо от субъектного состояния, любой человек стремится к тому, с чем он связывает обретение радости. Каждый *тип вынужденной совместности* связан для человека с *вынужденными переживаниями*, которые определяются его субъектной ролью. Необходимость, присущая человеческому существованию, является и причиной необходимости приложения усилий для достижения объектных результатов, и причиной необходимости пребывания в вынужденных совместностях, с которыми связан вынужденный характер переживаний каждого человека.

В любом контексте человек достигает объектных результатов, за которые он вынужден *расплачиваться* не только своими *усилиями*; цена достижения – это вынужденность *переживаний*, которые связаны с нахождением одного человека во власти другого. Каждый человек принужден исполнять свою роль, которая связана не только с выполнением действий, но и с определенными переживаниями. Поэтому участие человека в общей обязательности – это и осуществление необходимых действий, и пребывание в вынужденных отношениях и вынужденных переживаниях.

Человек от человека хочет не только осуществления действий и связанных с ними объектных результатов -- человек хочет определенного отношения к себе. Поэтому власть одного человека над другим – это не столько принуждение к внешнему поведению, сколько принуждение к желанному для себя отношению другого человека. Иначе говоря, существование человека в вынужденной совместности – это существование и в принуждении к *действиям*, и в принуждении к *переживаниям*. Можно сказать, что над объектными целями человека находятся цели, связанные с достижением нужного для человека отношения к себе других.

Объектные цели можно понимать как *инструментальные средства*, при помощи которых человек достигает, в частности, и желанных для себя переживаний, связанных с вынужденным отношением к нему других людей. Такая формулировка в равной мере относится и к целям человека *паритетного типа*, который хочет радости от взаимной свободы и взаимной осмысленности, и к целям *деспота*, заинтересованного в своей радости от страданий других, находящихся в его власти. Можно сказать, что *объектная заинтересованность* человека – это его заинтересованность в достижении желанных для себя переживаний, связанных с осуществлением его властных устремлений и достижением нужного ему отношения к себе других людей.

Каждый из смертных вынужден зарабатывать для себя и своих близких. Его *объектные достижения*, например, деньги, необходимы для физического продолжения жизни. Но человек трудится не только из-за хлеба насущного, но также из-за необходимости обрести такое отношение к себе других, которое он считает для себя *достойным*. А представление о достойном связано с представлениями человека о том,

что считается достойным теми, с кем он находится в *значимой* для себя *смысловой совместности*.

Иначе говоря, стремление человека к внешним результатам связано с его стремлением к достижению того, что соответствует его представлениям о *правильном* и о *достойном*. В любом контексте своего существования человек осуществляет свое смысловое присутствие. Нахождение человека в любой вынужденной совместности связано с переживаниями, которые определяются представлениями человека о принятом, его заинтересованностью в желанном отношении к себе и его представлениями о своем *предназначении*. Выбор, который осуществляет каждый человек в необходимости, определяется тремя составляющими отношения человека к себе – его пониманием *общепринятых представлений*, желанным для него *отношением других* людей в осуществлении его властных устремлений и его отношением к своему *предназначению*. Все это вместе взятое определяет представление человека об осмысленности и ценности его существования.

Первая составляющая переживаний связана с представлением человека об общепринятом. Мера соответствия условий его существования общепринятым представлениям определяет переживания человека, которые можно назвать *социальными переживаниями*. Вторая составляющая определяется желанным человеку отношением к себе других, кто находится в совместности с ним, и в связи с кем он может проявлять свои властные устремления. Соответствие между желанным и фактическим отношением к себе других связано с переживаниями, которые можно назвать *переживаниями отношений* или переживанием *властного осуществления*. Третья составляющая определяется тем, что человеку представляется осмысленным в связи с его пониманием своего предназначения. Переживания, связанные с отношением человека к осуществлению им своего предназначения, можно назвать *переживаниями личного творческого осуществления* своего предназначения.

Таким образом, можно сказать, что отношение человека к себе определяется тремя типами переживаний – *социальными переживаниями*, *переживаниями отношений* или переживаниями *властного осуществления* и *переживаниями личного творческого осуществления*. Поэтому выбор, который стоит перед любым человеком в необходимости – это выбор *компромиссного баланса* между переживаниями трех типов. Это означает, что выбор, который осуществляет человек в своем стремлении к лучшему, зависит от *значения*, которое он придает каждой из трех составляющих отношения к себе и связанными с этими составляющими переживаниями.

Можно сказать, что воля к радости – это одновременное стремление к желанным для человека переживаниям, которые принадлежат трем разным аспектам его существования – *социальному*, *властному* (или *отношенческому*) и аспекту *личного творческого осуществления*. Желанная для человека радость зависит от того, с каким из этих аспектов человек связывает для себя лучшее и в каком соотношении находятся эти три составляющих. Т.е., лучшее, к которому каждый человек стремится, определяется одновременно тремя мотивами или личными ответами на три вопроса. Что меня, как участника существования в *обыденном* радует? Что для меня важно в *отношении* ко мне других людей, с которыми я нахожусь в отношениях *взаимной властности*? Что я хочу в связи с *осуществлением* своего *личного предназначения*?

21. Товар – чувства – товар

Если в сознании человека представление о своем личном предназначении не выражено, то его существование зависит, главным образом, от социальных и отношенческих переживаний. Можно сказать, что при невыраженной *личной составляющей* отношения к себе *принятое в обществе* представление о *достойном обладании* вещами и о *правильном отношении* к себе окружающих вытесняет

собственное понимание человеком желанного для себя, как творческой личности. В этом случае выбор, который осуществляет человек, определяется его стремлением к соответствию *общепринятым представлениям*. Общепринятые представления содержат в себе представления о ценностях существования, о разных типах вынужденных совместностей и о разных типах отношений и переживаний. Можно сказать, что общепринятые представления об обыденном – это множество традиционно существующих образов *социальных ролей*, для каждой из которых существуют свои собственные эталоны "правильного" и "достойного".

Каждая социальная роль содержит принятые представления об обладании теми или иными вещами и о достойном образе жизни, который позволяет человеку относиться к себе, как к *уважаемому* члену общества. Основным направлением усилия человека, в случае слабо выраженной составляющей личного отношения к себе, становится его *стремление* к желанной для него *социальной роли* и к *соответствию* существующим в связи с ней *представлениям*.

Желание соответствовать представлениям о социальной роли связано с необходимостью *подтверждения* другими своего соответствия. В этом случае существование человека оказывается в зависимости от того, как *оценивают* окружающие и его объектные результаты, и отношение к нему других людей. Иными словами, *собственные переживания* человека зависят от того, *удовлетворяет ли он представления других* о соответствии исполняемой им социальной роли и получает ли их *одобрение*. При ослабленной составляющей личного отношения к себе, отношения человека с другими становятся *обезличенными*. В этом случае человек для человека не столько личность, сколько социальная роль, соответствие которой оценивается и самим человеком и его окружением.

В обезличенных отношениях человек *может позволить себе радоваться* только когда его достижения получают *достойную* оценку *окружающих*. Существование в обыденном связано с *заинтересованностью* человека в подтверждении другими его *знакового соответствия* исполняемой им социальной роли. Необходимость подтверждения «знакового соответствия» делает существование *демонстративным*. Что, каким образом и кому нужно *демонстрировать*, зависит от того, какие представления об обыденном существуют в той или иной совместности.

В обезличенном существовании *личные переживания осуществления* человека вытесняются *социальными* и *отношенческими* переживаниями. Поэтому вынужденность переживаний, связанных с исполнением социальной роли, становится основным моментом в достижении человеком знаково представимых результатов. Обладание *желанными вещами*, которые имеют социально знаковое значение, рассматривается как *справедливый* результат *усилий* и *вынужденных переживаний*. Можно сказать, что в обезличенном существовании *обмен* личных чувств на «*товар*» представляется естественным и признаваемым способом достижения желанных результатов.

Например, *хорошая* работа позволяет зарабатывать *деньги*, чтобы вести достойный образ жизни. При этом *унижение*, которое, например, испытывает человек от своего начальника, может рассматриваться им в качестве приемлемого условия обладания вещами, которые у других вызывают желанное для человека отношение к себе. В обмен на унижение человек может получить желанное отношение к себе других людей и связанные с этим отношения их переживания, например, чувства благодарности, восхищения или зависти.

Возможность появляться в обществе вместе с персоной яркой и привлекательной внешности может рассматриваться как признаваемый другими показатель *личной успешности*. Господин готов *покупать* присутствие дамы в своей компании для удовлетворения своего, скажем, тщеславия. А прекрасная дама готова *продавать* ему выполнение своей роли в обмен на возможность обладания вещами, которые вызывают к

ней желанное для нее отношение других. Чувства обмениваются на товар, чтобы снова превратиться в чувства.

Существование в представлениях обыденного – это существование в представлениях о правилах *справедливого обмена* своих *переживаний* на обладание желанными *вещами*. И одновременно – это существование правил *обмена вещей* на *желанные переживания*. В таком понимании формула «*товар – деньги – товар*» превращается в формулу «*товар – чувства – товар*». А формула «*деньги – товар – деньги*» становится формулой «*чувства – товар – чувства*». Поэтому за *объектной заинтересованностью* человека всегда находится его *заинтересованность* в желанном к себе *отношении* и в желанных *переживаниях* как своих собственных, так и переживаниях других людей.

Однако если личное отношение к своему существованию становится значимым для человека, то осмысление человеком себя уже не ограничивается только рамками представлений об общепринятом. *Личное отношение* человека к себе позволяет ему придать смысл своему существованию, который не связан с обезличенными представлениями обыденного. В этом случае для человека появляется возможность *переживания радости*, которая не связана непосредственно с *одобрением или признанием* окружающих. Поэтому личное отношение человека к осуществлению своего предназначения дает ему личную свободу от принятых в обыденном представлений и связанных с ними переживаний.

Это не означает, что необходимость соответствия принятым знаковым формам полностью теряет для человека смысл, когда у него появляется личное отношение к себе. Но *возможность личного отношения* к безличным *представлениям об общепринятом* становится необходимым условием для придания личного смысла своему существованию и для осуществления своего предназначения. Таким образом, основной вопрос личного существования – *что я делаю здесь и сейчас и какая мне от этого радость* – можно сформулировать так: «*Какое личное отношение к общепринятому мне необходимо для обретения радости в моем существовании здесь и сейчас?*».

III. Человек для других

1. *Отношение к будущему, как основание смысла личного настоящего*

В любом представлении человека о собственном настоящем содержится и представление о желанном для себя будущем. Именно представление о будущем, на которое надеется или в которое верит человек, придает личный смысл его существованию и является основанием для приложения осознанных личных усилий. Можно сказать, что надежда на будущее – это надежда на осуществимость лучшего бытования, которое имеет смысл только в связи с собственным существованием человека. Но существование человека – это всегда существование его телесного, связь с которым придает смысл объектному представлению о будущем.

Однако достаточно часто человеку приходится прилагать усилия, результаты которых с существованием его телесного непосредственно могут быть и не связаны. Например, можно строить дом для своей семьи и отдавать себе отчет, что ему самому пожить в этом доме долго не удастся, например, из-за возраста или состояния здоровья. Тем не менее, человек радуется тому, как идет стройка, рассматривает проекты интерьеров, радуется предвосхищению уюта и удобства дома, в котором ему жить не придется. Можно сказать, что человек радуется за своих близких, которым в этом доме будет хорошо. Но в этом случае основанием для приложения усилий является представление о будущем, которое к собственному телесному существованию уже непосредственно не относится.

Представление о будущем существовании других становится смыслом моего настоящего, даже если мое собственное телесное существование в этом будущем невозможно. Можно сказать, что в моем сознании находится представление о существовании других, которое придает смысл будущему, в котором мне самому уже нет места. Будущее других, в благополучии которых я заинтересован, становится для меня представлением, которое придает личный смысл моему настоящему. Такое понимание связи между собственным настоящим и будущим, которое не связано с собственным существованием, представляется *парадоксальным*. Парадокс заключается в том, что личное усилие связано с надеждой на лучшее будущее, но предвосхищаемое лучшее может быть не связано с собственным существованием в этом замечательном будущем.

Парадоксальность представлений о будущем, даже если в этом будущем нет представления о собственном телесном существовании, связана с тем, что эти представления продолжают иметь смысл для человека. Вопрос об осмысленности усилий, связанных с надеждой на лучшее будущее – это вопрос о понимании основания, которое придает личный смысл собственному участию в том, что, в конце концов, к собственному существованию уже относиться не может. В данном случае можно не рассматривать заинтересованность человека в непосредственных объектных результатах своего труда или в одобрении окружающих. Проблема заключается в том, чтобы понять, как можно придать личный смысл усилиям, результат которых с собственным существованием не связан.

Например, осознанное героическое поведение человека связано с действиями, направленными на будущее других, в котором его существование уже невозможно. Что является основанием его личного выбора, если результат героического поступка с его собственным существованием уже не связан? Зачем мне прилагать личное усилие для получения результата, который мне уже будет не нужен. Переживание какого представления о лучшем будущем придает личный смысл моему настоящему, независимо от того есть мне в этом будущем место или нет.

2. *Иррациональное представление о своем существовании*

Все, что существует для сознания человека, существует только потому, что существует он сам. Сознание – это возможность отношения к существованию. Только с позиции собственного существования для человека существует все, к чему он способен отнестись, что он способен осознать и прочувствовать. В таком понимании, мир – это представления о реальности, которые существуют для каждого человека только потому, что каждый человек есть для себя. Представления о том, что есть, и о том, что будет, принадлежат настоящему человека и придают смысл его существованию. Если считать, что в основании существования человека находится воля к радости, то его существование непосредственно связано с осуществлением его воли к радости.

Представление о лучшем будущем, с которым человек связывает надежду на более полное осуществление своей воли к радости, придает смысл его существованию в настоящем. Поэтому стремление человека к лучшему тождественно его стремлению воплотить представления о будущем, в которых его воля к радости получает более полное и более свободное осуществление. Можно сказать, что представление о *лучшем будущем* всегда является представлением о более полном и более свободном осуществлении воли к радости.

В предельном развитии представление о лучшем становится представлением о *невыразимо прекрасном будущем*, в котором воля к радости человека осуществлена в полной и ничем не ограниченной свободе. Такое представление сознания о будущем существовании ничем не ограничено, поскольку в представлениях сознания нет никаких ограничений, связанных с внешним миром. Представление о невыразимо прекрасном будущем – это представление об осуществленной воле к радости в безграничной свободе сознания человека.

Воля к радости создает в сознании человека представление о личном *счастливом* будущем в безграничной свободе сознания. В таком представлении о себе у человека возникает образ *полного осуществления* себя и как творческой личности, и как участника желанных отношений с другими, и как человека, успехи которого признаны и подтверждены всеми. Представление о безграничном и свободном осуществлении воли к радости принадлежит представлениям сознания, поэтому описание этого представления не сводится ни к прецедентной истории, ни к пониманию логических или социальных ограничений. Такое представление можно назвать *образом или представлением иррационального будущего*. Образ иррационального будущего не укладывается в рамки конвенциональных и логически непротиворечивых представлений о возможном в объектном бытовании. Поэтому описание этого образа с точки зрения прецедентно возможного и логически непротиворечивого представляется или *абсурдом*, или *парадоксом*.

Существование в объектном мире ставит человека перед необходимостью осознания вынужденных ограничений. Оказывается, что желанную для себя игрушку можно и не получить, потому что у родителей нет денег; кошка, с которой играть было радостно, может заболеть или исчезнуть; домик, построенный из кубиков, развалится еще до того, как другие его увидели. То, что в представлениях сознания существует как само собой разумеющееся и не ограничено никакой необходимостью, сталкивается с вынужденными ограничениями объектного мира, которые в сознании представлены как *неожиданные* и досадные *прецеденты*. Прецеденты объектного бытования создают представления об ограниченных возможностях осуществления воли к радости.

Список *огорчительных ограничений* объектного существования можно продолжить до бесконечности. Однако общее в этих и прочих эпизодах связано с неожиданным расхождением между свободой существования в представлениях сознания и необходимостью осознать вынужденные ограничения своих возможностей в условиях объектного бытования. Представления о своих ограничениях в мире всегда связаны с

прецедентной историей существования. Прецеденты объектных ограничений существования превращают представление о *безграничном осуществлении воли к радости будущего* в представление о будущем, в котором радость существования *ограничена прецедентно возможным*.

В переживании человеком прецедентно возможной радости будущего представлено понимание *ограничений* его творческих возможностей, *ограничений* его властных устремлений и *ограничений* признания окружающими его достижений и успехов. Это понимание связано с представлением о *необходимости*, которая является общим моментом существования каждого человека. Содержание представления о прецедентно возможном будущем можно конвенционально и логически непротиворечиво выразить и объяснить другим людям, и в этом отношении такое представление можно считать *рациональным*. Представление человека о прецедентно возможном будущем можно назвать *представлением или образом рационального будущего*.

Образ рационального будущего возникает, когда на представление об иррациональном будущем накладываются прецедентные представления, ограничивающие свободу осуществления воли к радости. Поэтому к иррациональному представлению о будущем можно относиться как к *основанию*, на котором возникает представление о лучшем будущем в условиях ограниченной необходимостью свободы осуществления воли к радости. Т.е., образ рационального будущего придает смысл настоящему, но за ним *всегда находится* образ иррационального будущего, который является его основанием.

Рационально необъяснимое основание личных усилий, которые направлены на достижение целей, не связанных непосредственно с личным существованием, получает объяснение в иррациональных представлениях человека о своем будущем существовании. Иррациональное представление человека о своей безграничной свободе соединяет личное существование в настоящем с представлением о себе в будущем, даже если в этом будущем собственное существование рационально невозможно. Другими словами, образ иррационального будущего *включает* в себя представление о личном существовании, даже если для этого существования нет никаких рациональных оснований. Само иррациональное представление о своем существовании является основанием, в связи с которым возможно личное и глубоко заинтересованное отношение к будущему, в котором собственное участие рационально не возможно.

Иначе говоря, иррациональное представление человека о своем будущем, являясь основанием для рационального понимания прагматических целей настоящего, одновременно является основанием, в связи с которым настоящее приобретает личный смысл для человека. Поэтому основной вопрос личного существования – *что я делаю здесь и сейчас и какая мне от этого радость* – становится вопросом о связи *рационального и иррационального* представлений о будущем собственного существования.

Основная проблема личного существования заключается в непримиримом противоречии между потребностью человека в *непрерывности* и *неслучайности* своего существования и представлением о непредсказуемости и конечности своего объектного бытования. Эта проблема связана с тем, как человек относится к своим рациональным и иррациональным представлением о лучшем будущем.

К иррациональному представлению о лучшем будущем человек может относиться по-разному. Он может считать такое представление или безусловной и основной ценностью своего существования, или *глупой и бесполезной фантазией*. Но независимо от того, какое отношение возникает у человека, этот образ существует для него как представление сознания о полноте осуществления его воли к радости в неограниченной свободе. Отношение к иррациональному представлению о своем существовании является основанием для понимания человеком самого себя, окружающих его людей, смыслов и целей личного существования в объектном бытовании.

Рациональное объяснение поведения человека и его переживаний в настоящем невозможно без понимания его иррациональных представлений и его отношения к этим

представлениям. Парадокс заключается в том, что возможность понимания смысла *рациональных* и прагматически ориентированных действий человека непосредственно связана с возможностью понимания *иррациональных* представлений о собственном существовании человека.

3. *Рациональные и иррациональные представления*

Рациональным представлением принято считать все, что относится к осмыслению логически обоснованного и прецедентного подтвержденного. Научное мышление является мышлением рациональным. Целью рационального понимания является создание представлений, в рамках которых можно прогнозировать развитие явлений, находить причины существующих закономерностей и давать наблюдаемым явлениям понятное и логичное объяснение. Рациональные представления принадлежат представлениям мышления, в которых содержится понимание прецедентно возможного и логически обоснованного в объектном бытовании.

Рациональные представления являются основанием, благодаря которому возможно взаимное понятное выражение смысла, связанного с объектной природой человеческого существования и объектными отношениями между людьми. В основе рационального подхода находится логическая непротиворечивость и эмпирическая достоверность. Можно сказать, что мир современных представлений о реальности – это мир рационального подхода к явлениям объектного. Однако, несмотря на грандиозность достижений, связанных с рациональным подходом к объяснению и преобразованию мира, сам рациональный подход в принципе *ограничен*. Рациональные представления связаны с осмыслением, прежде всего, прецедентов, т.е. повторяющихся явлений. Прецедентная природа рациональных представлений ограничивает их применимость рамками самих *прецедентов*, на которых рациональные представления возникли.

Можно сказать, что рациональные представления о прошлом, настоящем и будущем принадлежат одному и тому же прецедентному множеству, к которому применим общий способ рационального мышления. Поэтому представление о будущем в рациональном подходе полностью находится в границах осмысленных исторических прецедентов, которые определяют прошлое, настоящее и будущее. Это означает, что рациональное представление о будущем полностью определяется пониманием прецедентно повторяющихся закономерностей прошлого.

Развитие рационального научного понимания связано с выявлением закономерностей, объяснение которых не укладывается в рамки существующих рациональных представлений. Поэтому любая наука, основанная на осмыслении прецедентного прошлого, применима для объяснения настоящего и прогнозирования будущего только условно и частично. Научное творчество направлено на расширение границ рационального понимания объективной реальности. Но основание любого творчества, в том числе и научного, связано с представлением человека о *возможности лучшего*, к которому относится, в частности, более полное и лучшее понимание. При этом *желанное лучшее понимание* часто не может быть выведено из существующих рациональных представлений. Это означает, что основание для *развития* рациональных представлений мышления находится в области иррациональных представлений сознания человека о возможности лучшего.

Иррациональные представления о лучшем будущем личного существования определяют возможности рационального понимания человеком условий и ограничений своего объектного бытования. В основании рационального понимания находится иррациональное представление человека о возможности лучшего в своем существовании. Поэтому осмысление человеком своего существования лишь частично сводится к рациональным представлениям о себе. Рационально можно осознать свое место среди других, оценить адекватность своего понимания или свою сообразность желанной для

себя социальной роли. Иначе говоря, рациональные представления являются средством, при помощи которого люди могут быть взаимно понятны и взаимно предсказуемы друг для друга в объектных и знаковых проявлениях совместного бытования. Но целью использования рациональных представлений является выражение и осуществление иррациональных представлений человека о смысле своего существования.

Можно сказать, что на пути осуществления иррационального представления о лучшем будущем находятся представления, которые рационально и прецедентно *ограничивают* свободу воли человека к радости. В рамках рациональных представлений человек может объяснить понятно свои намерения и ожидания от будущего, но эти намерения и ожидания основаны на его иррациональных и невыразимых представлениях о существовании.

4. Иррациональное представление и социальное осуществление

Существование человека – это, прежде всего, существование социальное. Человек существует среди людей и возможность смысловой совместности с другими позволяет ему осознать и самого себя, и окружающих. Можно сказать, что основным моментом социального существования является отношение человека с другими людьми в связи с общепринятыми представлениями, существование которых является необходимым условием для понятного выражения себя и для понимания смысла действий и намерений других.

Представления человека об общепринятом относятся к представлениям о *социальном*, к которому принадлежит каждый человек. В социальных представлениях содержатся примеры (прецеденты) возможного осуществления человеком себя в совместности с другими. *Образы этих социальных прецедентов* можно понимать как *социальные роли*, в которых реализованы представления о личном осуществлении себя, о своих отношениях с другими, о знаковых и объектных признаках, подтверждающих свое соответствие желанному социальному образу или социальной роли. Совокупность представлений о прецедентных социальных ролях можно назвать *социальной традицией*.

Социальная традиция в каждой общности людей – это набор представлений о социальных ролях и правилах взаимодействия между этими ролями. Представления социальной традиции – это наиболее общие представления человека о совместном социальном существовании. Сама социальная традиция является *прецедентной* по своей сути. Осуществление человеком себя в мире является, прежде всего, осуществлением социальным, которое определяется принадлежностью человека социальной прецедентной традиции.

Смысловое присутствие человека определяется не только его пониманием своего предназначения, но и его принадлежностью социальной роли, которая определяет и его возможности, и его отношения с другими людьми, и его переживания. При этом любой человек вынужден соотносить свое существование со своей социальной ролью, которая возникает по факту его включенности в социальную традицию. Взаимодействие между людьми возможно благодаря тому, что каждый из них включен в социальную традицию в той или иной прецедентной социальной роли.

Принадлежность к определенной социальной роли зависит как от самого человека, так и от других людей. Социальная традиция обеспечивает взаимную предсказуемость людей друг по отношению к другу и одновременно приводит к вынужденному *отождествлению* человека с общепринятыми представлениями о его месте среди других, которое определяется его социальной ролью. Т.е., принадлежность человека к социальной роли определяет и одновременно ограничивает представления других людей о его творческих и властных возможностях, о желанном отношении к себе, ограничивает и определяет его знаковые проявления.

Можно сказать, что любая социальная роль является прецедентным представлением о возможном объектном и знаковом существовании человека в данной социальной традиции. В каждой социальной роли представлены все три основных аспекта отношения человека к своему существованию – отношение к своему личному осуществлению, отношение к осуществлению своих *властных устремлений* и отношение к своей социальной успешности. И каждый из этих аспектов отношений определяет переживания человека в исполняемой им социальной роли, которая сама является традиционным *«предписанием»*, определяющим, что человеку можно хотеть, как себя чувствовать и к чему стремиться. Иначе говоря, принадлежность к любой социальной традиции не только обеспечивает возможность взаимного понимания, но одновременно *вынуждает* человека к переживаниям, которые соответствуют его социальной роли.

Возможность взаимного понимания в общей социальной традиции обеспечивается не только использованием общих средств знакового выражения, но и вынужденным присвоением человеку его социальной роли или социального образа, который является одним из условий взаимного понимания. Социальная традиция существует как условие взаимного понимания, но нахождение в ней связано с оплатой *«налога»* в виде своей *социальной определенности*, которая является одним из *обязательных условий* взаимно понятного выражения смысла в общей социальной традиции. Можно сказать, что в личной *социальной определенности* заинтересован и сам человек и другие люди, потому что социальная роль определяет условия смыслового присутствия человека и одновременно облегчает понимание между самим человеком и другими людьми.

Смысл высказываний и действий человека одновременно определяется и средствами знакового выражения и социальной ролью, которую человек выполняет в социальной традиции. Для человека важно не только понять, что говорит, например, его собеседник, но важно понять социальную роль своего собеседника. Иными словами, социальная роль определяет для человека не только его возможности, но и отношение других и к нему самому, и к его знаковым проявлениям.

Социальное существование человека связано с рациональными представлениями о нем, которые существуют у окружающих и вынужденно формируют ограничения в понимании человеком самого себя. Поэтому стремление человека к *социальному признанию* можно понимать как стремление к достижению условий для более полного и более свободного осуществления своего смыслового присутствия.

Социальная традиция позволяет воплотить иррациональные представления человека о смысле своего существования в рациональных правилах социальных отношений и в представимых образах социальных ролей. Поэтому отношение между иррациональным и рациональным представлением о будущем сводится к отношению между иррациональным образом своего существования и рациональными средствами своего социального осуществления. Иначе говоря, основная проблема существования человека среди других сводится к отношению между его иррациональным представлением о себе и рациональным представлением, которое определяется социальной традицией.

Стремление к осуществлению иррационального представления о себе – это стремление к полноте осуществления своей воли к радости, то есть стремление к свободе, в которой каждый человек является *самим собой*. Противоречие между рациональным и иррациональным представлением человека о лучшем будущем сводится к вопросу о том, в какой мере вынужденная принадлежность той или иной социальной роли ограничивает возможности человека быть собой в социальной традиции, к которой он принадлежит.

Этот же вопрос можно задать иначе: в какой мере моя принадлежность социальной традиции ограничивает мое стремление быть собой в совместности с другими. Тогда основной вопрос личного существования – *что я делаю здесь и сейчас и какая мне от этого радость* – становится вопросом о противоречии моего иррационального представления о себе с рациональными представлениями социальной традиции, в которую

я включен. Этот вопрос можно сформулировать так: «В какой мере я являюсь самим собой в моей социальной роли, чтобы радоваться здесь и сейчас тому, что я делаю?».

5. Личный смысл в социальном существовании

Возможность осуществления человеком себя в социальной традиции связана с *обязательной* принадлежностью к определенной социальной роли. С точки зрения социальной традиции, отношение между иррациональным представлением о себе и рациональным представлением сводится к вопросу о том, ради чего мне необходима моя социальная роль. Она является для меня *средством* осуществления смысла моего существования среди других или *смыслом* моего существования? Иначе говоря, противоречие между иррациональным представлением о себе и традиционным представлением других о моей социальной роли сводится к вопросу о *смысловом основании* участия в социальной традиции.

Возможны всего два ответа на этот вопрос. В первом случае основание для моего нахождения в социальной роли определяется смыслом моего существования. То есть, социальная традиция и выполняемая мной в этой традиции роль является *средством*, при помощи которого я осуществляю свое *смысловое присутствие*. Я нахожусь в общей социальной традиции с другими для осуществления своего смысла, который является смыслом моего предназначения. Например, предназначение хирурга может быть осуществлено лишь в рамках хирургического отделения и сопряжено с участием в социальной традиции медицинских лечебных заведений. В этом случае ограничения, связанные с его социальной ролью, носят характер «*технических*» затруднений. Мне нужна не социальная роль сама по себе, а возможность осуществления себя с ее помощью. Но осуществление своего предназначения связано с глубоко личными переживаниями. Поэтому основание собственного участия в социальной традиции в этом случае можно назвать *личным смысловым основанием*.

Личное смысловое основание для участия в социальной традиции связано с иррациональными представлениями человека о собственном существовании. Поэтому наряду с переживанием рациональных представлений, связанных с участием в социальной традиции, для человека существуют и переживания глубоко личные и иррациональные. «*Когда есть зачем, можно вынести любое как*». Личное основание социального участия позволяет относиться к социальным и отношенческим переживаниям как к «*служебным*». Это не означает, что личное основание для участия в социальной традиции избавляет человека от вынужденных переживаний, связанных с его социальной ролью. Но в отношении этих переживаний у человека повышается «*иммунитет*». Личное смысловое основание позволяет человеку *почти* оставаться собой, исполняя свою роль в совместной с другими социальной традиции. Эта роль становится средством осуществления своего предназначения.

Во втором случае основанием для участия в социальной традиции является представление человека о безусловной ценности его социальной роли. В этом случае социальная роль становится *смыслом* личного существования человека. Например, человек хочет быть *начальником*, и возможность осуществления начальственной социальной роли придает смысл его существованию. Иначе говоря, личный смысл человеку придает не его *иррациональное* представление о себе, а его *рациональное* представление о социальной роли, которую он выполняет в социальной традиции. В этом случае смысловое основание личного участия в традиции можно назвать *ролевым или социальным смысловым основанием*. При социальном смысловом основании иррациональное представление о своем существовании *замещается* представлениями человека о рационально возможном в данной социальной традиции.

Когда смыслом собственного существования становится социальная роль, переживания личного осуществления вытесняются переживаниями отношений с другими

людьми и переживаниями своего соответствия социальной роли. В этом случае смысл существования человека определяется не иррациональным представлением о будущем, а рациональным пониманием возможного лучшего в данной социальной роли и в данной социальной традиции. Рациональное представление о лучшем будущем связано с пониманием достижений, которые в данной социальной традиции понимаются всеми как правильные и желанные. Можно сказать, что ролевое основание формирует рациональное и *прагматическое* отношение к своему существованию. В этом случае, главным образом, для человека имеет смысл то, что прагматически ценно для его социальной роли и связанных с ней социальных достижений. Осуществление себя выглядит не как стремление быть собой, а как стремление быть тем, кем можно и полезно быть в рамках общепринятых представлений, ограниченных данной социальной традицией.

Ролевое основание для участия человека в социальной традиции лишает те его переживания, которые основаны на иррациональном представлении о себе, личного смысла. Это приводит к тому, что смысл существованию человека придает не его собственное отношение к иррациональному представлению о своем осуществлении, а рациональное отношение других к его социальной роли. Поэтому основными переживаниями человека становятся переживания отношений с другими людьми и переживания социального соответствия, которые другие должны подтвердить и одобрить. В этом случае стремление быть собой *замещается* стремлением к соответствию своего существования рациональным представлениям данной социальной традиции. Иначе говоря, смысл собственному существованию придает не сам человек, а существующие в традиции представления, на основании которых другие определяют отношение к человеку и оценивают его успехи, которые, в свою очередь, формируют его собственные переживания.

Любая общность является общностью смысловой -- в том отношении, что каждый её участник вынужден разделять общие для всех представления, благодаря которым эта общность существует. Принадлежность к социальной традиции связана с общим пониманием принятого отношения между людьми и принятых средств выражения смысла. Можно сказать, что принадлежность к социальной традиции человека тождественна тому, что *«часть»* представлений и переживаний человека *«переходит в общественное пользование»*. Все о чем думает человек в этой области мышления, представляется ему *обязательно одинаковым* для всех тех, с кем он находится в общей социальной традиции. Иначе говоря, то, что я понимаю в *«части»* моего мышления, принадлежащего области *«общественного пользования»*, будет точно так же пониматься и будет вызывать точно такие же переживания у любого участника общей со мной социальной традиции.

Например, в российской традиции четное количество цветов в букете считается уместным только для траурных церемоний. Поэтому если я собираюсь в гости и вдруг обнаруживаю, что роз в моем букете не пять, например, как я считал, а шесть, то для меня это означает такую же неожиданную неприятность, как и для тех, кому этот букет предназначался. Мышление в общепринятых социальных представлениях – это мышление на *«территории, выделенной для общего пользования»*. Поэтому то, что я понимаю про себя или про других людей в этой области мышления, одинаково для всех, с кем я нахожусь в общей социальной традиции. Иначе говоря, все, что находится на общей территории социальных представлений, для всех и для меня в том числе, имеет одинаковый и общий со всеми смысл.

Пространство представлений человека можно разделить на две области. К первой области можно отнести одинаковые и обязательные для всех, и для меня в том числе, представления, связанные с моей социальной принадлежностью. Представления, принадлежащие этой области, можно назвать *представлениями социальными*. А ко второй части относятся представления о себе, которые не носят для меня социально обязательный характер. Представления этой части моего мышления и сознания можно назвать *личными представлениями*. В области социальных представлений я мыслю, как все, и я считаю,

что в этих представлениях все мыслят, как я. А в области личных представлений мое мышление свободно от социальных и обязательно одинаковых с другими представлений и переживаний.

Независимо от того, какое основание существует у человека для участия в социальной традиции, его представления существуют и в области обязательного, общего, социального, и в области личного и свободного представления о себе. Если основание для участия в социальной традиции личное, то основным объектом внимания человека являются переживания личных и социально необязательных представлений. Если же участие в социальной традиции ролевое, то основное внимание связано с представлениями о социально общем и одинаковом в данной социальной традиции.

Разница между личным и ролевым основанием для участия в совместности сводится к вопросу о том, какие представления о себе мне *«мешают»* в осуществлении моего выбора. Если остается только личное основание, то можно сказать, что мне *«мешают»* рациональные представления о социально обязательном и одинаковом для всех. А если остается лишь ролевое основание, мне *«мешают»* личные иррациональные представления о смысле моего собственного существования. При этом очевидно, что предельное развитие одного из оснований при отсутствии другого приводит к комичным и абсурдным результатам.

Чрезмерное развитие личного основания может выглядеть как чудачество, доведенное до социальной маргинальности. Гипертрофия ролевого основания для участия в социальной традиции превращает человека полностью *«в совокупность общественных отношений»*, со всеми вытекающими последствиями. Однако проблемы существования человека определяются не только тем, какое основание для своего участия в социальной традиции человек считает желанным или возможным. Проблемы определяются и тем, что представляют собой социальные традиции. Иначе говоря, проблема социального существования определяется и тем, что собой представляет социальная традиция, и тем, насколько *«велика»* та часть личной территории, которую эта традиция требует для выделения в *«общественное пользование»*.

6. Социальная и субъектная личность человека

Собственное представление человека о его социальной роли выполняет функцию *«камертона»*, созвучность с которым позволяет оценивать (*понимать (оценивать)*) адекватность своего социального поведения и придавать социальный смысл поведению окружающих его людей. Поэтому социальное существование человека можно понимать как смысловую совместность с другими в общей социальной традиции, которая осуществима под *«присмотром»* представления человека о *желанном* или приемлемом для него самого *собственном социальном образе*. Представление о желанном для человека образе его социального существования связано с представлением, которое можно назвать представлением о *социальном достоинстве* человека.

Социальное достоинство человека является основанием для усилий человека, для оценки им своего существования и своих социальных достижений. Представление человека о его социальном достоинстве и о его *социальных возможностях* формирует его личное представление о его *социальном образе*, которое можно назвать представлением человека о его *социальной личности*. Представление о социальной личности определяет отношение человека к его социальному существованию и является представлением человека о себе, которое существует для человека в области социальных представлений.

Представления человека о его социальной личности находятся на *«территории, выделенной для общего пользования»*, на которой существуют *одинаковые и обязательные* для всех представления общей социальной традиции. Поэтому социальная личность является *источником социальных смыслов*, которые определяются не личным отношением человека к своему существованию, а отношением, которое человек считает

принятым в социальной традиции. Это означает, что социальная личность *«показывает»* человеку не то, что он хочет, думает и переживает, а то, что он *должен* хотеть, думать и чувствовать, как один их участников общей социальной традиции со всеми.

Представление о своей социальной личности формирует представление человека о себе, которое зависит не от самого человека и его воли, а от его представления об обязательном и общем в социальной традиции, которой он принадлежит. Социальная личность является для человека источником *социально вынужденных* представлений и переживаний. Зависимость смыслов и переживаний социальной личности от общепринятых представлений позволяет говорить о ней как об обезличенном и *объективированном* представлении человека о своем социальном существовании. Поэтому социальная личность связана не с собственной волей человека, а с общими представлениями человека о социальной традиции, которые он считает для себя вынужденно обязательными.

Можно сказать, что социальная личность человека является индивидуальным и *человекоподобным* представлением о себе, каким, как кажется человеку, обязательно должны *видеть* его другие люди. Иначе говоря, социальная личность является источником вынужденных представлений человека о своем существовании и его вынужденных переживаниях. Социальная личность человека *«обитает»* в социально обязательных представлениях, которые имеют для всех участников социальной традиции общий и вынужденный смысл. Вынужденные представления и переживания своего социального существования каждый человек *отождествляет* с такими же вынужденными представлениями и переживаниями о нем остальных участников совместного социального существования.

Свое существование среди других человек *отождествляет* со своей социальной личностью, о которой он может мыслить одновременно и как о себе, и как о *третьем лице*, потому что смыслы и переживания социальной личности зависят не от его собственной воли, а от *объективных* и обязательных для всех представлений общей социальной традиции. Другими словами, социальная личность является *источником* не зависящей от человека социальной *оценки* самого себя, которую он *отождествляет* с обязательной и *«объективной»* социальной оценкой себя другими людьми. Иначе говоря, социальная личность *«представляет и переживает»* для каждого человека социально вынужденные для всех, и для него в том числе, смыслы и переживания общей социальной традиции.

Для себя человек является источником своих желаний, связанных с осуществлением собственной воли к радости, направленной на достижение лучшего будущего. Воля к радости имеет две составляющие, связанные со стремлением человека к творческому и властному осуществлению. Стремление человека к переживаниям творческого осуществления своего *предназначения* и властным осуществлением своего *субъектного состояния* можно связать с представлением человека о его *субъектной личности*. Поскольку воля к радости связана с двумя разными составляющими, то субъектную личность человека можно рассматривать как объединение *творческой и властной* личности человека.

То, что человек хочет, в конце концов, сводится к достижению желанных переживаний. Поэтому субъектная личность – это представление человека о его существовании в желанных для него переживаниях, с которыми он связывает достижение лучшего будущего. Достижение желанных переживаний *творческой личности* связано с представлением о смысловой совместности с другими, которая является результатом осуществления человеком его предназначения. Смысловая совместность означает общность переживания и понимания. Творческая же личность связана с представлениями и переживаниями творческого осуществления человека, которые, с его точки зрения, должен иметь *каждый*, с кем существует смысловая совместность, основанная на воле к радости, связанная с взаимным творческим осуществлением.

Но человек может стремиться к общим переживаниям с другими людьми, только если он считает эти переживания для себя желанными. Желанная для человека смысловая совместность в творческом осуществлении возможна только как совместность добровольная и во взаимной свободе. Только если другие заинтересованы в тех же переживаниях, что и я, между нами возможна смысловая совместность, в которой смыслы и переживания становятся общими. Творческая личность является источником представлений человека об *общих* переживаниях и смыслах с другими людьми во *взаимной свободе* осуществления собственной воли к радости, направленной к достижению лучшего будущего.

Иными словами, субъектная творческая личность – это представление человека о своем существовании с другими людьми, с которыми он находится в свободной смысловой совместности общего осуществленного будущего. Это означает, что в смысловой совместности творческого осуществления мои переживания и мои смыслы *представляются* мне такими же, как переживания и смыслы других людей. Поэтому представление о собственных смыслах и переживаниях, связанных с творческим осуществлением своей воли к радости, человек *отождествляет* с переживаниями и смыслами других людей, в свободной смысловой совместности с которыми осуществляется его представление о лучшем будущем.

Творческая личность человека связана с представлением человека о взаимной свободе, в которой осуществляется его смысловая совместность с другими. Поэтому представления творческой личности человека тождественны представлению человека о свободе лучшего будущего, на достижение которого направлена воля к радости человека в смысловой совместности с другими людьми. Другими словами, усилия творческой личности человека связаны с обретением большей свободы будущего и для себя и для других, с которым человек связывает творческое осуществление своего предназначения. Переживания человека, связанные с творческим осуществлением себя в смысловой совместности с другими, можно назвать *переживаниями творческого осуществления*.

Можно сказать, что *субъектная творческая личность* является *лично ориентированным* представлением о собственном существовании, которое человек отождествляет с существованием другого человека. Личная ориентированность представления о другом человеке означает, что с ним я нахожусь в смысловом *диалоге*, который является формой *свободного* смыслового обмена. Целью диалога является формирование взаимно общего понимания и взаимно общих переживаний творческого осуществления. Поэтому представление человека о субъектной творческой личности связано с его представлением о себе как об участнике *свободного диалога* с другим. Это означает, что субъектная творческая личность человека является для него основанием понимания отношений между собой и другим человеком, как отношений между *я* и *ты*.

Субъектная властная личность человека связана с его представлениями о желанном *отношении* к себе других людей, с кем он находится в общем существовании. Отношение к человеку других людей определяется их переживаниями. Желанное для человека отношение к себе, заинтересованность в определенном отношении к себе зависит от *субъектного состояния* человека, от его *властных устремлений*.

В свою очередь, заинтересованность в определенном отношении к себе связана с заинтересованностью человека в определенных и желанных для него переживаниях, которые должны, с его точки зрения, испытывать к нему другие люди. Желанные для человека переживания, которые другой человек *должен* испытывать к нему, являются *условием* его собственной радости. Властная личность является представлением человека о себе как о *причине*, вызывающей нужное для человека отношение к нему других. Это отношение связано с определенными переживаниями, которые другие *должны* испытывать по отношению к человеку. Представление человека о себе как о *причине* переживаний других людей, является представлением человека о его властной личности. Другими словами, переживания других людей, *причиной* которых хотел бы быть человек,

являются переживанием его властной личности, которое связано с его личным пониманием свободы.

Можно сказать, что моя субъектная властная личность *«показывает»* мне, что обязательно должны переживать другие в связи со мной. Переживания, которые являются следствием осуществления моих властных устремлений, можно назвать *переживаниями властного осуществления*. Переживания творческого осуществления ограничиваются переживаниями властного осуществления. Иначе говоря, властное осуществление субъектной личности ограничивает осуществление творческой личности человека.

Мишенью осуществления воли к радости человека *всегда* является другой человек. Но направленность действия творческой и властной личности человека противоположны. Творческая личность человека *заинтересована* во взаимной свободе общих переживаний смысловой совместности, а властная личность – в *определенности* переживаний другого человека, на которого направлены собственные властные устремления. Чем более выражено для человека значение его властных устремлений, тем более ограничены его возможности как творческой личности и тем более ограничены его возможности переживания радости взаимной свободы.

Итак, *субъектная личность* человека является для него источником переживаний и творческого и властного осуществления, а социальная личность является источником переживаний, связанных с объективированным представлением человека о его существовании в общей социальной традиции.

Социальная личность тождественна представлению человека о себе, если единственным основанием для участия в совместности с другими является *основание ролевое*. А *субъектная личность* тождественна представлению человека о себе, если единственным основанием для его участия в совместности является *основание личное*.

Социальная личность *«показывает»* человеку *общность* его *вынужденных переживаний* с другими в совместной социальной традиции, а субъектная личность *«показывает»* человеку *общность* личных переживаний творческого и властного осуществления. В этом отношении социальная и субъектная личности являются взаимно дополняющими. Совместное действие этих представлений позволяет человеку *«поставить»* себя на место другого. Человек может представить себя на месте другого человека, используя общие *социальные смыслы* и общие *личные смыслы*, которые в равной мере, с его точки зрения, относятся и к его собственному существованию, и к существованию другого человека.

Представление человека о существовании другого всегда является *соединением* двух типов представлений о существовании другого человека: как социальной личности и как личности субъектной. Без представления о социальной личности действия человека будут лишены социальной целесообразности и адекватности, а без представления о субъектной личности человек утрачивает понимание смысла и целей личного существования, как своего собственного, так и других людей.

В осмыслении человеком самого себя также всегда присутствуют два типа представлений: представление о своем *объективированном* существовании, которое находится под влиянием социально вынужденных смыслов, и представление о своем *субъектном* существовании, в котором человек сам является причиной своих желаний и сам является причиной осуществления своей воли. В *социальной личности* человека *действует* его представление о социально обязательном и вынужденном должностовании, а в *субъектной личности* человека осуществляется собственная воля к радости в личном понимании свободы.

Поэтому представления о любых отношениях между людьми одновременно возникают в двух разных, но влияющих друг на друга представлениях. Человек одновременно мыслит и о себе и о других как об участниках объективированных обезличенных отношений и вынужденных социальных переживаний, и как об участниках личного осуществления своей воли к радости в смысловой и властной совместности с

другими. Поэтому существование человека в мире людей определяется отношением, которое возникает между смыслами и переживаниями его социальной и субъектной личности.

7. *Переживания социальной личности человека*

Социальная личность человека определяет вынужденное отношение человека к социальным представлениям и переживаниям. Это означает, что социальная личность формирует вынужденное представление человека о желанных для него социальных целях, к которым он *должен* стремиться, чтобы быть *не хуже других*, по крайней мере. Стремление человека к желанным целям, которые находятся в рамках социальных представлений, можно назвать *социальной волей* человека. Социальная личность часть собственной воли направляет на достижение социально желанных результатов, с которыми человек связывает переживание удовлетворенного *социального достоинства*. Социальная воля человека является «частью» его воли к радости, которая вынуждена «обслуживать» социальные представления человека, к которым он *вынужден* относиться как к *желанным* для себя.

Осуществление социальной воли человека связано с его участием в социальных совместностях, которые всегда связаны с необходимостью. Это означает, что участие в социальной совместности тождественно участию человека в общей необходимости. При этом личное и добровольное участие в общей необходимости возможно при единственном условии – это представление всех участников совместности о *взаимной необходимости* друг другу. Иными словами, личное участие в совместности представляется человеку возможным, если он необходим в этой совместности другим, а другие в этой совместности необходимы ему самому. Поэтому вопрос, который постоянно приходится решать человеку в социальном существовании, сводится к вопросу о том, необходима ли ему данная совместность, и если она необходима, то необходим ли он другим в этой совместности.

Если совместность для человека представляется необходимой, то основным моментом внимания становится вопрос о собственной необходимости для других. Например, человеку необходимы деньги, которые он зарабатывает в совместности с другими, а другим необходимо участие этого человека в этой деятельности. Поэтому если моя необходимость заработка и необходимость моего участия в общей деятельности взаимны, то для меня и для других появляется возможность для совместности. Но для того, чтобы совместность во взаимной необходимости возникла, у человека должно быть представление о *справедливости* отношений между ним и другими, которое связано с представлением о *социальном достоинстве* человека.

Представление о справедливости является представлением социальным, поэтому в любой социальной традиции существуют общие представления о справедливости во взаимной необходимости, которое человек соотносит с представлением о своем социальном достоинстве. Когда общее понимание справедливости совпадает с представлением человека о своем достоинстве, то у него возникает представление о *взаимной справедливости* отношений в совместности с другими, которая позволяет ему, как социальной личности, *достойно* осуществлять свою социальную волю, исполняя свою социальную роль.

Представление о взаимной справедливости позволяет человеку относиться к вынужденной совместности как совместности смысловой, в которой социальная воля человека совпадает с социальной волей других, так же как его воля к радости совмещается с волей к радости других участников совместности. Представление человека о своей *контекстуальной уместности* в социальной совместности связано с его представлением о взаимной необходимости и взаимной справедливости. Человек всегда стремится быть добровольным участником совместности, если с этой совместностью он связывает

надежду на лучшее будущее. *Заинтересованность* человека в совместности – это его заинтересованность в общем будущем с теми, с кем он надеется на более полное осуществление и своей социальной воли в общей и взаимной необходимости, и своей воли к радости в собственном понимании свободы.

Социальная воля человека и его социальные цели принадлежат общей социальной традиции. *Любое* социальное осуществление человека *всегда* связано с социальной оценкой его уместности, которая определяется представлениями общей социальной традиции. Социальное осуществление человека всегда происходит под «*пристальным взглядом*» окружающих, которые постоянно *оценивают* и самого человека, и его достижения. И в данном случае дело не столько в недоверии или недоброжелательности людей друг к другу. Социальное существование связано с вынужденными и общими для всех представлениями, которые *автоматически* формируются у каждого человека *помимо его воли*, независимо от того, как он сам относится к этим представлениям и какое он придает им значение.

В любой социальной традиции существуют представления об *унизительных* социальных ситуациях, существование в которых *не соответствует* представлению человека о его социальной роли и о его достоинстве. Нахождение человека в унизительных социальных ситуациях создает социальные *прецеденты унизительного отношения* к человеку тех, с кем он находится в общей социальной традиции. Прецеденты унизительного для достоинства человека отношения к нему других людей создают для него прецеденты социально *вынужденного переживания* личного унижения. Существование человека в переживании *социально вынужденного унижения* собственного достоинства можно назвать существованием в переживании *стыда*.

Чувство стыда связано с унизительным для человека отношением других людей к его социальному достоинству. Это является основанием для представления о *неуместности* своего существования в совместности с другими. Чувство стыда связано с представлением о *потере* и своего достоинства, и своей *уместности* в контексте общей необходимости. Такое представление сопряжено с представлением об *осуждении* другими его *постыдного* положения, которое представляется и самому человеку, и другим унизительным. Представление о своей неуместности и представление об осуждении окружающими своего постыдного положения вызывает переживание *опасения* вынужденной утраты своей *необходимости* в желанной совместности, что можно назвать *страхом изгнания*. Любое социальное существование связано с представлением человека о возможности унизительных ситуаций, в которых возникают вынужденные социальные переживания стыда и страха изгнания.

Страх изгнания связан с возможностью потери представления человека о лучшем будущем, которое он связывает с продолжением своей совместности с другими. Это означает, что за чувством стыда и страхом изгнания находится *страх потери будущего*. Какое будущее может быть потеряно вследствие изгнания человека из совместности, зависит от социальной традиции и личной ситуации человека. В одних случаях страх изгнания может рассматриваться как допустимая *неприятность*, а в других -- как личная катастрофа или даже смертельная угроза. Но независимо от того, что влечет за собой *изгнание из совместности*, механизм вынужденных социальных переживаний остается одним и тем же.

Социальная ситуация, в которой человек вынужденно переживает стыд, можно назвать *ситуацией позора*. Она может быть связана с невыполнением справедливых, с точки зрения общих представлений, и обязательных требований, личных обязательств или с формой поведения, которая представляется неприемлемой в данной совместности. Переживание стыда в социальной ситуации позора означает, что социальная личность человека приблизилась, с точки зрения самого человека и других участников общей социальной традиции, к *пределам*, за которыми продолжение совместности невозможно, т.е. к границам *социальной общности*.

Можно сказать, что личное переживание стыда предвосхищает возможность социальной ситуации позора. Поэтому стыд показывает человеку, что он на опасном пути к всеобщему осуждению. Но когда границы приемлемого в совместности будут пересечены, личное переживание стыда превратится в общее с другими переживание позора, за которым может последовать изгнание из совместности.

Основным содержанием смыслов и переживаний социальной личности являются переживания, связанные с осуществлением социальной воли человека, направленной на то, чтобы быть не хуже других. Переживания, определяющие условия совместного существования с другими, являются основными социальными переживаниями. Т.е., переживание своей контекстуальной уместности, справедливости, удовлетворенного социального достоинства, стыда и переживание страха изгнания можно рассматривать в качестве наиболее значимых переживаний социального существования и основных переживаний социальной личности человека.

8. *Переживания субъектной личности человека*

Субъектная личность человека связана с осуществлением его воли к радости, направленной на достижение желанных переживаний, связываемых с творческим и властным осуществлением в смысловой совместности с другими. То есть, субъектная личность человека связана с представлениями человека о лучшем будущем, а эти представления, в свою очередь, связаны с иррациональными представлениями сознания об осуществлении воли к радости в неограниченной свободе существования.

Сознание – это возможность отношения к существованию в неограниченной свободе представлений, *множественность* которых создается в сознании в силу его природы. Поэтому *представления субъектной личности* связаны с *множественностью* представлений сознания человека о возможном будущем собственного существования. Представление человека о существовании в полноте *осознаваемой безграничности* свободы осуществления его воли к радости можно назвать представлением человека о *счастье*.

Утверждение о том, что люди отличаются друг от друга *осознанностью*, скорее всего, не будет считаться сильным. Действительно, люди отличаются друг от друга не только субъектным состоянием, которое определяет их *властные устремления*, но и *доступным для их сознания* представлением о счастье, которое определяется доступным для сознания человеком представлением о своей безграничности в свободе. То есть, люди отличаются друг от друга представлением о счастье, которое зависит от *уровня* их осознанности и от их властных устремлений.

Можно сказать, что чем *выше уровень* осознанности, тем более *свободно* от влияния *прецедентных* представлений собственное представление человека о его счастье. Иначе говоря, уровень осознанности определяет степень свободы сознания от *обязательного* влияния прецедентных представлений. Чем выше уровень осознанности человека, тем более выражена его заинтересованность в творческом осуществлении, и тем *парадоксальнее*, с точки зрения прецедентного, доступные для его сознания представления о возможном личном будущем. Именно поэтому чем выше уровень осознанности человека, тем более *отвлечен* от обыденных и объектных представлений доступный человеку *образ его личного счастья*.

Формально можно описать *сознание*, образы и представления которого *полностью* свободны от обязательного влияния прецедентов социального и объектного свойства. В этом случае представления о возможном личном существовании превращаются в образы и представления, которые *не опосредованы* никакими *прецедентными ограничениями*, и в то же время к этим образам и представлениям сознания сохраняется *глубоко личное и заинтересованное* отношение человека. Представление человека о собственном существовании, которое, с его точки зрения, *полностью свободно* от влияния

прецедентных представлений, можно назвать представлением о *субъектном существовании*.

Основное переживание *субъектной личности* связано с представлением человека о личном счастье в свободе субъектного существования, содержание которого определяется уровнем осознанности человека и его властными устремлениями, которые, в свою очередь, зависят от его субъектного состояния. Представление человека о существовании в счастье является образом, в связи с которым его представление о существовании вообще приобретает личный смысл.

Парадоксальность представления о субъектном существовании заключается в том, что, будучи *принципиально* не выразимым в прецедентных образах, оно является основанием для переживания человеком своего полного творческого, властного и социального осуществления. Одним из существенных переживаний субъектной личности является переживание надежды на осуществление *невыразимого* и парадоксально иррационального счастья субъектного существования в полноте радости и свободы. Собственно, содержанием веры любого человека является его надежда на осуществимость иррационального представления о своем лучшем и счастливом будущем.

Отношение к представлению о лучшем будущем связано с предвосхищением более полной радости. Субъектная личность человека является источником представлений о лучшем будущем, на которое человек надеется и в осуществимость которого он верит. Воля к радости связана с осуществлением смысловой и властной совместности с другими людьми.

Множественность представлений в неограниченной свободе сознания предполагает совместное существование представлений разной степени *отвлеченности* от прецедентно возможного и реалистического. Среди представлений сознания о лучшем будущем встречаются и парадоксальные представления о субъектном существовании, и представления о будущем, которые видятся человеку реалистическими и осуществимыми. Представления сознания человека о лучшем будущем можно разделить на три типа, схематично *«расположив»* их в последовательности возрастания реалистичности и реализуемости.

Наиболее парадоксальной является область представлений о субъектном существовании. Представление о счастье субъектного существования *не сводится* к объектным или социальным представлениям, поэтому такие представления не могут быть содержательно и рационально выражены. И хотя об этом представлении невозможно говорить содержательно, тем не менее, оно может быть *формально определено*. В самом общем понимании представление о счастье субъектного существования имеет отношение к определению *сознания*, как *существующей всегда* смысловой совместности себя со своим представлением о себе. Это означает, что представление о счастье субъектного существования сводится к парадоксальному образу существования себя в смысловой и властной совместности с другим субъектом как с одним из представлений собственного сознания.

При этом *другой* реален, не является лишь моим представлением и обладает собственной волей к радости. В самом общем смысле субъектное существование – это существование, в котором собственная воля к радости может быть полностью *«созвучной»* с волей к радости другого. И в полной *«созвучности»* с другим субъектом собственная воля к радости может быть осуществлена в *неограниченной ничем свободе*. Можно сказать, что представление о счастье субъектного существования является представлением о существовании в *невыразимой* полноте *личной совместности* с другими. В этой области личных представлений о своем существовании *полностью* отсутствует *цензура* мышления. Поэтому *иррациональное* представление о субъектном существовании можно назвать представлением о *невыразимо прекрасном* счастье существования в ничем не ограниченной *полноте* свободы смысловой совместности с другими. Переживания *невыразимо прекрасных* представлений о счастье субъектного

существования можно назвать переживаниями *творческого озарения*, потому что в этих переживаниях сознание пересекает границы прецедентных представлений.

Более реалистической, с точки зрения объектно и социально прецедентного, является область представлений, которую можно назвать *областью фантазийных представлений* о личном существовании. В этой области представления невыразимо прекрасного существования соединяются с *элементами* реалистичных и прецедентных представлений об объектном и социальном бытовании человека. Представления из обыденной жизни, с одной стороны, ограничивают представления о счастье, но, с другой стороны, позволяют понятно выразить содержание образов фантазии. При этом наполнение этих образов остается иррациональным и избыточным с точки зрения существующих представлений о возможном.

Образы фантазии могут быть выражены, но рассматриваются человеком как неосуществимые. Цензура мышления создает для них конвенциональную и *условно рациональную* форму, превращая их в основание возможной смысловой совместности с другими. Образы фантазии позволяют превратить одинокие и невыразимые переживания человеком его представлений о субъектном счастье в совместные *грезы о прекрасном* существовании. Представление человека о себе в прекрасном фантастическом сосуществовании с другими можно назвать *мечтающей личностью* человека. Поэтому переживания, связанные с образами фантазии мечтающей личности, можно назвать *грезами о прекрасном* сосуществовании.

Наиболее близкой к представлениям о социальной и объектной реальности являются представления *осуществимого лучшего будущего*, в которых цензура мышления полностью определяет их форму и содержание. Представления об осуществимом лучшем будущем возникают как следствие *полного* действия цензуры мышления на иррациональные представления человека о счастье субъектного существования. Представление осуществимого лучшего *полностью* соединяются с конвенционально выразимыми, логически непротиворечивыми и социально реализуемыми представлениями.

Представления осуществимого лучшего будущего могут быть не только моментом смысловой совместности, но и *основанием* для объектного и социального осуществления человека. В этой области сознания находятся представления, которые потенциально могут рассматриваться как цели *деятельного* приложения социальной воли человека. Представления человека о себе в этой области сознания можно назвать *деятельной личностью*, а переживание представлений социального осуществления можно назвать переживанием *предвосхищения лучшего* в собственном социальном существовании.

Итак, одно и то же представление человека о себе одновременно существует в трех областях сознания. Человек мыслит о себе как *о субъекте*, который существует в переживании *творческого озарения* о *невыразимом* счастье смысловой совместности в полной свободе осуществления своей воли к радости. Человек мыслит о себе как *о личности, мечтающей* о лучшем представимом будущем, которое он переживает как *грезы о прекрасном* сосуществовании с другими. И, наконец, человек мыслит о себе, как *о личности деятельной*, для которой существуют представления о лучшем и потенциально осуществимом будущем, которые он переживает как *предвосхищение лучшего* в своем социальном осуществлении.

Таким образом, в *структуру* субъектной личности входят три типа представлений человека о своем существовании, и каждому типу представлений соответствует свой тип переживаний. Субъектная личность – это и *субъект*, и *мечтающая личность*, и *личность деятельная*. Субъектная личность является для человека *источником* представлений о лучшем будущем, которые одновременно существуют в трех разных областях сознания. Эти представления определяют, соответственно, переживания трех типов – *творческого озарения* о счастье субъектного существования, *грез о прекрасном* совместном будущем с другими, переживаний *предвосхищения лучшего* в своем социальном осуществлении.

Однако человек действует в социальной реальности, которая накладывает ограничения на представления человека о себе и влияет на его переживания. Представления человека о своем существовании и его переживания сводятся к отношениям между его социальной личностью, в которой представлена социальная реальность, и субъектной личностью, в которой находятся представления о лучшем будущем.

9. *Взаимодействие субъектной и социальной личности человека*

Человек, как уже говорилось, всегда является участником социального существования, в котором он осуществляет себя и как социальная и как субъектная личность. Осознание человеком себя связано с взаимодействием его социальных и субъектных представлений. Осуществляя себя среди людей, человек вынужден осознавать ограничения, с которыми сталкиваются его представления о лучшем будущем, и вынужден придавать этим ограничениям личный смысл. Ограничения приобретают для него личный смысл, когда их осмысление приводит к пониманию *целостной связи* социальной и субъектной личности человека. Личный смысл *ограничений* своего существования сводится к такому осознанию человеком себя, в котором возникает *созвучность* между его социальной и субъектной личностью.

Социальное осознание формирует понимание человеком своей субъектной личности. Осознание субъектной личности задает смысл социального существования человека и понимание его социальных задач. Т.е., осмысление человеком себя можно понимать как процесс взаимосвязанного и взаимовлияющего соотношения субъектной и социальной личности.

Переживания субъектной личности связаны с представлениями человека о лучшем будущем, на достижение которого направлена его воля к радости. А переживания социальной личности связаны с представлениями о социальной традиции, которые определяют условия и ограничения свободы осуществления воли к радости. В самом общем виде можно сказать, что влияние друг на друга *социальной и субъектной личности* определяет понимание того, что человек *может хотеть* и что человек *может получить*. Иными словами, этот процесс взаимного влияния определяет *форму и границы* осуществления воли к радости и создает *содержание и ограничения* представления о лучшем будущем, на достижение которого воля к радости направлена.

В структуре представлений субъектной личности человек для себя одновременно и *субъект*, и *мечтающая личность*, и *личность деятельная*. В связи с этим можно говорить о трех формах осуществления воли к радости и о трех типах лично возможного лучшего будущего. Существование человека определяется пониманием ограничений его желаний и пониманием ограничений возможных для него достижений, которые связаны с тремя типами представлений человека о себе как о субъекте, как о мечтающей личности и как о личности социального осуществления.

Представление человека о себе как о *субъекте* связано с представлением об иррациональном существовании счастливого будущего, в котором воля к радости человека осуществлена в его собственном понимании полной свободы. Представления социальной личности ограничивают и определяют представления человека о его творческих и властных устремлениях. В результате возникает представление человека о своем субъектном лучшем будущем, которое можно назвать представлением об *осуществимом предназначении*. Это представление *всегда* связано с представлением о своем *личном смысловом участии* и *личном властном влиянии* на существование другого человека. Оно является образом счастья полностью осуществленного *смыслового участия* и *властного влияния*. Этот образ представляется человеку *совместимым* с его существованием в социальной традиции. Волю к радости, направленную на осуществление предназначения человека, можно назвать *побуждением* к осуществлению

невыразимо прекрасного существования в полной смысловой и властной совместности с другим.

Представление человека о себе как о *мечтающей личности* связано с осмыслением личных прецедентов и представлений о существовании в социальной традиции. Можно сказать, что в фантазийной области происходит *социализация* иррационального субъектного представления об осуществленном предназначении под влиянием осознанных ограничений личного и социального свойства. Представление о предназначении превращается в представление о *выбранном предназначении* или *призвании*, с которым мечтающая личность связывает грезы о прекрасном будущем в *социально представимых* смысловых и властных совместностях. *Вдохновенным* можно назвать отношение к иррациональному представлению о лучшем будущем как к представлению осуществимому. Волю к радости, направленную на осуществление призвания, с которым человек связывает достижение прекрасного будущего, можно назвать *вдохновенным стремлением*.

Представление человека о себе как о *деятельной личности* связано с представлением о лучшем будущем как о *выбранном призвании*, как о цели своего *социального осуществления*. Эти представления полностью определяются *социальной реальностью* и *социальной историей* самого человека. Воля к радости, направленная на достижение социальных целей, становится *социальной мотивацией* и *намерениями*, связанными с предвосхищением радости от достижения лучшего в *социально осуществимом* будущем. Можно сказать, что в области представлений об осуществимом будущем личность субъектная соединяется с личностью социальной.

Таким образом, взаимодействие социальной и субъектной личности создаёт для человека три одновременно существующих представления о возможном лучшем будущем, стремление к которому связано с одновременно существующими разными формами осуществления его воли к радости.

Переживания человека определяются тем, какие представления о лучшем будущем и какие формы его воли к радости существуют на разных «*этажах*» его личности. Отношение человека к своему существованию зависит от *созвучности* типов *побуждений*, которые существуют для него как для субъекта, мечтающей личности и личности деятельной. Другими словами, переживания человека определяет созвучность между *потребностью* в невыразимо прекрасном в своем *осуществимом предназначении*, *вдохновенным стремлением* к прекрасному осуществлению своего *призвания* и *социальными мотивациями в намерении* добиться своего *социального осуществления*.

Взаимодействие между субъектной личностью человека и его социальной личностью приводит к *социализации* иррациональных и фантазийных представлений человека о себе самом. Социальная личность человека позволяет субъектной личности соединить иррациональные представления в образы и представления *социальной реальности*. Можно сказать, что представление о предназначении, которое связано с действием воли к радости, приобретает формы представлений *осуществимого предназначения*, *выбранного призвания* и личного *социального осуществления*.

Другими словами, возможность придания личного смысла своему существованию определяется тем, насколько «*тускнеет*» представление человека о счастье его субъектного существования по мере приближения к социальному осуществлению лучшего личного будущего. Поэтому основной вопрос личного существования – *что я делаю здесь и сейчас и какая мне от этого радость* – становится вопросом о связи представления о счастье осуществимого предназначения, выбранного призвания и своего социального осуществления. Этот вопрос может быть задан так: «*Имеет ли то, что я делаю здесь и сейчас, отношение к моему представлению о безграничном счастье осуществимого предназначения?*»

10. *Детские годы чудесные, или представление о своей «хорошести»*

Существование человека с момента рождения связано с социальными отношениями. Даже в самый ранний период своего существования, когда человек еще не осознал свою физическую *отдельность*, он уже является участником социальной традиции. Следует ли считать, что человек для себя *всегда* и субъект, и мечтающая личность, и деятельная личность? Или правильно думать, что эти три типа представлений о себе формируются в процессе взросления? На мой взгляд, этот вопрос скорее методический. Для удобства изложения проще считать, что эти три типа представлений человека о самом себе существуют для него *всегда* и их существование не зависит от того, как человек относится к ним.

Если считать, что эти три типа представлений *заложены* в сознании человека *изначально*, то возможность *осознания* этих представлений человеком и формирование *содержания* этих представлений можно рассматривать как явления разные. В этом случае можно думать, что человек для себя *всегда* и субъект, и мечтающая личность, и личность деятельная, идет ли речь о смене пеленок, усаживании на горшок или о выборе места работы или темы диссертации. Прецеденты личного существования, независимо от степени зрелости и осознанности человека, постоянно в течение всей жизни формируют его представление о себе и как о субъекте, и как о мечтающей личности, и как о личности деятельной.

Существование ребенка полностью зависит от взрослых, *во власти* которых он находится. Поэтому ребенок вынужден *находить* формы поведения, с которыми связано *одобрение* его поведения окружающими. *Зависимость* от одобрения окружающих становится *осознаваемым условием* осуществления собственной воли к радости. «Если ты не скажешь, что любишь свою мамочку, то мамочка не купит тебе шарик». Поэтому возможность достижения ребенком *желанного* объектного результата или желанного отношения к себе связана с одобрением или осуждением окружающих, от которых зависит его существование.

Власть связана с возможностью заставить человека переживать те чувства, которые он не хочет испытывать. Поэтому детство связано с периодом осознания власти других, от которых зависит и существование ребенка, и его переживания. Осознанное поведение человека определяется его представлениями, поэтому формирование одобряемых форм поведения ребенка связано с формированием одобряемых другими *представлений* о себе. В детстве происходит *осознание*, что между представлением человека о себе и его одобрением или осуждением окружающими, существует непосредственная связь.

Представление о себе, с которым связано *одобрение* окружающих, имеющих власть над ребенком, можно назвать представлением о собственной «хорошести». Представление о своей «хорошести» можно понимать как результат *властного* влияния на ребенка взрослых, от которых он зависит. Другими словами, представление о своей «хорошести» возникает как следствие взаимодействия воли к радости ребенка с волей тех, от которых он зависит и *во власти* которых он находится.

Представление о собственной «хорошести» ребенка формируется одновременно с его навыками социального существования. Для ребенка одновременно складываются представления и о собственной «хорошести», и о социальной традиции, и об окружающих ребенка людях. Воля к радости всегда направлена на стремление к более полной самореализации человека. Поэтому развитие представлений ребенка о мире связано и с развитием представления о своей «хорошести», с которым человек связывает надежды на лучшее будущее и свое представление о счастье. Развитие и формирование представления о мире неизбежно связано с ситуациями *неодобрения* окружающими действий или намерений ребенка.

При этом создаются и осмысливаются прецеденты *несоответствия ожиданиям и требованиям* окружающих, от которых ребенок зависит. Поэтому представление о

«хорошести» формируется одновременно с представлением и о собственной «плохости» в глазах окружающих со всеми вытекающими последствиями – неодобрением, осуждением, унижительным наказанием и одиночеством. Можно сказать, что образ «хорошести» *разделяет* представления ребенка о возможном лучшем будущем на две области.

В одной области находятся одобряемые и поэтому разрешенные представления, а во второй – представления осуждаемые и поэтому *запрещенные* властью других. При этом в области запрещенных представлений могут находиться *желанные* для ребенка представления, к которым он вынужден относиться как к «плохим» и осуждаемым. Противоречие между *интересом* к запрещенным представлениям и необходимостью соответствовать представлению о своей «хорошести» создает представление о своей *потенциальной «плохости»*.

Представление о «плохости» связано с прецедентами осуждения, переживания *чувства вины* перед другими, наказания и одиночества. Если ребенок не имеет возможности говорить о своих *запрещенных желаниях*, то связанные с ними переживания он вынужден *скрывать*. Интерес к запрещенному и *скрываемому* от других представлению связан с переживанием *предвосхищения* осуждения и чувства вины, если это представление будет осуществлено и не будет одобрено. Необходимость скрывать запрещенное желание связано с переживанием, которое можно назвать переживанием *потенциального стыда* или переживанием *угрызений совести*.

Образ собственной «хорошести» формируется не столько самим ребенком, сколько *властным* отношением к нему взрослых и представлениями социальной традиции о *послушании*. Иначе говоря, представление о собственной «хорошести» связано с представлениями социальной традиции о *долге* и *необходимости повинования*. Поэтому традиционно обсуждается не личное отношение ребенка к представлению о его «хорошести», а *властные требования* взрослых к этому представлению и, как правило, не обсуждаемая *обязательность* послушания в связи с этим представлением.

Представление о своей «хорошести» связано с прецедентно сложившимся отношением к *властной требовательности* взрослых и *обязательности* послушания, которое вызывает побуждение к *долженствованию*. Побуждение к *долженствованию* и связанное с ним одобрение окружающих вызывает у ребенка чувство *удовлетворения собой*, которое можно назвать переживанием *гордости* за *подтвержденное* достоинство своей «хорошести». А осуждение окружающих вызывает переживания *стыда*, чувство угрызения совести и переживание одиночества. Т.е., формирование представления о собственной «хорошести» происходит одновременно на всех «*этажах*» личности человека.

Переживания гордости, стыда и угрызения совести создают *контекст*, в котором возникают переживания, связанные с представлениями субъектной и социальной личности ребенка. В связи с представлением о «хорошести» формируется представление человека о своем *осуществимом предназначении*, о своем *выбранном призвании* и о формах своего *социального осуществления*. Представление о «хорошести» и связанное с ним побуждение к *долженствованию* определяет *направленность* побуждения к осуществлению невыразимо прекрасного, вдохновенного стремления к прекрасному и его социальных мотиваций. Образ собственной «хорошести», сложившийся в детстве, определяет *направленность* творческих и властных устремлений человека, от которых зависит его собственные предпочтения и его личный выбор, в том числе и социальный.

Следование побуждению к *долженствованию* позволяет человеку находиться в постоянной смысловой совместности с другими людьми в общей социальной традиции и избегать переживания одиночества. Представление о своей «хорошести» позволяет человеку *совмещать* собственное понимание с тем что традиционно считается осмысленным и правильным. Можно сказать, что это представление помогает человеку *разделять ответственность* за себя с теми, от кого зависит его одобрение и кто

определяет его представление о своей «хорошести». С представлением о своей «хорошести» человек связывает свои представления о личном *разрешенном* счастье, которое вызывает одобрение других. По мере взросления, когда ослабевает связь между ребенком и его взрослым окружением, сформированное представление о своей «хорошести» остается в сознании человека. При этом собственные представления ребенка о желанном могут *почти* совпадать с его представлением о «хорошести».

Но даже при очень чутком и любящем отношении окружающих к ребенку для него неизбежно возникает *противоречие* между представлением о своей «хорошести» и тем, каким он *тайно* хочет, но не может быть. Поэтому из детства любой человек выходит с представлением о своей «хорошести», которое *вынуждает* его быть таким, каким хотят его *видеть* другие. И одновременно с представлением о себе, каким человек хотел бы быть, если бы мог преодолеть усвоенные запреты. Поэтому период подростковой *несносности* следует считать не только бунтом против произвола взрослых, который вполне возможен, но и бунтом против сложившегося у человека представления о своей «хорошести», которое *вынуждает* его быть не таким, каким он хочет быть. Можно сказать, что противоречие между представлением человека о своей «хорошести» и представлением о себе, каким человек хочет, но не может быть, является основанием для *кризиса* любого возраста.

Представление человека о своей «хорошести» вступает в противоречие с желанным представлением о себе. И дело не в том, что за пределами представления о своей «хорошести» обязательно находится что-то ужасное. Выход за пределы этого представления о себе связан с личными прецедентами *неповиновения*, наказания и социальными переживаниями осуждения, чувства вины, угрызений совести, стыда и одиночества. Детство – это период, в котором закладывается противоречие между желанным представлением о себе и представлением о своей «хорошести», которому человек вынужден соответствовать.

Отношение человека к представлению о своей «хорошести», связанное с его отношением к одобрению или осуждению себя другими людьми, определяет его возможности быть собой в творческом и властном осуществлении своей воли к радости. Другими словами, отношение человека к представлению о своей «хорошести» определяет его отношение к представлению об иррациональном счастье, которое придает смысл личному существованию человека.

11. Фантомная воля

Разрешение противоречия между *вынужденно* сложившимся в детстве представлением о «хорошести» и представлением о своих *тайных* и потенциально неодобряемых другими желаниях имеет в предельном развитии всего два сценария. В первом случае представление о «хорошести» остается для человека *навсегда* как *единственное*, обязательное и *неизменное*. Во втором случае представление о своей «хорошести» становится одним из возможных представлений о себе, которое сосуществует с другими представлениями человека и находится в процессе *осознанного изменения*, как и все прочие представления.

В первом случае потребность получить подтверждение своего соответствия «хорошести» становится основным намерением человека, потому что с «хорошестью» связано представление о лучшем будущем и о счастье. Это означает, что человек постоянно направляет усилия к тому, чтобы *доказать* или *подтвердить* свою обязательную для других «хорошесть». При этом подтверждение *правильности* своих усилий и достижений человек связывает не с собственным пониманием, а с предполагаемым отношением к нему персонажей, которые являются для него *авторитетными «источниками»* образа его «хорошести».

В этом случае любая смысловая совместность человека с окружающими его людьми находится под постоянным влиянием представлений о себе, которые были сформированы в его прошлом. Представления из *прошлого*, в частности, *детского*, с которыми человек *вынужден* находиться в постоянной смысловой совместности, можно назвать *фантомными* представлениями.

Побуждение к *долженствованию*, связанному с фантомными представлениями, можно назвать *фантомной волей*. Действие *фантомной воли* приводит к тому, что человек превращает свое существование в выполнение долга или в переживание *чувства вины*, если ему не удастся *оправдать* обязательные, по его мнению, фантомные *ожидания*. Можно сказать, что фантомная воля направляет усилия человека быть *как все* те, с кем он связывает представление о своей «хорошести» и представление о своем счастливом будущем.

Действие фантомной воли *вытесняет* собственное представление человека о его счастье и *замещает* его представлением о счастье, которое другие считают обязательным для всех и для самого человека. Фантомная воля вынуждает человека отождествлять представления о личном счастье других людей со своим собственным. Иначе говоря, фантомная воля заставляет человека хотеть не того, чего он хочет сам, а того, что он *должен хотеть*, как и все, принадлежащие общей с ним традиции. Несвободу человека от фантомных представлений можно назвать *зависимостью*. Другими словами, *зависимостью* можно считать представления, которые побуждают человека к следованию *чувству долга* и переживанию *чувства вины*, основанием для которых является не личный осознанный выбор, а *вынужденно* сложившиеся и вынужденно разделяемые с другими представления.

При этом не так важно, как возникли у человека представления, питающие его фантомную волю. Связано ли существование фантомных представлений с жестокостью наказаний или насилия в детстве, или с личными особенностями самого человека – не имеет особого значения. Существенно, что в состоянии *зависимости* человек опасается не только наказания, но и угрызений совести или чувства вины перед образами своего *прошлого*, во власти которых находятся его *будущее* и его счастье. Страх неодобрения, за которым стоит страх одиночества, страх потери будущего и личного смысла существования, вынуждает человека рассматривать свое фантомное представление о «хорошести» как неизменное и обязательное.

Парадокс заключается в том, что в основании действия зависимости находится страх одиночества и страх потери человеком личного смысла существования. Но нахождение человека в *полной* зависимости от фантомных представлений полностью *парализует* его собственную волю к радости, обрекая его на одинокое безрадостное существование, в котором он не может осуществить ни свои творческие, ни свои властные устремления. Можно сказать, что *фантомная воля* существует только потому, что человек *не дает права* самому себе *усомниться* в *необходимости* фантомного одобрения.

Поэтому действие фантомной воли проявлено также и в *нежелании или кажущейся невозможности* для человека *дать себе право усомниться* в том, что другие считают для него обязательным и неизменным. В предельном развитии этого сценария человек полностью утрачивает собственную волю к радости и превращается в «проводника» воли фантомной. «Проводник» фантомной воли уже не способен на личные переживания. Он становится «заложником» социальной традиции, фантомная воля которой полностью обезличивает его отношение и к самому себе и к другим людям.

В противоположность первому сценарию, во втором варианте представление о своей *«хорошести»* не рассматривается человеком как не изменяемая данность. Но преодоление зависимости от своей *«хорошести»* потенциально связано с готовностью и к неодобрению, и к осуждению, и к одиночеству. Насколько драматично происходит освобождение от влияния *фантомных* представлений, определяется социальной традицией, осознанностью тех, кто оказался причиной существования зависимости, и особенностями самого человека.

Второй сценарий возможен, когда смысл собственного существования человек скорее связывает с самим собой, чем с одобрением и поддержкой себя другими людьми. В любом случае человек выходит из детства с *зависимостями* от фантомных представлений. Но при этом представление о своей *«хорошести»* рассматривается им не как *неизменная данность*, а как представление, к которому возможно *критическое* отношение и возможно приложение творческих усилий *изменения*. Это не означает, что при освобождении от *зависимостей* у человека не возникает чувства вины или угрызения совести. Но в этом случае человек оказывается способен *преодолеть* фантомную волю, *запрещающую* ему усомниться в необходимости обязательного одобрения со стороны других. Стремление человека к собственному пониманию счастья, на которое направлена его воля к радости, позволяет ему преодолевать свои зависимости и действие фантомной воли, ограничивающей его свободу.

Взрослые передают ребенку представления о социальной традиции и свои *фантомные представления*, -- поскольку они сами, как правило, не свободны от действия *фантомной воли*. Любая социальная традиция включает в себя фантомные представления, которые связаны с *необходимостью повиновения* тем, во *власти* которых находится человек. Традиционное отношение к фантомным представлениям связано с их *обязательностью* для всех, а не с собственным осознанным отношением, которое может находиться *почти* под запретом.

«Созвучность» собственных фантомных представлений человека тем же фантомным представлениям остальных участников социальной традиции можно понимать как проявление *коллективного бессознательного*. Иначе говоря, коллективное бессознательное связано с *совпадением направленности* фантомной воли всех участников социальной традиции, которое определяется *общностью* фантомных представлений каждого из них.

Второй сценарий осуществления человека связан с возможностью личного отношения к представлениям социальной традиции, которые считаются обязательными и не обсуждаемыми. Это означает возможность поиска ответа на основной вопрос личного существования не только в связи с этими представлениями. Если поиск ответа на вопрос – *что я делаю здесь и сейчас и какая мне от этого радость* – возможен не только в связи с

обязательностью фантомных представлений социальной традиции, тогда для человека возможно личное осознанное отношение и к представлению о своей «хорошести».

Иначе говоря, если социальная традиция и связанные с ней представления не рассматриваются человеком как единственная и обязательная данность его существования, то и отношение к представлению о своей «хорошести» перестает быть обязательным и неизменным. *Небезразличие* к себе заставляет человека осознавать свои представления о правильном и об осмысленном. Осознанное отношение к *фантомным* представлениям неизбежно влечет за собой риск переживания чувства вины, угрызания совести, социального осуждения, позора и одиночества: любой человек, осознающий для себя внутреннюю необходимость *быть собой*, одновременно осознает свою готовность к непониманию, унижению и одиночеству. *Только герой может сделать то, чего никто не может.*

В *преодолении* своих личных зависимостей любой человек становится героем, потому что *только он* может преодолеть ограничения своей воли к радости. Любой человек, осознающий свою потребность в личном счастье и преодолевающий *консервативное* влияние своих фантомных зависимостей, становится героем. И при этом совершенно не важен социальный масштаб его свершений.

Переживание человеком своего существования полностью определяется его готовностью к преодолению своих *фантомных* представлений, которые ограничивают его волю к радости и как субъекта, и как мечтающей личности, и как личности деятельной. Осмысленность существования человека зависит от его готовности к одиночеству, в котором он может обрести смысл личного существования и право быть собой. *Небезразличие* человека к самому себе заставляет его становиться героем, который преодолевает свой страх перед сомнением в несомненном для других ради обретения личного смысла и личного счастья в своем существовании.

12. *Фантомная воля и социальная традиция*

В отличие от социальной воли, которая связана с вынужденными необходимостью и *осознаваемыми* желаниями человека, воля фантомная действует как побуждение к *долженствованию*, для которого человек находит основание только в обезличенных представлениях о своей «хорошести». Побуждения, связанные с фантомной волей, направлены на выполнение *долга послушания*, с которым связано обязательное одобрение другими, находящимися с ним в общей социальной традиции.

Общие *ритуальные* действия требуют от человека скорее участия, чем осознанного личного отношения. Поэтому ритуалы любой социальной традиции являются и средством формирования фантомных представлений, и средством осуществления совместности в общей для всех социальной традиции и в общей фантомной воле. Сами фантомные представления рассматриваются участниками социальной традиции как обязательная данность, необходимая и для общего блага, и для личного счастья каждого. Именно поэтому нахождение в зависимости от фантомных представлений *традиционно* считается обязательным *условием* правильного и благополучного существования.

Самым общим определением действия фантомной воли можно считать *предостережение* и *запрет* на сомнение в ценности *традиционных* представлений, а также *побуждение к подчинению* правилам и требованиям социальной традиции, с которыми связывается возможность и общего благополучия, и личного счастья каждого человека. Участие в совместных ритуалах *устанавливает* связь между собственными иррациональными представлениями о личном счастье каждого человека с традиционными *иррациональными* представлениями, которые в социальной традиции рассматриваются как несомненные и обязательные условия правильного и счастливого существования всех и каждого. Поэтому фантомная воля действует как механизм сохранения социальной

традиции, в основании которой находится *обещание* личного счастья каждому, кто *твердо* придерживается фантомных представлений, обязательных в данной традиции. И обещание неизбежного наказания в случае *неповиновения* общим правилам.

Принадлежность человека социальной традиции является обязательным условием и смыслового осуществления человека, и его существования как личности. Но уверенность в *несомненном* осуществлении надежды на достижимость личного счастья, *обещанного* фантомными представлениями социальной традиции, возможна при единственном условии -- если смысл собственного существования человек связывает не с собой, а с другими. В этом случае основанием *уверенности* для личного следования фантомным представлениям является их социальная масштабность и историческая прецедентность. Фантомные традиционные представления убедительны не *волшебностью* своего действия, а тем, что так делают *всегда и все*, кто *хочет того же*, что и сам человек, например, долголетия, благополучия, здоровья и тому подобного. Сама социальная традиция под влиянием фантомной воли становится «источником» исторически и прецедентно подтвержденных *обещаний* счастья, если человек сохранит верность традиционным представлениям.

Любое социальное явление прецедентно по определению. Например, увлечение моржеванием (купанием в ледяной воде) появилось из-за созданного когда-то прецедента, который кому-то помог справиться с его проблемами. Созданный прецедент вошел в традицию и стал основанием для массового *подражания* и массовой надежды на целительные свойства этого увлечения. Поэтому в совместности моржевателей существует вера на лучшее будущее каждого, кто плещется в холодной воде. В обоснование этой веры приводится и история этого увлечения и массовость его участников. Каждый из участников этой совместности надеется на получение для себя пользы. Но втайне каждый надеется еще и на то, что другие участники моржевания не *поколеблют* его веры в чудесные процедуры, например, внезапно случившимся инсультом или стремительно прогрессирующим слабоумием.

Т.е., в отношении к фантомным представлениям всегда сохраняется двойственность. С одной стороны, убедительность фантомных представлений поддерживается историей и массовостью их распространения, а с другой – в отношении к ним присутствует собственный страх человека усомниться в том, что и ему самому и другим *должно* представляться несомненным. Поэтому уверенность в несомненности фантомных представлений обязательно поддерживается и защищается *ритуальными* средствами самой социальной традиции. Степень решительности и беспощадности этих средств в значительной мере определяются степенью дикости традиции.

Социальная традиция сохраняет себя, опираясь на иррациональные представления, которые обещают личное счастье человеку, если он *не усомнится* в их ценности. Поэтому любой человек, пытающийся придать личный смысл неосознанным фантомным представлениям, может рассматриваться другими участниками социальной традиции как потенциальный враг личного счастья каждого из них, или как причина общих для всех несчастий. Охранительные действия социальной традиции направлены не только на сохранение *в чистоте* и безупречности ее ценностей, но и на преодоление возможных *сомнений* самих участников этой традиции в том, что эти ценности могут быть не так уж безупречны и оправданны, как все привыкли *вынужденно* думать.

В не столь далекие времена переписка европейцев по поводу того, что Земля, возможно, вращается вокруг Солнца, велась *тайнописью* (подальше от *греха*, в собственном смысле этого слова). Противодействие фантомной воле и попытка придания личного смысла фантомным представлениям и по сей день связано не только с угрозой появления чувства вины, но и угрозой социального отторжения. Действие фантомной воли ограничивает волю к радости человека в его творческих устремлениях, *запрещая* ему *усомниться* в безупречности традиционных ценностей. Поэтому творческое

осуществление человеком себя всегда связано с преодолением *запрещающего* действия собственной фантомной воли и фантомной воли других.

Устойчивость любой социальной традиции связана с заинтересованностью ее участников в достижении личного счастья. Поэтому в основании правил социального поведения, которые дают взаимную рациональную предсказуемость участникам социальной традиции, находятся общие для всех фантомные иррациональные представления, которые *обещают* личное счастье каждому. Они не просто обязательны для всех, но и их обсуждение представляется или невозможным или порицаемым. Единственным разрешенным отношением к фантомным представлениям является участие в общих ритуалах социальной традиции, в которых поведение каждого участника регламентировано традиционными правилами. Творческое осуществление связано с созданием новых прецедентов, которые направлены на расширение границ традиционных представлений о возможном. Но эти границы традиционных представлений *«охраняются»* фантомными представлениями и фантомной волей. Поэтому любое творческое осуществление человека можно понимать как его освобождение от *подчиняющего* действия фантомной воли.

В социальном плане фантомная воля, *замедляющая* процесс *возникновения нового* или ему *препятствующая*, имеет и другой смысл – она охраняет *социальную преемственность и устойчивость* самой традиции. Поэтому достижение человеком смысловой совместности в любом творческом осуществлении всегда будет достижением *компромиссной* смысловой совместности. Результатом этого компромисса является *«соглашение»* между осуществлением творческих устремлений самого человека и тем, что остальные участники общей с ним социальной традиции могут *принять*, сохраняя для себя представления о традиционных и консервативных ценностях. Ожидания и намерения творческого устремления человека всегда превышают результат состоявшегося социального осуществления. Но со временем такие компромиссы могут привести к тому, что новое обретет общий для всех смысл и станет частью *«обновленной социальной традиции»*.

Для любого человека фантомная воля связана с людьми, которые повлияли на формирование его собственного образа *«хорошести»*. Поэтому фантомное представление социальной традиции тоже может обрести персонифицированные черты. И этот человекоподобный образ фантомных представлений можно назвать *псевдоличностью* или в *псевдосубъектом*, чья фантомная воля превращает набор социальных ролей, правил и ритуалов в представление, *«требующее»* от человека личного отношения, поскольку обещает ему личное счастье за послушание или наказание за неповиновение.

«Старший брат смотрит» на человека *пустыми и требовательными* глазами его собственных фантомных представлений. Поэтому человек живет не только под присмотром окружающих, которые оценивают его социальные действия, но и под *«требовательным и предостерегающим надзором»* псевдоличности, с которой отождествляется социальная традиция. *Родина просит, партия приказала, наука требует*. Псевдосубъект фантомной воли является постоянным и *обязательным* участником смысловой совместности человека с самим собой, превращая его отношение к социальной традиции в отношение *личное*. Поэтому человек может сказать, что *любит* родину, *ненавидит* власть или *боготворит* народ.

Представления о том, что обязательно для всех, но чему человек *не может* придать личный смысл, *воплощаются* в его сознании в виде псевдоличностей или псевдосубъектов, *«требующих»* к себе личного отношения. Совместность с псевдосубъектом является совместностью односторонней и *властной*. Псевдосубъект является представлением об общих и обязательных представлениях, которыми, по мнению человека, обладают все участники общей с ним социальной традиции. Поэтому *повелительное* отношение псевдосубъекта к человеку приводит к *подчиненности* человека обязательной для всех общей фантомной воле.

Действие фантомной воли проявлено в том, что другие участники социальной традиции *запрещают* человеку усомниться в том, в чем сами уверены, и *вынуждают* его считать обязательным то, что считают обязательным для себя. Преодоление человеком действия фантомной воли связано с *освобождением* от его *подчиненности* другим.

Воля к радости преодолевает подчинение человека фантомной воле и позволяет отнестись к *псевдосубъекту* социальной традиции как к набору *неосознанных предрассудков и бессмысленных ритуалов*, в которых другие продолжают видеть *вечные ценности, обещающие* каждому из них неперенное личное счастье. Человек *обретает право сомневаться* в традиционном несомненном, когда *осознанно* преодолевает свой страх *выйти из подчиняющего* действия фантомной воли, во власти которой он находится. Но при этом он вынужден осознать неизбежные последствия – он может оказаться социальным маргиналом, изгоем или стать героем (в социальном смысле этого слова).

Фантомная воля пытается заменить стремление человека к личному иррациональному счастью *«индивидуального и уникального пошива»* на стремление к счастью, которое обещано человеку за его уверенность в безупречности иррационального *«ширпотреба»* общих фантомных представлений. Отношение человека к противоречию между тем, каким он *должен* быть, и тем, каким он *хочет* быть, непосредственно связано с его отношением к противоречию между собственным иррациональным представлением о личном счастье и иррациональными фантомными представлениями о счастье социальной традиции.

Осмысленное отношение к социальной традиции освобождает человека и от фантомных представлений, и от *повелительного* действия общей для всех фантомной воли. При этом осознанность человека не связана с обязательным выходом из социальной традиции. Придавая личный смысл безличным фантомным представлениям, человек получает возможность относиться к иррациональным фантомным представлениям не как к обязательному и традиционному условию достижения личного счастья всех и каждого, а как к *средству* для собственного смыслового осуществления, за которым находится представление о его собственном счастье в свободной личной совместности с другими.

Осознанное преодоление фантомной воли приводит не к выходу человека из социальной традиции, а к *обособлению* собственного существования от совместности в общей и кажущейся обязательной *неосознанности*. Творческое осуществление человеком своего смыслового присутствия создает новые прецеденты, которые позволяют другим участникам социальной традиции преодолеть власть фантомной воли и обрести более полную свободу в осуществлении собственной воли к радости.

Стремление человека быть собой связано с постоянным *осознанием* и постоянным *преодолением* влияния ранее не осознанных фантомных запретов и долженствований. Противоречие между тем, кем человек *должен* быть, и тем, кем он *хочет* быть, преодолевается его готовностью *«заглянуть»* за ограничения социальной традиции и найти новые основания для свободного стремления к личному счастью, которое придает смысл его существованию. Можно сказать, что стремление к радости тождественно стремлению к полноте личной осознанности. Поэтому лучшее будущее, к достижению которого обращена воля к радости человека, связано с представлением о своей преодоленной неосознанности, которое придает личный смысл существованию человека.

13. Фантомные представления и ритуалы социальной традиции

Социальная традиция со всеми ее правилами, представлениями, социальными ролями держится на иррациональных фантомных представлениях, в связи с которыми действует фантомная воля. И в основании существования любой социальной традиции находятся два представления, благодаря которым она существует как общность. Первое представление связано с иррациональным образом личного счастья, которое обещается каждому ее участнику за верность фантомным представлениям традиции. А второе -- с

возможностью наказания за неповиновение требованиям социальной традиции, которые, в частности, связаны с общим для всех иррациональным представлением о счастье.

В самом общем виде образ иррационального счастья человека связан с его представлением о своей безграничности в полном и свободном осуществлении воли к радости – и как творческой, и как властной личности. Представление о безграничном иррациональном счастье – это представление о существовании, в котором полностью состоялись творческие, властные и социальные устремления человека.

Ритуалы социальной традиции являются *средством* объектного выражения иррационального представления о личном счастье, которое обещано фантомными представлениями социальной традиции каждому ее участнику. Можно сказать, что ритуальные действия являются *объектным* средством выражения традиционных представлений об иррациональном счастье, которое находится за пределами *объектно представимого* и *телесно возможного* бытования. Участие в ритуалах дает человеку возможность переживания *предвосхищения* личного безграничного счастья в совместности с другими участниками ритуального действия. Участие в ритуальных действиях связано с *прикосновением* человека к переживанию собственной безграничности.

Ритуалы любой социальной традиции создают представление об иррациональном счастье, в *потенциальной возможности* которого *уравнены* все участники социальной традиции. Поэтому торжественность праздничных ритуалов направлена на переживание представления о *равенстве* всех по отношению к *возможности* безграничного личного счастья. Участие в ритуале погружает существование каждого человека, независимо от его социального положения и личных обстоятельств, в контекст переживания *предвосхищения* величия собственного *достоинства* и безграничного личного счастья. *«Ритуал объединяет императора и последнего нищего, стоящего у врат»*. Переживания, связанные с ритуалами, являются основанием для взаимной заинтересованности участников социальной традиции друг в друге и одновременно являются основанием для личной заинтересованности каждого в сохранении самой социальной традиции.

Можно сказать, что участие в ритуалах является *традиционной формой ответа* на основной вопрос личного существования – *«То, что я делаю здесь и сейчас, дает мне предвосхищение безграничной радости моего счастливого существования»*. И с переживанием этого предвосхищения безграничной радости будущего я связываю и смысл своей совместности с другими в общей социальной традиции, и смысл своего собственного существования. Поэтому ритуалы являются *формой совместного коллективного* ответа каждому человеку на основной вопрос личного существования, – при условии, что человек готов *отождествить* собственное представление о своем счастье с представлением о счастье, которое обещают ему фантомные представления социальной традиции.

Ритуальные действия пронизывают собой все объектное существование человека и определяют формы привычного и взаимно понятного поведения. Ритуалы позволяют в привычной и понятной для всех форме выразить отношение к другому человеку, и в этом смысле они принадлежат к представлениям и правилам общей социальной традиции, которые позволяют к ролевому основанию участия добавить и личное отношение. Ритуалы выполняют функцию ролевого взаимодействия и одновременно являются средством для проявления и осуществления заинтересованного личного участия людей друг в друге в границах общей социальной традиции. Другими словами, ритуалы (в частности, связанные с обыденным существованием) можно понимать как механизмы взаимно понятного выражения и восприятия смысла.

Созвучность иррациональных представлений, выраженных *ритуальными средствами* социальной традиции, с собственными представлениями человека определяет его *заинтересованность* в самой социальной традиции и условия осуществления своей совместности с другими в общем бытовании. Можно сказать, что участие в ритуалах

социальной традиции приводит не только к соединению собственных иррациональных представлений человека о личном безграничном счастье с иррациональными представлениями социальной традиции, но и позволяет человеку определить свое отношение к этим представлениям и к самой социальной традиции. Чем большее число участников социальной традиции считают, что их представление о счастье совпадает с представлениями о счастье, которое выражено ритуальными средствами, тем более устойчива социальная традиция.

Личная заинтересованность в общих фантомных представлениях и связанных с ними ритуалах позволяет человеку прилагать личные усилия, смысл которых связан с его *служением общему благу*, с которым он непосредственно связывает свое личное будущее и счастье. Поэтому кризис социальной традиции можно понимать как утрату ценности общих фантомных представлений. Они перестают побуждать человека к действиям, направленным на *общее благо*. Обесценивание фантомных представлений приводит к тому, что человек не может связать свои творческие усилия с участием в создании общих ценностей, поскольку фантомные представления социальной традиции не совпадают с его представлениями о личном счастье.

Несовпадение представлений о личном счастье с традиционными представлениями о счастье всех приводит к тому, что побуждение к осуществлению *«невыразимо прекрасного»* человек не может связать с *вдохновенным отношением* к целям своего социального осуществления. Можно сказать, что кризис социальной традиции проявляется в том, что ответ на основной вопрос личного существования участник традиции перестает связывать с ее фантомными представлениями. Разрушение социальной традиции начинается с момента, когда ее фантомные представления делаются безразличны ее участникам, поскольку обещают уже ненужное им и *не близкое* их пониманию счастье. Обесценивание иррациональных представлений можно связать с объективными процессами в бытовании, но не исключено, что изменение условий бытования связано и с утратой объединяющего действия фантомных представлений. Безразличие к *общим* фантомным представлениям приводит к исчезновению взаимной заинтересованности участников традиции друг в друге и к исчезновению заинтересованности каждого из них в самой социальной традиции.

Фантомная воля является основанием существования любой социальной традиции, т.е. любой общности. В основе рациональных правил взаимоотношения людей в общей социальной традиции лежат общие фантомные представления и общая фантомная воля, связанная с традиционным представлением о счастье. Это означает, что социальные процессы можно понимать как взаимодействие фантомных представлений о счастье разных социальных общностей в общей социальной традиции. Поэтому и взаимодействие социальных традиций можно понимать как взаимодействие и *конкуренцию* между собой их фантомных *обещаний* личного счастья. В связи с этим можно предположить, что *закрытость* социальных традиций связана не столько с опасением преднамеренной *вредоносности* чужеродных влияний, сколько с неуверенностью ее участников в конкурентоспособности собственных фантомных представлений о вечном блаженстве в счастливой совместности друг с другом.

В социальной традиции человек формирует понимание своего предназначения, выбранного призвания и социального осуществления. В стремлении к реализации воли к радости происходит освобождение человека и от представлений о своей «хорошести», и от влияния фантомных представлений. Поэтому социальная традиция формирует условия для взаимного понимания людей, объединяя их в общих иррациональных представлениях, а воля к радости устремляет человека за пределы представлений, которые содержатся в социальной традиции, к собственному пониманию свободы и счастья своего существования.

Поэтому социальная традиция является источником прецедентных представлений, которые позволяют человеку сформироваться для социальной совместности с другими и

одновременно она же является источниками *зависимостей*, влияние которых человек преодолевает в осуществлении своей воли к радости ради права быть собой и ради придания смысла своему существованию. Можно сказать, что ритуальные действия являются необходимым условием существования любой социальной традиции. Поэтому творческое самоосуществление связано и с освобождением от тех *ритуальных потребностей*, которые представляются ему бессмысленными, и с созданием новых прецедентов, которые в последующем могут приобрести ритуальный характер.

Процесс личностного развития человека -- это и *отождествление* себя с участниками традиционных ритуальных отношений, и *преодоление* этого отождествления в стремлении к личному счастью и праву быть собой в своем понимании свободы. Фантомные представления и сопряженная с ними фантомная воля двойственны по своей природе. Они являются обязательным и необходимым условием для того, чтобы человек мог находиться во взаимно предсказуемой и взаимно понятной ритуальной совместности с другими. И одновременно ритуальное проявление фантомной воли является точкой приложения собственной воли человека к радости, чье действие направлено на освобождение человека от тех представлений, в связи с которыми сложилось его понимание и, в значительной степени, его личность.

Отношение человека к социальной традиции, как уже говорилось, определяется его представлениями о лучшем будущем, которое в этой традиции может быть осуществлено, и страхом перед наказанием за неповиновение общим для всех правилам. Поэтому условия существования человека и возможность придания смысла своему существованию зависят от *типа социальной традиции*, который определяется традиционным отношением к обязательности фантомных представлений для каждого из ее участников и традиционным отношением к возможности освобождения от их влияния.

При этом сами фантомные представления, на которых основана социальная традиция, определяют и правила совместного бытования, и правила принуждения к их выполнению. Тип социальной традиции зависит не только от представлений о счастье, но и от представлений о наказании, если человек захочет не того, чего фантомными представлениями предписано обязательно хотеть всем.

14. Два типа социальных традиций

Социальная традиция в значительной степени определяется иррациональными фантомными представлениями, которые являются основанием существования правил социального поведения, типов социальных ролей и принятых в традиции отношений между людьми. Поэтому изучение и анализ фантомных представлений, выраженных, в частности, ритуальными средствами, может рассматриваться как подход для изучения и классификации социальных традиций. Но в самом общем отношении различие между типами социальных традиций связано с *требованием* к той *области представлений*, которая должна быть выделена каждым участником традиции в общее и обязательное пользование.

В связи с этим можно говорить о двух *предельно общих* и одновременно противоположных *типах* социальных традиций. К первому типу можно отнести такие социальные традиции, в которых *«территория»*, которая должна быть выделена в общее и обязательное пользование, связана с областью *иррациональных* представлений человека о его личном счастье. Ко второму типу можно отнести социальные традиции, в которых область общих и обязательных для всех представлений связана только с областью *социальных* отношений в обыденном бытовании.

Социальные традиции, в которых личное представление об иррациональном счастье *обязательно* должно соотноситься с принятым в этой традиции представлением о счастье или блаженстве, можно назвать традициями *иррационального* типа.

Область обязательных социальных представлений связана с общими правилами поведения, которые обеспечивают возможность взаимного *рационального* понимания и взаимной предсказуемости *поведения* ее участников. Поэтому социальные традиции, в которых область общего пользования связана с обязательным соответствием каждого общим социальным правилам и представлениям обыденного бытования, можно назвать социальными традициями *рационального* типа.

Представления о социальных традициях иррационального и рационального типа следует рассматривать в качестве *моделей*, описание и сравнение которых позволяет понять наиболее общие моменты *влияния социального устройства* на существование и переживания человека. Результаты моделирования, полученные при помощи этих представлений, относятся не к конкретному обществу или периоду истории, а к пониманию влияния различных типов *обязательных для всех представлений* на переживания и представления человека как участника социального существования.

Можно сказать, что эти две модели отличаются друг от друга *основанием общности*, благодаря которому возможна любая совместность и, в частности, социальная. Общность иррациональной традиции основана на общности понимания иррационального личного счастья, к достижению которого должна быть устремлена воля к радости каждого человека. Стремление к счастью тождественно стремлению к лучшему личному будущему. Представления и переживания, связанные с представлением о лучшем личном будущем, относятся к *субъектной личности* человека. Поэтому общность в иррациональной традиции связана с *общностью субъектных личностей* в совместном осуществлении воли к радости, которая устремлена к лучшему и обязательному для всех общему будущему.

Модель рациональная связана с представлениями о правилах социального обыденного поведения. Правила социального поведения определяют условия взаимной предсказуемости отношений и *поведения* людей в общей и взаимной необходимости. Переживания и представления о совместностях в общей необходимости относятся к *социальной личности* человека. Поэтому социальная традиция рационального типа связана с *общностью социальных личностей* в совместном осуществлении социальной воли, с которой связаны представления о лучшем и более достойном социальном будущем каждого.

Общим переживанием субъектных личностей является взаимная заинтересованность друг в друге для совместного осуществления воли к радости каждого. А общим переживанием социальных личностей является взаимная заинтересованность друг в друге для совместного осуществления социальной воли каждого из участников социальной совместности. В представлениях субъектной личности человек заинтересован в осуществлении воли к радости в творческой и властной совместности. А в представлениях социальной личности человек заинтересован в справедливой взаимной необходимости и в удовлетворении своего социального достоинства. Осмысление человеком себя связано с взаимодействием его социальной и субъектной личности: переживания субъектной личности влияют на социальные переживания, а социальные переживания влияют на переживания субъектной личности.

Объединяющим переживанием в иррациональной традиции является взаимная заинтересованность ее участников в совместном осуществлении воли к радости, которая *дает надежду* на взаимную справедливость во взаимной необходимости. А *объединяющим переживанием* в рациональной традиции является взаимная заинтересованность во взаимной необходимости и справедливости, которая дает надежду на совместность в осуществлении воли к радости.

Основное отличие между иррациональной и рациональной традициями заключается во взаимно противоположном отношении между тем, что существует в *настоящем*, и тем, что этому настоящему придает смысл, т.е. надеждой на лучшее *будущее*. В иррациональной традиции в *настоящем* находится совместное осуществление

воли к радости с другими, смысл которому придает надежда на удовлетворение социального достоинства и справедливости *в будущем*. А в традиции рациональной *в настоящем* находится необходимость справедливости и удовлетворения социального достоинства, смысл которым придает надежда на совместность осуществления воли к радости с другими *в будущем*.

Представление о лучшем будущем любой совместности связаны с фантомными представлениями, которые обещают каждому участнику социальной традиции его личное счастье. Фантомные представления иррациональной традиции обещают личное счастье человеку за его *преданность* иррациональным представлениям традиции о счастье или блаженстве, которое всеми должно пониматься одинаково. А фантомные представления рациональной традиции обещают человеку личное счастье за его *неотступность* от достойного и справедливого выполнения правил в общей и взаимной необходимости, которые для всех являются одинаковыми и обязательными.

Фантомные представления иррациональной традиции обещают личное счастье каждому за верность иррациональным представлениям о блаженстве, а фантомные представления рациональной традиции обещают личное счастье за строгое выполнение норм социального поведения. И, соответственно, наказание в иррациональной традиции связано с нежеланием разделять существующие представления об обязательном счастье, а в рациональной традиции – с нарушением общих правил поведения в совместном бытовании.

15. Социальная традиция иррационального типа

Существование в иррациональной традиции налагает на каждого участника обязательство быть *непрерывно счастливым* согласно традиционному *предписанию*, в котором должны находить свое счастье все остальные. Это означает, что иррациональное представление о личном счастье является *кодифицированным* и формально выраженным, например, *догматически*. Поэтому *правильность* направления воли к радости в иррациональных традициях является предметом общественного внимания и заботы. Кодификация представления позволяет проверить, правильно ли мыслит человек о своем иррациональном счастье, чтобы это не повредило возможности быть счастливым всем остальным в их иррациональных представлениях.

Представление о лучшем будущем объединяет всех. Поэтому для всех участников иррациональной традиции общими являются все три типа переживаний субъектной личности. Это означает обязательную для всех одинаковость представлений и переживаний, которые существуют на трех *«этажах»* субъектной личности человека. Субъектные переживания невыразимо прекрасного не могут быть выражены, поэтому, строго говоря, эти представления невозможно контролировать. Но в модели иррациональной социальной традиции достаточно *зафиксировать* обязательность, например, *благоговения* по отношению к догматам, с которыми связано иррациональное представление о невыразимом личном блаженстве.

Ритуалы иррациональной традиции связаны с обязательным выражением общего для всех отношения к тому, что *принципиально* не выражаемо, но требует обязательного ритуального участия и общности переживания, например, *благоговения* с остальными. При этом *социальная правильность*, с точки зрения кодифицированных представлений, означает *обязательность* участия человека в общих ритуальных действиях и *общность* переживаний человека с остальными участниками социальной традиции.

Представления, связанные с грезами мечтающей личности, могут быть выражены содержательно. Это позволяет догматическим предписаниям иррациональной традиции требовать от ее участников *вдохновенного* отношения к представлениям о прекрасном будущем. Представления мечтающей личности находятся под непосредственным влиянием фантомных представлений об обязательном для всех иррациональном счастье.

Фантомная воля иррациональной традиции полностью формирует *вдохновенные* переживания, связанные с прекрасным существованием будущего, которое для всех является одинаковым и обязательно желанным. Представления деятельной личности, связанные с переживанием *предвосхищения лучшего бытования*, также находятся под влиянием фантомных представлений. Деятельная личность непосредственно связана с условиями бытования и *ее социальное осуществление* полностью определяется ритуальной необходимостью.

В социальной традиции иррационального типа любая попытка придания личного смысла собственному существованию может привести к осуждению, наказанию и изгнанию. И причиной осуждения, наказания или изгнания могут быть *неправильное* переживание благоговения, *несовпадение* представлений о прекрасном будущем с принятым представлением или предвосхищение *не такого лучшего*, какое *нужно предвосхищать*. В иррациональной традиции человек сталкивается с противоречием между небезразличным к нему личным отношением окружающих, которое предписано самой традицией, и одновременно – с требовательностью других к обязательному единомыслию с ними.

Это означает, что личная ценность человека для других, не связанная с прагматическими соображениями, полностью зависит от созвучности его иррациональных представлений догматическим требованиям иррациональной традиции, которые обязательны для всех. Обязательность для всех иррационального личного счастья вступает в противоречие с потребностью человека в осуществлении *невыразимо прекрасного* переживания, которое может не совпадать с разрешенными иррациональными представлениями о личном счастье. Поэтому творческие устремления человека в иррациональных традициях ограничены необходимостью соответствия фантомным обещаниям счастья, которые для всех одинаковые и должны быть *обязательно желанны*. Жесткое предписание одинакового для всех представления об иррациональном счастье практически не позволяет создавать новые прецеденты. Поэтому иррациональное устройство социальной традиции превращает ее в *консервативную*.

В социальных традициях такого типа представление о своей «хорошести» приобретает устойчивость, которая опирается на консервативное отношение к традиционным ценностям. Представление о своей «хорошести» соединяется с обязательностью консервативных представлений о своей социальной и ритуальной «правильности». Ценность и обязательность иррациональных представлений обеспечивается привычным для такой традиции неприятием нового и отторжением попыток любых изменений представлений о «правильности». Основным переживанием человека в иррациональной традиции является вынужденное противоречие между представлением о своем предназначении и ограниченными возможностями выбора социально осуществимого призвания.

Склонность к странным, с точки зрения консервативных представлений, *раздумьям*, независимо от их продуктивности и направленности, традиционно считается, как минимум, недостойным *чужаством*, для которого отводится маргинальное социальное место. Однако это не означает, что даже в таких социальных традициях воля к радости творческого осуществления невозможна. Однако преодоление фантомной воли в иррациональной традиции требует от человека или осознанной маргинальности, или героического социального поведения. Прецеденты такого осуществления могут находиться в социальных представлениях как возможные, но в то же время они представляются практически невероятными из-за чудовищного «налога», который человек будет вынужден заплатить за право быть собой, полностью отказавшись даже от самых скромных представлений об обыденной норме.

Трагизм существования творческих личностей в таких традициях заключается в практической неосуществимости творческих усилий, направленных на создание новых социальных прецедентов. Существование в иррациональной традиции обрекает творчески

ориентированную личность на переживание унижения и чувства социальной несостоятельности. Поэтому можно сказать, что иррациональные традиции – это место, где человек приносит в жертву свои стремления к свободному творческому осуществлению. Это жертва консервативной устойчивости и повторяемости самой традиции в неизменности ее иррациональных представлений об обязательном для всех иррациональном счастье.

Если иррациональная традиция обладает правом социального принуждения, тогда осуществление человеком своего стремления к осмысленности и праву быть собой приближает его существование к изгнанию или к гибели. Обязательность иррациональных представлений о личном счастье является *формой идеологии*, предписывающей не только формы разрешенного поведения, но и обязательного и единственно возможного способа мышления. Воля к радости имеет две составляющие, связанные с властными и творческими устремлениями человека. В традиции иррационального типа творческая составляющая воли к радости испытывает наиболее сильное ограничивающее влияние со стороны существующей идеологии. Поэтому властная составляющая воли к радости получает возможность наиболее полного и свободного развития.

Воля к властному личному осуществлению получает *социальное оправдание* в необходимости *принуждения* к обязательному для всех представлению об индивидуальном личном счастье и соответствии идеологическим представлениям о *социальной правильности*. Личная властная *состязательность*, которая связана с борьбой за *власть*, является основным моментом существования в таких традициях. Обладание правом принуждения и возможность пользоваться личной властью является не просто подтверждением социального успеха, а условием возможности продолжения социального осуществления и физического существования.

Преимущественное развитие властных устремлений воли к радости человека создает предрасположенность к *отождествлению* личной заинтересованности во властном осуществлении с действием общей для всех фантомной воли. Отождествление собственной воли к радости с общей фантомной волей приводит к *олицетворению* псевдосубъекта социальной традиции с властно действующей в ней *личностью конкретного* человека. Поэтому иррациональное устройство социальной традиции *неизбежно тяготеет* к автократической и деспотической форме правления.

Традиция иррационального типа предоставляет преимущество личностям с выраженной заинтересованностью во властном осуществлении, и создает условия, главным образом, для ролевого участия в общей необходимости. Преимущественно ролевое участие в общей необходимости приводит к тому, что социальная роль и связанные с ней социальные переживания становятся основным смыслом социального существования человека. Поэтому основным мотивом социального осуществления в таких традициях является обезличенная прагматическая целесообразность, которая вступает в противоречие с предписанной иррациональной традицией личной заинтересованностью в каждом, кто стремится к одинаково понимаемому всеми личному блаженству.

Достижение социально осуществимых целей в традициях такого типа связано не с вдохновенной заинтересованностью творческого осуществления, а с принуждением и с социальной привычкой к повиновению. Степень кровожадности иррациональных традиций зависит от того, насколько многочисленны ее участники, которые заинтересованы войти в вечность в строгом соответствии с догматическими предписаниями. Если социальная заинтересованность сокращается, то жестокость принуждения к служению фантомным представлениям о вечном счастье неизбежно возрастает. В таких условиях ценность личного обыденного благополучия приобретает второстепенное значение, поскольку основным мотивом осуществления воли к радости является личная властная устремленность тех, кто *рационально заинтересован* в подчинении остальных общим фантомным *иррациональным* представлениям.

Оградительные механизмы, призванные сохранять в неизменности традиционные ценности, уничтожают любые попытки создания прецедентов, которые выходят за пределы консервативных представлений. Попытки человека преодолеть ограничения своего представления о «*хорошести*» обрекают его практически на полное непонимание и одиночество. Из иррациональной традиции личный выход возможен только ценой социального изгнания или уничтожения. Иррациональное устройство связано с господством *единственного представления* о личном счастье, которое *принципиально не совместимо* ни с какими другими представлениями. Это означает, что такие традиции должны находиться в полной закрытости от влияния иррациональных представлений других социальных традиций. Возможность гуманизации иррациональных традиций изнутри оказывается принципиально неосуществимой.

16. Социальная традиция рационального типа

Рациональная социальная традиция основана на общности социальных личностей и общности социально вынужденных переживаний, связанных с их отношением к необходимости и обязательности. Взаимная необходимость определяет переживания, связанные с взаимной обязательностью, и которые, в свою очередь, определяются правилами данной социальной традиции. Именно общие правила социальной традиции определяют представления о необходимости и связанные с ними представления об обязательном.

Фантомные представления рациональной традиции призваны побуждать человека действовать, чтобы соответствовать принятым правилам и ценностям. С выполнением этих правил человек связывает надежду на достижение желанного для него социального успеха и на признание его *личного* достоинства. Фантомные представления рациональной традиции обещают каждому ее участнику возможность личного переживания счастья, связанного с осуществлением его воли к радости, если его социальное достоинство будет подтверждено другими участниками традиции.

Заинтересованность участников рациональной традиции в личном социальном успехе связана с их заинтересованностью в личном счастье, которое обещают им фантомные представления традиции. Ритуалы рациональной традиции связаны с выражением *уверенности*, что *социальная успешность* является неременным условием личного счастья человека. Однако участие в общих ритуалах рациональной традиции является не столько обязательной необходимостью для каждого человека, как в традиции иррационального типа. Участие в ритуалах связано с возможностью социального осуществления, и является демонстрацией личной заинтересованности человека в перспективах его социального осуществления.

Перспективы возможностей социального осуществления становятся средством *ненасильственного принуждения*, обязывающим человека ставить перед собой социальные цели, с достижением которых он должен связывать социальный успех и свое личное счастье. Поэтому ритуалы рациональной традиции связаны с действием фантомной воли, которая предписывает человеку обязательно добиваться успеха и признания. Это означает, что существование в рациональной традиции связано с обязательным участием в *конкуренции* и с оценкой социальной успешности, которая дает человеку уверенность в возможности его неременного личного счастья. Другими словами, стремление к социальному признанию и социальному успеху связано со стремлением к личному счастью, которое обещано всем *победителям* в условиях честной и достойной конкуренции.

Стремление к успеху и социальному признанию рассматривается всеми участниками рациональной традиции как единственно возможное условие личного счастья в совместности с другими. Можно сказать, что существование человека в такой традиции связано с постоянным демонстративным подтверждением успешности своего

социального осуществления, которое должно обеспечить человеку желанное для него отношение к себе. Поэтому рациональное устройство социальной традиции ставит в непосредственную зависимость *право* человека на переживание *личной радости* от социальной *оценки* его достижений и *успехов*.

Человек может позволить себе смысловую совместность с другими *в радости*, если его достижения получили признание. Подтверждение социальной успешности связано с демонстративным подтверждением своей *социальной состоятельности*. Условия личного обыденного бытования в рациональной традиции становятся значимыми, поскольку непосредственно связаны с социальной оценкой успешности человека. Условия бытования, связанные с обязательным подтверждением успешности, могут не совпадать с собственными представлениями человека о желанном для себя. Но в рациональной традиции стремление человека к личному счастью связано с необходимостью постоянно оплачивать «налог» обязательным подтверждением своей успешности в условиях общей конкуренции и необходимостью существования в социально достойном обыденном, которое самому человеку может быть не нужно.

Рациональная традиция ориентирована на освоение прецедентов нового, с которым потенциально может быть связан личный успех каждого. Ориентированность рациональной традиции на социальную успешность создает заинтересованность ее участников в новом, которое расширяет прецедентные ограничения и создает для каждого новые возможности конкурентоспособности и потенциальной успешности. Социальные традиции рационального типа ориентированы на творческое осуществление человека, поскольку с творческими достижениями каждого все остальные связывают увеличение собственных возможностей социального осуществления. Творчески ориентированные личности не рассматриваются участниками рациональной традиции как обязательные маргиналы, несмотря на возможно присущую им экстравагантность.

Это не означает, однако, что границы традиционных представлений не охраняются фантомными представлениями и фантомной волей. Но эти ограничения связаны не с *боязнью* ошибиться в иррациональном понимании вечного блаженства, а с консервативностью представлений, которые определяют социальную *преемственность*, правила *честной конкуренции* и признаки *достойного существования*. Фантомные представления в традиции рационального типа содержат прецеденты преодоления влияния устаревших консервативных ценностей ради более свободного и счастливого существования в настоящем. Поэтому рациональную традицию можно считать *прогрессивной*.

Любое социальное существование связано с представлениями об обязательности и о средствах принуждения. Существование в рациональных традициях связано с возможностью и властного, и творческого осуществления человека, которое зависит от личного выбора человека. Рациональная традиция содержит в себе существенно большее многообразие приемлемых социальных ролей, которые позволяют разным типам людей находить свое место среди других и существовать в переживании своего удовлетворенного достоинства и социального осуществления. В этом отношении рациональная традиция, по сравнению с иррациональной, предоставляет существенно большее многообразие возможностей для выбора человеком осуществимого предназначения, призвания и форм своего социального осуществления.

Социальные представления, как уже говорилось, прецедентны по определению, поэтому личная история человека помимо его воли формирует и его собственное отношение к себе, и отношение к нему других людей. Поэтому в рациональной традиции человек вынужден внимательно относиться к прецедентам своего социального осуществления, поскольку они формируют его *социальный образ* и для него самого, и для других людей. Творческое осуществление связано не только с выбором и осуществлением своего предназначения, но и с отношением человека к вынужденным социальным переживаниям, которые неизбежно возникают в случае социальной неудачи.

Творческое осуществление в социальной традиции рационального типа связано с отношением человека к оценке самого себя, объективность которой он вынужден разделять с другими. Это означает, что страх человека перед неуспехом влияет и на его отношение к самому себе, и на его творческий выбор.

Поиск и осуществление себя в рациональной традиции связаны с отношением человека к обязательности социального успеха. Эта обязательность ставит человека перед выбором между стремлением к личному творческому осуществлению и требованием подтверждения своей социальной состоятельности. Представление о «*хорошести*», сформированное в детстве, в социальной традиции рационального типа не рассматривается как единственная и непреложная ценность. Но преодоление личных ограничений «*хорошести*» требует от человека *самоотверженности*, основанием для которой является потребность осуществления невыразимо прекрасного, невзирая на риск социальной неудачи. Стремление к поиску самого себя и к осуществлению своего предназначения связаны для человека с преодолением своего страха перед *фантомным требованием* обязательного социального успеха.

Фантомные обещания личного счастья, в предельном развитии такой модели, полностью вытесняют потребность человека в личных отношениях и связанных с ними переживаниях. Социальные правила и обязательность их соблюдения полностью заменяют личное отношение человека к другим людям. Поэтому формы отношения людей в традиции рационального типа неизбежно тяготеют к *формальной корректности* и *личной отстраненности*. В рациональной традиции, при ее предельном развитии, отношения между людьми основаны лишь на *взаимной необходимости* и на *прагматической целесообразности*. Поэтому личные переживания человека традиционно не рассматриваются как предмет совместных обсуждений, что неизбежно ведет к переживанию *одиночества* и *личной оставленности* человека в его общем с другими людьми существовании.

В рациональной социальной традиции одновременно существует множество представлений о личном иррациональном счастье. В этой традиции представления человека о своем иррациональном существовании не являются предметом общественного внимания. В основании традиции рационального типа находится общность социальных личностей. Поэтому личные переживания и личные отношения человека (в предельном развитии такой модели) полностью находятся за пределами какого-либо внимания или интереса как отдельного человека, так и общества в целом. Поэтому, если рассматривать модель в ее предельном развитии, склонность человека к личным отношениям рассматривается как *лишнее чудачество*, избыточное по отношению к принятым представлениям о *прагматически целесообразном* и *социально достойном* или *приличном*.

Иррациональные представления человека и его личные потребности в такой традиции рассматриваются как его личное дело, они не влияют ни на его социальную роль, ни на его социальную успешность. Поэтому рациональные социальные традиции *толерантны*. Рациональная традиция может позволить себе открытость к любым фантомным представлениям других традиций. Устойчивость рациональных традиций связана с заинтересованностью ее участников в социальном успехе, для которого личные переживания и иррациональные представления человека значения не имеют.

Возможность существования общностей людей, основанных на личных отношениях и общем понимании иррационального, не является моментом общественного внимания в рациональной традиции. Выбор тех или иных иррациональных представлений в такой традиции является личным делом человека. Безразличие в рациональных традициях к свободному личному выбору иррациональных представлений не связано ни с социальным *запретом*, ни с *осуждением*. Обязательность распространяется только на представления, связанные с прагматичностью и с объективностью оценки личного успеха социального осуществления. Поэтому существование в рациональной традиции оставляет

человеку возможность для осуществления его личных устремлений и проявлению личного участия к другим людям.

17. Социальное существование человека

В предельном рассмотрении можно говорить о двух типах социальных традиций, которые являются моделями взаимно противоположного социального устройства. Но любой контекст совместного существования человека с другими людьми, так же как и любая социальная традиция, могут рассматриваться как совмещение рационального и иррационального устройства, если из контекста рассмотрения убрать, конечно, случаи *одиозных* социальных явлений или общностей. В социальном существовании человек выбирает для себя такие формы и типы совместностей, с которыми он связывает и возможности своего личного осуществления в собственном понимании свободы, и желанное отношение к себе других во взаимной необходимости.

Можно говорить, что в каждой социальной традиции присутствуют *компоненты* как иррационального, так и рационального характера. Иррациональный компонент социальной традиции дает представление об исторически сложившемся понимании иррационального существования и позволяет человеку находить собственное понимание и собственное отношение к своим субъектным представлениям и переживаниям. А рациональный компонент позволяет человеку осознать себя как участника совместного с другими социального осуществления и находить приемлемые для себя формы социального существования во взаимной необходимости и взаимной обязательности.

В совместности с другими людьми человек стремится к своему творческому, властному и социальному осуществлению. Поэтому можно сказать, что собственная воля к радости человека находится под влиянием социальной воли и воли фантомных представлений, которые определяют устройство социальной традиции. Социальная воля связана с побуждением самому *быть не хуже других* в том понимании достоинства своего социального места, который связан с осознанным социальным выбором человека. Фантомная воля связана с обещанием счастья и со *страхом наказания* за неповиновение общим требованиям и непослушание. Можно сказать, что фантомная воля является побуждением человека *быть как все*, чтобы быть счастливым и, главным образом, чтобы избежать наказания за свою запрещенную *инаковость*. Формы наказания человека за его инаковость определяются традицией и могут быть связаны с осуждением, поражением человека в правах или, например, побиванием его камнями.

Существование человека в любой общности определяется фантомными представлениями, которые указывают, к чему именно *хорошему* нужно стремиться, чтобы *быть не хуже других*, и что *плохого* случится, если человек не будет повиноваться общим правилам и *не захочет* быть как все. Фантомные представления определяют представления о желанном, к которому человек должен стремиться, и одновременно определяют *пути* достижения желанного, которые размечены «*оградительными флажками*» страха наказания за неповиновение. Т.е. социальное существование человека связано с вынужденными переживаниями его социальной оценки, страхом наказания и его собственным стремлением к творческому и властному осуществлению.

Переживания *социальной личности* связаны с действием социальной воли, которая устремлена на достижение удовлетворения *социального достоинства*, на то, чтобы быть, по крайней мере, не хуже других. Для социальной личности цели и условия такого достижения являются данностью, которая находится на «*территории общего пользования*». Поэтому для осуществления человека как социальной личности достаточно осознавать социальную реальность такой, какова она есть. Социальная личность «*заинтересована*» в том, чтобы устремления социальной воли не выходили за пределы понятных и одобряемых социальных представлений. Можно сказать, что социальная личность человека «*не задумывается*» о причинах существующей традиции и о причинах

существования ограничивающих предписаний. Чтобы хорошо играть в шахматы достаточно знать правила и иметь осведомленность о прецедентах их применения, но при этом не обязательно задумываться об истории возникновения самих шахмат.

Субъектная личность человека связана с действием его собственной воли к радости, которая проявлена в его *творческих* и *властных* устремлениях. Для *властной личности* человека важно понимать, как можно преодолеть существующие границы, в которых необходимо *быть как все*, чтобы достичь желанного *именно для себя* отношения к себе других людей. Стремление к желанному отношению к себе других устремляет человека за пределы предписания *быть как все остальные*. Поэтому социальная данность рассматривается властной личностью как объект преодоления ограничений, стоящих на пути к лучшему будущему, с которым связаны представления о более полном властном осуществлении. В этом отношении властная личность человека «заинтересована» в творческой субъектной личности.

Субъектная творческая личность человека связана с переживаниями, которые относятся к смысловой совместности во взаимной свободе. Поэтому для творческой личности человека социальные правила и связанные с ними ограничения требуют такого же осознанного отношения, как и смыслы собственного осуществления. Поэтому для субъектной творческой личности человека правила социальной традиции являются не данностью, которую необходимо принять в том виде, как они есть, а моментом осознания. Субъектной творческой личности человека необходимо понять, какая ей радость от того, чтобы «*быть не хуже других или быть как все*».

Творческое отношение к социальной традиции позволяет человеку не просто действовать под влиянием побуждения «*быть не хуже других и быть как все*», а понять для себя – так ли нужно для моей радости, чтобы я был не хуже *этих других* и был таким же, как *эти все*. В стремлении в свободе творческого осуществления человек вынужден находить свое личное отношение к *обязательному* в социальном, чтобы понять для себя, *хочет ли он хотеть* даже под страхом наказания то, что принято хотеть. Иначе говоря, творческое отношение человека к себе, связанное с его стремлением к своей свободе и радости, сводится не к поиску ответа на вопрос, *что хотеть* для себя, а прежде всего к поиску ответа на вопрос, что именно *хотеть для себя хотеть*.

Сами желания, связанные с «*хотением*», становятся моментом личного и осознанного отношения. Я хочу для себя нечто, потому что я *хочу это хотеть*, или потому что *этого хотят все*? Что заставляет меня хотеть того, чего я хочу – желание быть не хуже других, необходимость быть как все или я это хочу, потому что я *не могу этого не хотеть*. Осознание желанного, которое человек *не может для себя не хотеть*, связано с осознанием своего предназначения. «*Стихи нужно писать, если их невозможно не писать*». Представление о том, что *невозможно для себя не хотеть*, связано с представлением о себе, каким *невозможно не хотеть быть*. Поэтому усилия субъектной личности направлены на поиск того, что я *хочу*, потому что я *не могу этого не хотеть*, и на поиск того, кем я *хочу быть*, потому что *не могу не хотеть им быть*.

Представление о своем предназначении – это представление о себе, к осуществлению которого человек *не может не стремиться*, потому что в этом представлении о себе человек *хочет того, чего он не может не хотеть*, и является для себя тем, кем *он не может не хотеть быть*. Обретение человеком себя связано с осознанием того, чего *он не может не хотеть*, и осознанием того, кем *он не может не хотеть быть*, становясь собой. Воления человека, связанные с действием его воли к радости, имеют основание только в самом существовании человека. Если для своего желания человек *не находит* внешних причин, то он сам становится *волящей причиной* своих устремлений. Воля к радости направлена на желания, которые находятся в самом существовании человека, а не в существовании внешних обстоятельств, вынуждающих его хотеть быть не тем, кем он *хочет быть*.

Предназначение является единственным представлением человека о себе, которое не зависит от него и к осуществлению которого направлена его воля к радости. Поэтому осознанное отношение к социальной традиции и к фантомной воле приводит к осознанию своего предназначения и дает возможность свободного отношения и к побуждению *быть не хуже других* и *быть как все*. Стремление к осознанию *вынужденных желаний* быть не хуже других и быть как все тождественно стремлению человека к осознанию того, чего человек *хочет хотеть для себя, чтобы быть собой*. Иными словами, осознание *вынужденных желаний* позволяет человеку *приблизиться* к самому себе и *становиться* тем, кем он хочет быть, а не тем, к чему его вынуждают совместности в общей необходимости.

Осознание своего желания быть собой в осуществлении своего предназначения позволяет человеку взглянуть на социальную традицию со всеми ее ролями, ценностями и правилами как на «*обанкротившуюся биржу*», в которой продолжают заключаться сделки на огромные суммы, а «*товаров*» и «*денег*» нет ни у кого. Знают ли участники «*торгов*», что они *почти* все банкроты, или не хотят знать, вопрос отдельный. Но судя по нервозному характеру социальных проявлений, скорее всего, участники этой «*биржи*» догадываются, что с ними не все в порядке.

Человек заинтересован в *обретении себя*, поскольку это является единственным условием осмысленного отношения к своему существованию. Чем более выражена заинтересованность человека в его властных устремлениях, тем меньше его возможности радости и меньше его заинтересованность в свободном творческом осуществлении. Действия властных и творческих устремлений воли к радости взаимно противоположны. Творческие устремления направлены на стремление к большей свободе, а властные устремления человека связаны с его заинтересованностью в ограничениях как для себя самого, так и для других людей. Поэтому поиск себя и своего предназначения связан не только с осознанием внешне вынужденных желаний, но и с осознанием *своей властности*, которая стоит на пути творческого осуществления человека во взаимно свободной и радостной совместности с другими людьми.

Властная составляющая воли к радости связана со стремлением человека ограничить свободу другого и навязать ему переживания (в том числе, и в отношении к себе самому) желанным для себя образом. Но потребность во власти заставляет его платить «*налог*» на обслуживание своей властности за счет ограничения смысла и радости своего же творческого осуществления. Стремление человека к личной свободе неизбежно приводит его не только к осознанию *внешних ограничений*, которые заставляют его хотеть то, чего он не хочет, и вынуждают быть тем, кем он не хочет быть, -- кроме того, он неизбежно оказывается вынужден осознать собственные *внутренние ограничения*, связанные с его *властностью*, и решить, в конце концов, чего же он хочет в своей свободе хотеть.

Осознание себя, однако, не освобождает человека от необходимости соответствия социальным представлениям и выполнения общих правил. Более того, с этим связана его возможность социально направленного выражения смысла, адекватность своего ролевого осуществления и собственная контекстуальная уместность в совместности с другими людьми. Осознанность является основанием, на котором ролевое участие в общей необходимости может сделаться личным. В этом случае социальная роль становится *средством*, при помощи которого человек способен осуществлять свое предназначение. Поэтому личная осознанность позволяет человеку участвовать в вынужденных совместностях и на ролевых, и на личных основаниях.

Возможность получения ответа на основной вопрос личного существования – *что я делаю здесь и сейчас и какая мне от этого радость* – полностью зависит от обретения человеком самого себя. Если человек обрел самого себя, значит, он понял, что он *хочет хотеть* для того, чтобы *быть собой*. То есть, мое отношение к самому себе, каким я не

могу не хотеть быть, является основанием для получения ответа на этот вопрос о смысле личного существования.

18. Основание для ответа на вопрос о смысле личного существования

Будущее придает смысл настоящему. Поэтому если в моем будущем для меня существует представление о себе, каким я не могу не хотеть быть, и если это представление кажется мне осуществимым, мое настоящее имеет для меня личный смысл. Осознание своего предназначения, в котором человек для себя является тем, кем он не может не хотеть быть, становится *«маяком»*, к которому устремлена его воля к радости. Воля к радости устремлена к лучшему будущему, с которым связана возможность человека достичь для себя желанного, которого невозможно не желать, потому что это желанное связано с возможностью стать тем, кем невозможно не желать для себя быть.

Представление об осуществлении воли к радости в полной свободе связано с иррациональным представлением о счастье осуществленного предназначения. Поэтому будущее, которое придает смысл настоящему, связано с представлением об иррациональном счастье безграничной радости свободы личного осуществления в совместности с другими. Представление о счастье своего осуществленного предназначения придает смысл настоящему ровно в той мере, в какой это представление кажется человеку соотносимым с его существованием.

Собственная воля к радости человека заставляет его искать понимание самого себя. С обретением понимания себя человек получает возможность *освобождения* от сложившихся представлений о себе и возможность свободного отношения к существующим в традиции ценностям, предписаниям и запретам. Но пока в своем стремлении к лучшему воля к радости человека оказывается еще не в состоянии преодолеть действие социальной и фантомной воли, отношение человека к представлению о себе самом оказывается в *зависимости* от навязанных человеку желаний и представлений, существующих в традиции. В этом случае сознание человека находится под влиянием существующих представлений о принятом и о возможном.

Действие навязанных представлений заставляет человека хотеть того, чего он не хочет, и становится тем, кем он не хочет стать. Можно сказать, что пока для его сознания не доступно представление о том, каким он хочет стать, он вынужден *заимствовать* для себя представления других людей и становится тем, кем хотят его видеть другие. Заимствованные представления вынуждают человека относиться к желанному для других как к желанному для себя. И пока в его сознании не появился *«маяк»*, указывающий ему *путь* к самому себе, он вынужден искать образ себя там, где этот образ найти *невозможно*. Но только сам человек может найти *«ключ»* к себе, и только сам человек может этим ключом открыть запертую перед ним *«дверь»*, за которой находится смысл и свобода его существования.

Бесценный дар свободы, который придает смысл личному существованию человека, невозможно получить только для себя. Свою свободу человек получает вместе с другими, для кого его творческое дерзновение и его усилия становятся побуждением к собственным свободным исканиям личного смысла и к поиску своего собственного предназначения. Осуществление предназначения всегда обращено к личности другого человека, как призыв к сопереживанию невыразимо прекрасного в полноте взаимной свободы совместного осуществления воли к радости. Творческое осуществление каждого человека дает новые возможности для устремления к смыслу и свободе всем, с кем человек находится в совместности. Поэтому личное творческое преодоление любого человека прокладывает новые пути для свободного осуществления воли к радости всех.

Если в моем настоящем для меня существует представление о себе, *каким я не могу не хотеть быть*, и если того, что я делаю, *я не могу не хотеть делать*, тогда для меня не

может не быть радости в *моем здесь и сейчас*. Если в стремлении к своему лучшему будущему человек постоянно видит перед собой «маяк», указывающий ему путь к своему предназначению – *быть собой для себя* – тогда для человека не может не быть ответа на основанной вопрос личного существования – *что я делаю здесь и сейчас и какая мне от этого радость*.

Когда становится доступно переживание осуществимости своего предназначения и когда собственная заинтересованность во власти начинает осознаваться как напрасное и уже ненужное личное заблуждение, сознание прикасается к блаженству в настоящем. Прикосновение к блаженству вечного настоящего открывает для сознания реальность его собственного существования в вечности. И тогда, в предвосхищении своего освобождения, сознание замечает, сквозь рассеивающийся туман преодоленной неосознанности, зажженные для него в вечности огни посадочной полосы, где его ожидает безграничная радость взаимной свободы и личное бессмертие.